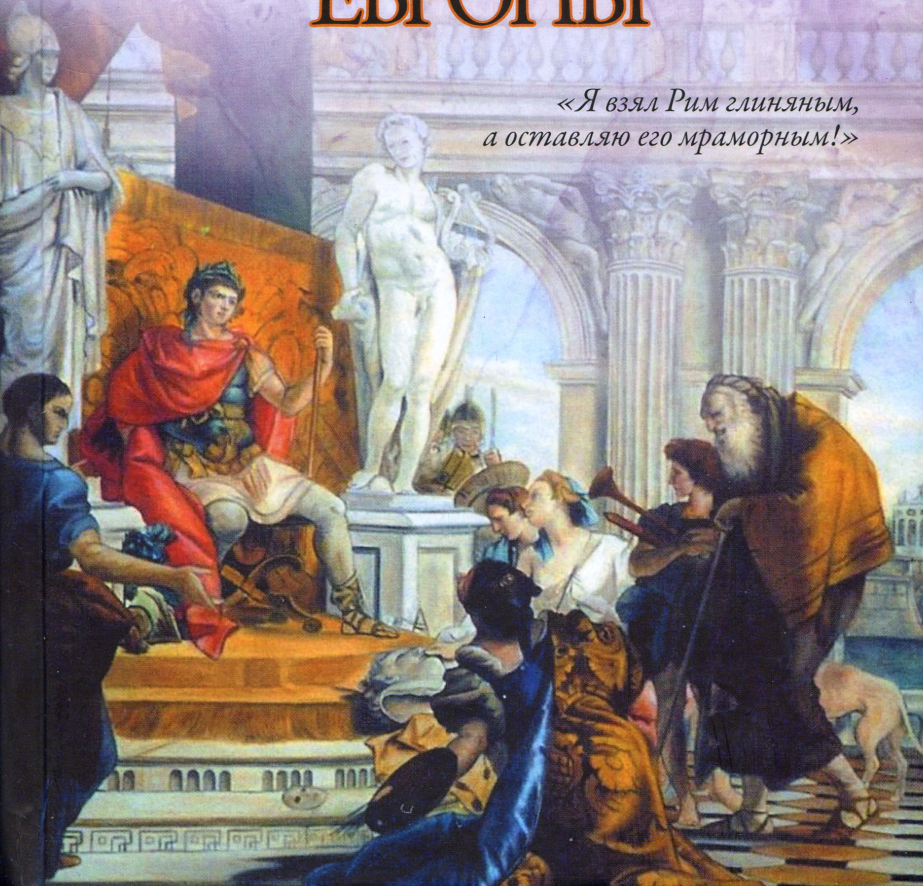

■ Ричард Холланд ■

ОКТАВИАН АВГУСТ КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ ЕВРОПЫ

*«Я взял Рим глиняным,
а оставляю его мраморным!»*

Ричард
Холланд

■ Ричард Холланд ■

ОКТАВИАН
АВГУСТ
КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ
ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 94(37)(092)
ББК 63.3(0)32
Х72

Richard Holland
AUGUSTUS: GODFATHER OF EUROPE

*Перевод с английского Е. Корягина
Компьютерный дизайн Г. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Sheil Land Associates и Synopsis

Подписано в печать 26.08.10. Формат 84×108¹/32.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 3000 экз. Заказ № 1837

Холланд, Р.

Х72 Октавиан Август. Крестный отец Европы / Ричард Холланд;
пер. с англ. Е. Корягина. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 348, [4] с.

ISBN 978-5-17-068217-1 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-271-30472-9 (ООО «Изд-во Астрель»)

Октавиан Август.

Один из самых известных государственных деятелей в истории Древнего Рима.

Человек сложного характера и непростой судьбы, он шел к власти весьма извилистыми путями и зачастую удерживал ее весьма жесткими методами, — но зато и для Рима сделал столько, сколько ни один из императоров после него.

Строительство. Социальные реформы. Долгое, мудрое правление, после которого потомкам досталась страна, не издерганная и обескровленная гражданской войной, а легендарный Pax Romana — Римская империя Золотого века, сильная, могущественная, процветающая.

Консерватор в лучшем смысле слова — и при этом человек, принесший в Римскую империю настоящий прогресс, он говорил о себе: «Я взял Рим глиняным, а оставляю его мраморным», — и смысл этого изречения следует понимать очень и очень широко...

УДК 94(37)(092)
ББК 63.3(0)32

© Richard Holland, 2004

© Перевод. Е. Корягина, 2010

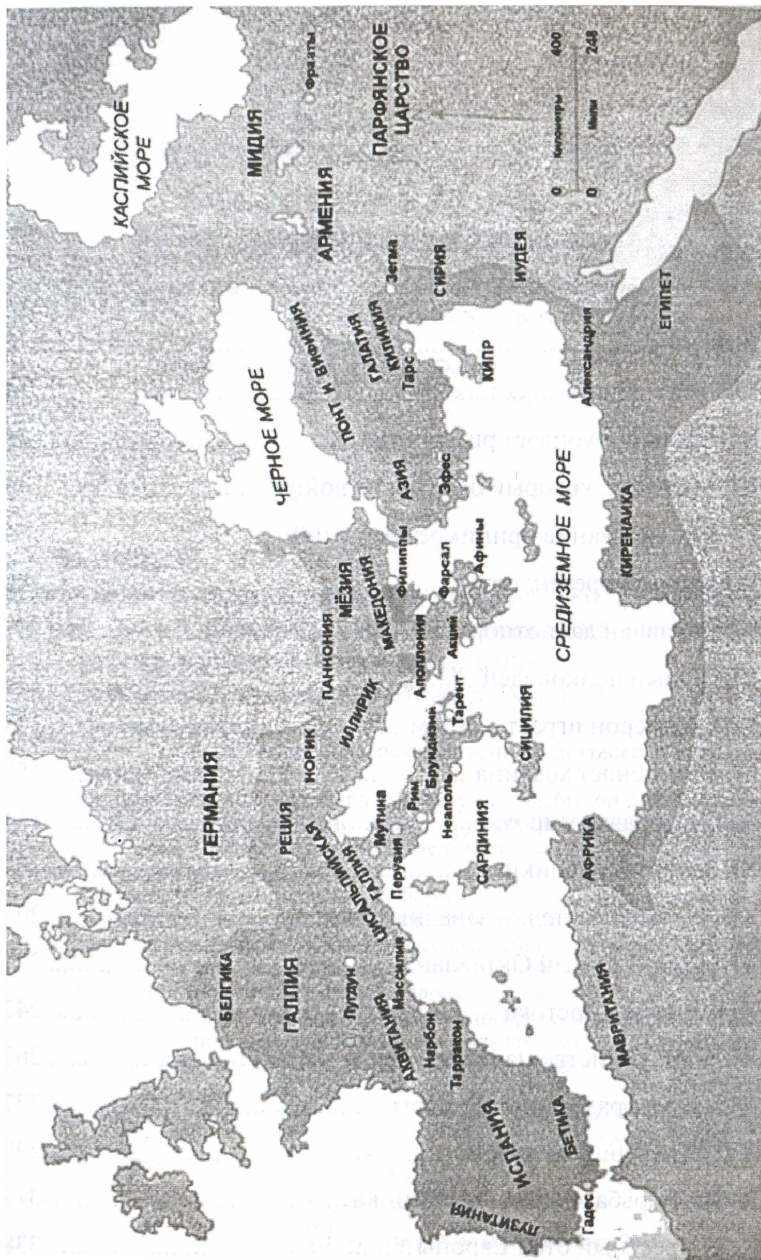

Школа перевода В. Баканова, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Содержание

Введение	7
I. «Раса господ»	14
II. Римлянин убивает римлянина	31
III. Мальчик, который опоздал на войну	46
IV. Командование принимает Антоний	69
V. Молодой претендент	88
VI. Октавиан дает отпор	107
VII. Юный полководец	122
VIII. Цицерон играет с огнем	138
IX. Рим меняет хозяина	157
X. Трое правят миром	174
XI. Закат республики	191
XII. Новый властелин западных земель	207
XIII. Влюбленный Октавиан	225
XIV. Угроза с востока	242
XV. Самоубийство на Ниле	262
XVI. Преобразование державы	277
XVII. На вершине власти	299
XVIII. Борьба за место преемника	317
XIX. Крестный отец Европы	338

Введение

Около двух тысяч лет назад весенним вечером некий юноша восемнадцати лет, которого отправили за границу — расширить познания в греческом языке и литературе, — получил от матери срочное письмо: в Риме сенаторы убили ее дядю. Для молодого человека, Гая Октавия (Октавиана), это преступление означало не только утрату любимого им родственника, но и возможность стать следующей по счету жертвой убийц. Дядей его матери был диктатор Юлий Цезарь, и его смерть в мартовские иды 44 года до нашей эры ввергла в смуту Римскую державу.

Отказавшись от предложенной военной помощи — над страной уже и так вставал призрак гражданской войны, — Октавиан тайно отправился домой. С несколькими верными друзьями он пересек на небольшом суденышке Адриатику. Путники обошли Брундизий (современный Бринди-зи), где стояли римские войска, поскольку предполагали, что за две или три недели, минувшие с убийства, убийцы под предводительством Брута и Кассия захватили власть в стране. Октавиан и его друзья направились к отдаленному

побережью на «каблуке» Италии, явились в ближайшее селение, отыскивали там наемное жилье и осторожно навели справки о последних новостях из столицы.

Дальнейшие события — настоящий сюжет для легенды. Октавиан, к своему большому удивлению, узнал: Цезарь в завещании усыновил его и объявил главным наследником. Октавиан немедленно принял имя Цезарь. Он вышел на политическую арену, набрал собственное войско, получил — а потом и потерял — поддержку Цицерона и сената, привел в столицу восемь легионов и заставил римлян выбрать себя консулом. В девятнадцать лет он стал, пусть и временно, титулованным лицом и главой величайшей державы запада, раскинувшейся от Атлантики до Евфрата и от Северного моря до Сахары.

Рим недолго терпел юнца-консула, затеявшего игры с законом. Но удивительная карьера Октавиана еще только начиналась. Он пережит и переживет своих главных противников, подарит огромному числу людей беспрецедентно долгий мир и достаток. Под именем императора Августа (сам Октавиан никогда не пользовался этим титулом) он дождется рождения внука своей внучки и умрет в постели, оплакиваемый женой, с которой прожил больше пятидесяти лет, в окружении семьи и друзей, почитаемый как бог. Да, его история — сюжет для легенды, но о нем так и не сложили легенд. Даже Шекспир умудрился отвести ему лишь эпизодическую роль злодея, повинного в самоубийстве двух влюбленных — Антония и Клеопатры.

Последующие поколения, столь многим обязанные Октавиану, не проявляли особого интереса к этому спокойному, уравновешенному человеку, наделенному выдающимися политическими и административными талантами. Он был преданным другом, но врагов, во всяком случае, в молодые свои годы, предпочитал убивать, а не убеждать. Позже, обладая абсолютной властью, не имея серьезных сопер-

ников, он убивал более избирательно. Впрочем, к тому времени большинство людей поняли: Октавиан в отличие от Юлия Цезаря никому не даст шанса предать себя дважды. Римские аристократы — те, кто уцелел — приучились вести себя так, как требовалось Октавиану, и убийства почти сошли на нет. Это тоже был своего рода мир. Привыкнуть оказалось легко; Октавиан вел себя дружелюбно и маскировал истинную свою власть видимостью возрождения традиционных республиканских институтов.

Мнение об Октавиане на протяжении веков сильно менялось. В эпоху европейских монархий, стремящихся перерастить в империи, поклонников у него нашлось множество.

После Первой мировой войны и низвержения держав преклонение перед Октавианом среди поборников фашистских режимов в Германии и Италии и вовсе достигло апогея. В частности, Муссолини, который мечтал возродить на своих землях часть Римской империи, видел в Октавиане образец для подражания. Однако в англоговорящих странах преобладал совсем иной на него взгляд, нашедший классическое выражение в книге оксфордского историка «Римская революция»; она вышла в сентябре 1939 года, на следующий день после вступления Британии во Вторую мировую войну.

Автор книги, Рональд Сайм (позднее — профессор, сэр Рональд Сайм, кавалер ордена Заслуг), писал свой труд между двумя войнами, в период великих диктатур, когда правили пробившиеся из низов люди вроде Гитлера и Сталина, прошагавших к власти по телам аристократов и обломкам империй. Август Сайма — это диктатор, пришедший к власти путем революции, выходец из среды разбогатевших плебеев, который покончил с политической свободой Рима и сокрушил аристократию, некогда Рим возвеличившую. Брут и Кассий у него — освободители, убийство Цезаря — героическое и высокое деяние, хотя и тщетное. О Бруте Сайм пишет: «Он не верил в насилие». Так почему же Брут

заколол Цезаря, почему повел огромное войско против своих соотечественников — римлян, почему распял раба, донесшего на хозяев?

Эрудиция Сайма бесспорна, и книга его имеет большое значение. Однако по прошествии шестидесяти с лишним лет его шедевр воспринимается как труд человека, не просто сожалеющего о возвышении вульгарных диктаторов *entre deux guerres**, но и глубоко скорбящего о том, что после Второй мировой войны на смену аристократическому правлению в Европе пришла эпоха простого человека. Автор «Римской революции» откровенно сокрушается о том, что в другом обществе, в Древнем Риме, отстранили от правления старую аристократию, и награждает ярлыком беспринципного демагога всякого — и особенно молодого Октавиана, — кто посмел прямо воззвать к избирателям через головы сенаторов — закоренелых олигархов.

Рассуждения Сайма и ныне пользуются поддержкой академического большинства, хотя отдельные историки не одобряют его патрицианское пренебрежение к «черни» и использование термина «революция» для обозначения смены правительства, в котором одних рабовладельцев вытеснили другие, пусть и менее высокого происхождения.

Настоящая книга — попытка найти золотую середину между преклонением перед Октавианом (Августом), бывшим, по мнению некоторых, натурой двойственной, и его очернителями. Я не пытаюсь доказать, что Октавиан — нечто большее, чем человек, движимый стремлением властвовать, готовый, если понадобится, идти к трону по трупам. Он приказал однажды распять шесть тысяч беглых рабов, взявшихся за оружие, поскольку считал это общественно необходимым актом, нужным *pour encourager les autres***.

* *Entre deux guerres* (фр.) — меж двух войн. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** *Pour encourager les autres* (фр.) — для устрашения остальных.

Главной бедой Рима, по мнению Октавиана, была алчная, вздорная и продажная власть, власть нескольких связанных узами родства семейств, управлявших империей путем постоянной перетасовки ежегодно избираемых магистратов; такая система годится для управления небольшим городом-государством, но никак не для управления разбухшей империей, вобравшей десятки миллионов человек различных рас, религий, разного уровня развития.

Вариант Октавиана — монархическое управление, тщательно замаскированное под коллегиальное. Создав меритократическую партию, состоящую большей частью из граждан-солдат, желающих отомстить за Цезаря, он постепенно стал обращаться и к другим слоям общества (исключая рабов), в том числе и предводителям еще недавно враждебной аристократии, готовым принять государственные посты на его условиях. Октавиан правил дольше и мудрее, чем кто-либо из его преемников-императоров, и оставил после себя Западу легендарный «*Pax Romana*» — «Римский мир» своего золотого века, способствовавший возрождению гармонии в литературе и архитектуре и расчистивший в мире, искалеченном рабством и привычкой к жестокости, путь для грядущего распространения христианства.

Было бы анахронизмом, да и ошибкой применять к Октавиану термин «революционер» (словно он древний предшественник Робеспьера или Ленина), и было бы абсурдно выставлять его противников-аристократов как освободителей, ведь свобода, которой они искали, — это свобода поработать и эксплуатировать, согласно традиции, все остальные слои общества. Октавиан был человеком религиозным и глубоко консервативных взглядов. Он использовал римское владычество, чтобы передать странам трех континентов римские ценности и мир; вслед за его войсками шли торговцы, прообраз будущих капиталистов, неся хотя бы некоторым из миллионов новых подданных блага

римской культуры — такие как центральное отопление или канализация.

Если сравнивать положение с сегодняшним днем, можно смело сказать, что со времен империи Августа ни одно государство не обладало столь подавляющим превосходством в мощи над возможными противниками, кроме — с недавнего времени — Соединенных Штатов, «главного жандарма планеты» во главе с президентом Джорджем Бушем.

Главная трудность для биографа Октавиана — неоднородность письменных источников. Очень мало известно о его детстве и юности. Зато есть целые горы сведений о периоде между убийством Цезаря в марте 44 года до нашей эры и достойным сожаления (но вполне понятным) отступничеством Цицерона в октябре 42 года до нашей эры. Кроме того, имеется много полезного материала об окончательном поражении Антония и Клеопатры около двенадцати лет спустя. Что касается остальных сорока четырех лет жизни Октавиана, информация порой настолько скудная, что мы ничего не знаем о нескольких подряд годах его деятельности. Согласно источникам, последние десятилетия Октавиан прилагал большие усилия, чтобы отыскать себе преемника. Его принято называть Октавианом до того момента, как он получил власть над всей империей, а затем — Августом, что является одной из причин неверного восприятия Октавиана как своего рода Джекила-Хайда. Я везде называю его Октавианом.

Современный подход предполагает использование других сведений, не биографического характера, но тоже интересных — о литературе, повседневной жизни, искусстве, общественных учреждениях, о зданиях, воздвигнутых по приказу человека, который, согласно поговорке, нашел Рим кирпичным, а оставил мраморным. Все, непосредственно касающееся Октавиана, я старался включить в повествование о его жизни. Моя книга предназначена для обычного

читателя, желающего узнать об этом человеке, о его борьбе и важнейших достижениях; я считаю важным теперь, когда изучение античности — удел единиц, обратить внимание на распад Римской республики, чтобы разобраться в поступках Октавиана, столь удивительным образом ворвавшегося на политическую арену.

Историки, специализирующиеся по этому периоду, несомненно, поймут, что я многим обязан как Сайму, так и другим ученым.

Я горячо благодарен моей невесте Пенелопе Олд, которая, прежде чем дать согласие выйти за меня замуж, мудро дождалась, пока я закончу книгу.

I

«Раса господ»

На заре эпохи царей у римлян было принято считать, что они произошли от троянцев. Согласно легенде, после описанной Гомером десятилетней осады ахейцы захватили Трою, и горстке лучших воинов удалось выбраться из пылающего города. Предводительствуемые Энеем, сыном богини Венеры, беглецы сели на корабль и пересекли с помощью богини Средиземное море. После разнообразных приключений они достигли западного побережья Италии. Путники поселились в Лации — землях, принадлежащих другому народу, на которых их наследники основали город Рим.

То была весьма удобная теория. Она окутывала дымкой легенды не слишком приятный факт: римляне — потомки кучки драчливых крестьян, в течение многих веков разорявших своих соседей. Признать поражение троянцев — и их изгнание с родных земель — было не столь зазорно, ведь ахейцы превосходили троянцев многократно и победили, как известно, не в честном бою, а с помощью предательской уловки, проникнув в город в брюхе деревянно-

го коня. Как бы то ни было, в 167 году до нашей эры римляне окончательно победили греков и спустя ровно двадцать один год сровняли с землей Карфаген, столицу своих давних врагов финикийцев, и засыпали солью его руины.

Но что важнее всего, версия троянского происхождения давала римлянам возможность возвести себя в особый статус — статус людей, выполняющих божественную миссию; она объясняет удивительное превращение простого города-государства в державу и позволяет кичиться своим превосходством над другими народами. Вергилий, выдающийся поэт золотого века латинской литературы, с поэтической смелостью так высказался о назначении римского народа:

Римлянин, помни, тебе — прочими править народами,
Мир им нести и закон — вот в чем твое ремесло,
Тех, кто покорен, — щадить, гордых же — силой смирать.

Иными словами, римляне, как нация, наделенная особыми добродетелями, имели право и обязанность вторгаться в любую страну в пределах досягаемости и наводить там римские порядки. Если население подчинялось, ему великодушно сохраняли жизнь, но если люди оказывали сопротивление, их убивали или обращали в рабство.

Юлий Цезарь, родившийся в 100 году до нашей эры, благодаря своим завоеваниям представил Вергилию образ такого идеального римлянина. В пятидесятые годы до нашей эры, во время завоевания Галлии, легионы Цезаря уничтожили в боях миллион галлов и германцев и захватили огромные территории, на которых теперь располагаются Франция, Бельгия, часть Рейнской области и северо-западная Италия. Еще миллион человек Цезарь обратил в рабство, в том числе пятьдесят три тысячи мужчин, женщин и детей, выживших после одной долгой и

мучительной осады. Это Юлий Цезарь, известный потомкам своим милосердием по отношению к поверженным врагам — если они римские граждане. И что еще важнее для нашего повествования, он же обучал искусству политики и войны внука своей сестры — Гая Октавия, юношу, которого объявил сыном и наследником и которому предстояло взять имя Цезаря и стать отцом-основателем Римской империи.

Гай Октавий (называемый далее Октавиан) родился в Риме незадолго до рассвета 23 сентября в зловещем 63 году до нашей эры, когда Италию сотрясало восстание (с участием близких к Цезарю людей) под предводительством мятежного сенатора Луция Катилины.

Цезарю удалось избежать гибели: сторонники республики хотели забить его камнями, когда он покидал заседание сената; младенцу Октавию было шесть недель от роду. Вот такое своеобразное предостережение об убийстве, что совершится в мартовские иды восемнадцать лет спустя. А тогда, в 63 году, Цезарь произнес речь в защиту одного из заговорщиков. Цезаря подозревали в связях с мятежниками, поскольку ранее он поддерживал Катилину — как кандидата в консулы против олигархии оптиматов. Вооруженные люди (из сословия всадников), нанятые для личной охраны консула Цицерона, уже вынули мечи против безоружного Цезаря, и спасло его только своевременное вмешательство самого консула.

Цезарь побывал на волосок от гибели — это его так напугало, что он не показывался в сенате до тех пор, пока не утвердился в должности претора (вторая по старшинству должность в Риме), на которую его избрали за несколько месяцев до слушания дела о заговоре Катилины. Вероятно, во время недолгого затишья в своей политической деятельности — если не раньше — Цезарь нашел время навестить маленького внучатого племянника. Ребенок родился в бо-

гатов квартал на Палатине, в двух шагах от Форума, где собирался сенат и где Цезарь, как *Pontifex Maximus* (верховный жрец), имел официальную резиденцию. У Цезаря не было законного сына; в обществе, где родословные считались в первую очередь по мужской линии, появление близкого родственника мужского пола могло иметь важные политические последствия.

На этой ступени карьеры Цезарь вполне мог надеяться обзавестись родным законным сыном. Ему было только тридцать семь, и в римском обществе он славился любовными подвигами. Октавиан стоял куда ниже на социальной лестнице, чем Цезарь — патриций голубых кровей из дома Юлиев. Мальчик был первым и, как оказалось, единственным сыном сенатора Гая Октавия, выходца из неприметного семейства.

Гая Октавия Старшего вскоре избрали претором, но в то время он почти не имел шансов стать одним из двух консулов, которые избирались каждый год и правили Римом только двенадцать месяцев. Достижение этой почти монархической власти навсегда причисляло семейство ее обладателя к людям благородным.

Род Октавиев относился к числу плебейских, и даже те его ветви, что жили в Риме уже несколько веков, ничем не выделялись. Семья Гая Октавия Старшего представляла собой мелкую знать в городке Велитры на землях племени вольсков в двадцати пяти милях к юго-востоку от Рима.

Дед Октавиана по отцу был богатым ростовщиком; он перешел во всадническое сословие и благодаря хорошему материальному положению обеспечил сыну возможность выдвинуться на невысокую должность квестора. По римским законам люди небогатые не имели права выдвигать свои кандидатуры; это делалось для того, чтобы никто, кроме богатых аристократов, не мог подняться до консульского места. Пост квестора — первая важнейшая ступень в избира-

тельной лестнице, поскольку он автоматически обеспечивал пожизненное членство в сенате. Искавший себе вторую супругу, молодой честолюбивый сенатор нашел в родных Велитрах женщину, которая могла подтолкнуть его к самой вершине.

Он предложил руку Атии, дочери местного богатого и знатного человека Марка Атия Бальба и его супруги Юлии, сестры Юлия Цезаря. То, что предложение Октавия приняли, кажется удивительным: с человеком подобного происхождения некоторые знатные люди не сели бы за один стол. Если верить Марку Антонию, один из дедов жениха был вольноотпущенником и занимался изготовлением веревок. Он жил неподалеку от городка Фурии на «каблуке» Италии. Правда, Антоний высказался о происхождении Октавиана, когда они уже враждовали.

Подобного рода обвинения — в данном случае почти наверняка ложные — в римском политическом мире делались нередко. Однако интересно, что Октавиан в воспоминаниях говорит об этом как-то туманно, не дает подробного опровержения, а просто упоминает о своем происхождении из «старинного и состоятельного всаднического рода».

Современная наука не может установить связи его семьи с римской ветвью Октавианов. Это само по себе ничего не доказывает, но если бы он состоял в родстве с какими-либо членами рода, занимавшими ранее должности магистратов, он бы об этом упомянул. Статус римского политика сильно зависел от того, есть ли среди его предков магистраты. Антоний был, несомненно, прав, утверждая, что у Октавиана в роду таковых не имелось, за исключением его недавно разбогатевшего отца, но все его инсинуации имели целью породить сомнения в происхождении имени Октавиана. По римским обычаям рабу, получившему свободу, следовало — чтобы стать римским гражданином и получить статус вольноотпущенника — принять

имя бывшего хозяина. Таким образом Антоний пытался доказать, что дед Октавиана по отцу был некогда рабом человека по имени Октавий, а не законным сыном свободного гражданина.

Имеются, впрочем, и другие свидетельства, согласующиеся с заявлением, что семья Октавиана — за исключением линии Цезаря — имеет простые корни. Первый биограф Октавиана, чьи труды дошли до наших дней, — Светоний (род. около 69 года нашей эры), владел бронзовой статуэткой Октавиана-мальчика. На ее основании была полустертая надпись «Фуриец». Имя Фуриец могло быть когноменом (семейным прозвищем, идущим за родовым именем) и обозначать человека, который происходит или как-то иначе связан с городком Фурии, где предположительно и обитал тот самый вольноотпущенник-канатчик. По мнению Светония, надпись на статуэтке доказывает, что в детстве будущий Август носил имя Гай Октавий Фурий. Историк подарил ее императору Адриану (годы правления: 117—138 нашей эры), а тот поставил ее среди статуэток своих домашних богов.

В письмах Марк Антоний иногда насмешливо называл Октавиана Фурийцем, подчеркивая, что тот — чужак, пробравшийся из самых низов. Молодой человек, по словам Светония, в ответ только удивлялся, что его попрекают его же детским именем. Октавиан явно хотел навсегда похоронить связь с Фуриями, и это, в свою очередь, вызывает сомнения в другой версии происхождения когномена, не связанной с дедом-канатчиком. В 60 году до нашей эры пропретор Гай Октавий Старший стал проконсулом Македонии; по пути в окрестностях Фурий он одержал победу над беглыми рабами. В ознаменование победы он якобы взял себе и двухлетнему сыну почетный когномен Фуриец, чтобы отличить свою ветвь рода Октавиев от прочих.

Среди недостатков последней версии есть, в частности, и такой: хотя сохранилось множество документов респуб-

ликанского периода, об этой предполагаемой победе никто особо не распространяется. Побежденные рабы представляли собой в основном сброд, оставшийся от разгромленного войска Катилины, и они не могли вернуться домой, не рискуя быть распятыми — обычное наказание для беглых рабов, взявшихся за оружие. Им, конечно, было далеко до участников восстания Спартака, случившегося примерно десятью годами ранее. Если Гай Октавий Старший с ними и сражался, вряд ли это была большая битва — скорее мелкие стычки, в которых обученные солдаты очистили окрестности от обреченных рабов, потерпевших поражение в борьбе за свободу.

Высмеивал Антоний и деда Октавиана со стороны матери. Светоний определенно пишет, что Марк Атий Бальб, женатый на сестре Цезаря, происходил из старинного сенаторского рода, но доказательства того довольно шаткие. Предполагается, что историк перепутал Атия Бальба с Атилием Бальбом, который в третьем веке до нашей эры дважды был консулом. По утверждению Антония, отец Атия Бальба приехал в Италию из Африки (имеется в виду не континент, а относительно небольшая римская провинция) и поселился в Ариции — городе в пятнадцати милях к югу от Рима, где изготавливал и продавал благовония, а позднее открыл пекарню.

С тех пор прошло не слишком много времени, и если бы Антоний лгал, его легко было бы уличить.

Какое, впрочем, значение имеют эти злобные сплетни по сравнению с жизнью и огромными достижениями Октавиана! Современные читатели с удовольствием читают биографии людей скромного происхождения, ставших великими вождями. Именно таким считаем мы Авраама Линкольна, родившегося в бедной хижине, — в не меньшей степени, чем Уинстона Черчилля, который родился в Бленхеймском дворце и вел родословную от герцогов Мальборо.

Однако у большинства римских избирателей были противоположные взгляды. В древности считалось, что если человек родился бедняком, или рабом, или хромым, значит, он заслужил такую участь, совершив нечто скверное в предыдущей жизни, или же такова воля богов или судьбы. А если он происходит из династии храбрецов, служивших на политическом поприще, то и он, по всей вероятности, тоже отважный и тоже удачно проявит себя на государственной службе — будь то по причинам хорошей наследственности или же по велению судьбы.

Сложные римские законы разрабатывались с таким учетом, чтобы предоставить людям, имеющим выдающихся предков и обладающим крупным состоянием, самые высокие в правительстве посты и в то же время не дать людям бедным и из простых семей даже возможности выставлять свои кандидатуры, независимо от их личных способностей. Способности, конечно, учитывались, но лишь после того, как по соображениям происхождения отсеивалась большая часть претендентов. Такая система несовместима с теперешними демократическими представлениями, однако в Древнем Риме она отлично работала в течение четырех с лишним веков, пока при правлении Юлия Цезаря не начала разваливаться. Можно утверждать, что без этой системы Рим так и остался бы одним из многих соперничающих между собой городов-государств.

Основная причина столь долгого ее существования — наличие в ней элементов демократии в количестве, достаточном, чтобы правящая аристократическая верхушка могла опираться на простых граждан, большая часть которых уважала власть сената, основанную на долгом успешном правлении.

Войны, как самое выгодное занятие Римской империи, обогнали сельское хозяйство, а сенаторы были не просто политиками, но и старшими войсковыми командирами.

В соответствующем возрасте полководцы вели в бой победные легионы, а за общегосударственную стратегию отвечали вышедшие в отставку военачальники, занимающие консульские посты. Хотя под таким руководством Рим и терпел порой неудачи, войны все окупали. Рим не только побеждал тех, кого считал врагами, не только выжимал из них все, что мог — деньги, рабов, трофеи, налоги, — но и забирал за половинную плату в свое войско самых здоровых мужчин, дабы удерживать в подчинении завоеванные народы.

Официально считалось, что государством управляют совместно сенат и римский народ — *Senatus Populusque Quiritium Romanus*; аббревиатура SPQR выбивалась на монетах и присутствовала на символике страны. Впрочем, хотя правом голоса обладал каждый гражданин, демократия эта была не такой, какую мы знаем теперь, и не такой, как у древних греков, которые ее и изобрели. Это была скорее видимость демократии, принимаемая людьми консервативных взглядов, людьми с сильным чувством общности и преданности государству. Она служила для сдерживания народного недовольства и позволяла потомственной политической элите удерживать власть. Важнейшую роль играли наследственные привилегии. Разумеется, члены семей рождались и умирали, одни сменяли других, но в списках магистратов веками оставались те же самые имена. Патриций по имени Луций Юний Брут возглавил восстание против последнего римского царя и около 509 года до нашей эры основал республику. Почти полтысячелетия спустя член того же патрицианского рода Марк Юний Брут в мартовские иды 44 года до нашей эры встал во главе шестидесяти заговорщиков, которые убили Юлия Цезаря — в тщетной попытке спасти республику.

Убийцы объявили (и, возможно, верно), что Марк Брут — прямой потомок Луция Брута по прямой мужской линии;

тем самым они желали увеличить ценность своего поступка в глазах простого народа.

Луций Брут был членом царского совета, помогавшего править целой чередой назначаемых сенатом царей, правивших Римом со времени легендарного основания города, которое принято относить к 753 году до нашей эры. Этот совет сохранился и после изгнания последнего царя, Тарквиния Гордого. Первой его законодательной мерой было введение ежегодных выборов двух магистратов — позже названных консулами, — которые в течение года должны вместе осуществлять власть, принадлежавшую ранее царю. Членов совета, или, по-другому, сената, называли *patres* (отцы) — отсюда происхождение слова «патриции». Их называли отцами, потому что они буквально были отцами (или старшими мужчинами в роду) самых важных семейств Рима.

Сенаторы исполняли при консулах роль советников — так же как члены царского совета при царе. Но если царь мог безнаказанно игнорировать мнение советников, то консулу это было не так легко. Он пользовался почти такой же неограниченной властью, как и царь, но лишь в течение года пребывания на посту. После сложения полномочий консулов могли подвергнуть наказанию за любые поступки, совершенные за время консульства, и судили его старшие члены сената, чьими советами он в свое время, возможно, пренебрег. Предусмотрительный консул, желающий обезопасить себя от наказания — ссылки или конфискации имущества, — перед тем как принять важное решение, старался заручиться поддержкой сенаторов. Почти все консулы предпочитали согласиться с мнением большинства в сенате, каково бы оно ни было. В конце концов, они ведь и сами оставались членами сената и в статусе экс-консулов приступали к своим сенаторским обязанностям — и их мнение ценилось выше, чем мнение сенаторов, не побывавших на консульском посту.

Таким образом, патриции, входившие в сенат в ранние годы республики, имели возможность ограничивать деятельность консулов, но бесконечно препятствовать общественным переменам они не могли. Классовая вражда показала свой уродливый лик, когда самые активные плебеи тоже захотели вкусить плодов власти. Насколько позволяют судить источники, никого в этом долгом противостоянии, которое проводилось такими весьма современными методами, как забастовки и массовые сидячие демонстрации, не убили. В конце концов ограниченное количество самых богатых плебеев получило доступ в сенат, но сменилось еще несколько поколений, прежде чем члены их семей удостоились консульских званий. Однако, разделив власть с патрициями, «плебейская аристократия» утратила интерес к продвижению в политику низших плебеев, и к середине третьего века до нашей эры во взглядах и политике двух групп аристократии уже не было существенной разницы. Их первоначальные разногласия утонули в совместных усилиях по укреплению олигархической властной структуры, с помощью которой отдельные личности внутри привилегированного сенаторского круга сохраняли право открыто соревноваться друг с другом за магистратуру и военные посты, одновременно делая все возможное, чтобы подавить конкуренцию со стороны людей, не принадлежащих к их кругу. Браки между патрициями и плебеями укрепляли этот союз.

Какую же роль играл во всем этом народ, то есть избиратели? Любые рассуждения о ранней системе голосования были бы чисто умозрительными, но современные историки частично реконструировали те удивительные механизмы, благодаря которым в последние сто лет существования республики избиратели попадали на избирательные участки, и еще более удивительные механизмы, посредством которых правящая олигархия добивалась того, чтобы голоса избирателей не имели почти никакого значения.

Имелось три рода собраний, где голоса отдавались лично зарегистрированными избирателями, и всегда результат в той или иной степени колебался в сторону желательного для правительства.

Все старшие магистраты, включая двух избираемых каждый год консулов, избирались центуриатными комиссиями, то есть собраниями по центуриям, на основе древней организации римской армии. Отдельные голоса считались в пределах одной центурии, которая на деле могла состоять из нескольких человек. При конечном подсчете большинство достигалось перевесом в один голос. Всего было 193 центурии; не меньше 180 состояло из сенаторов и всадников. Их голоса считались в первую очередь и отдавались, разумеется, тем из кандидатов, кто защищал их интересы — то есть интересы богатых собственников, состоятельных рабовладельцев. Пролетариев, не проходивших по имущественному цензу, записывали в одну-единственную центурию, и потому их участие в выборах было чисто показным.

В некоторых других центуриях преобладали почти столь же «консервативные» избиратели, стоявшие по общественному положению ниже всадников, но выше большинства обычных граждан. Их голосов — вместе с голосами сенаторов и всадников — хватало, чтобы выбор оказался в пользу аристократов, чьи фамильные древа украшал длинный перечень магистратов.

Очень редко, в исключительных случаях, консулом становился *novus homo* (новый человек). Например, дядя Цезаря Марий, выдающихся способностей полководец, который реорганизовал римскую армию, или же одаренный юрист Марк Туллий Цицерон, чьи сочинения о морали можно с пользой читать и сегодня; правда, свою сенаторскую карьеру он посвятил тому, чтобы сохранить *status quo* и не допустить помощи беднякам.

У сената не было права избирать магистратов или проводить законы. За или против принятия закона народ голосовал в трибутных комициях или плебейском собрании, куда избирались только плебеи и от названия которого происходит слово «плебисцит».

Предмет голосования для обоих собраний назначал компетентный магистрат. Отдельные голосующие могли выступать в дебатах перед голосованием, только если их попросил об этом председательствующий магистрат; он имел право запретить высказывать мнение, отличное от его собственного. Такое голосование производилось не по военным центуриям, а по трибам. Ко времени Цезаря число триб достигало тридцати пяти. Почти весь городской пролетариат был приписан к четырем трибам, и потому их голоса значили весьма мало. Таким образом, огромная масса проживающих в Риме граждан никогда не могла добиться желаемого — разве что если остальные трибы (числом тридцать одна) голосовали так же, как и они.

Эти тридцать пять триб были разбросаны по всей Италии, некоторые их члены жили довольно далеко, и в город на выборы успевала явиться лишь небольшая часть избирателей, а голосовать следовало лично и только в отведенном для этого месте. Процесс голосования длился несколько часов, и потому у небогатых горожан, которым приходилось зарабатывать на жизнь, оставалось совсем мало возможностей заниматься голосованием. Вероятно, людям сильно докучало долгое ожидание в тесноте, пока настанет очередь их трибы голосовать, — порядок голосования определялся жеребьевкой. Некоторые могли так и не дожидаться своей очереди — если до них восемнадцать триб из тридцати пяти проголосовали одинаково, завершив тем самым голосование. Среднему избирателю, следовательно, нужно было очень сильно увлекаться политикой. Случалось, что какую-либо трибу никто не представлял. Наибо-

лее далекие трибы представляли, как правило, лишь несколько человек. Подобная система допускала злоупотребления вроде «гнилых местечек» в Англии восемнадцатого века*: горстка избирателей продавала голоса тому, кто больше предложит, или хотя бы получала от своего «патрона» компенсацию за неудобства и затраты на дорогу и проживание в Риме.

Система патронажа приобрела в Риме угрожающие размеры — хотя и не такие обширные, как полагают большинство современных историков. Археологические раскопки в сочетании с простой арифметикой полностью доказывают: голосованием занимались весьма немногие. Народные собрания посещались лишь несколькими тысячами человек. Там, где они проводились, было слишком мало места, чтобы вместить больше народу. Голосование подразумевало физическую изоляцию членов каждой отдельной трибы на огороженных участках — наподобие загонов для стрижки овец, — оттуда люди выходили гуськом по двум специально построенным «мосткам», чтобы положить свои таблички. Согласно официальным цифрам, в 69 году до нашей эры число избирателей в Риме превышало девятьсот тысяч (при Августе оно возросло приблизительно до пяти миллионов), но обычно за один раз голосовало не больше половины процента общего числа — вследствие временных ограничений и тесноты. Иногда процент голосующих увеличивался, однако такое случалось редко. Историкам больше не приходится относить на счет системы патронов и клиентов те таинственные механизмы, с помощью которых правительство столь регулярно получало голоса «народа» в пользу политики, явно противоречившей интересам большинства населения.

Правящая олигархия среди аристократического большинства в сенате не старалась заполучить обманом голоса

* Поселение, которое фактически уже не существует, но имеет право посылать в парламент депутатов.

центуриатных комиций, избиравших консулов. Она весьма охотно принимала выбранных народом кандидатов — постольку, поскольку эти люди принадлежали к нужному классу и не стали бы пытаться ввести реформы в пользу простого народа. Время от времени удачливых кандидатов обвиняли в подкупе — хотя подкуп был неотъемлемой частью системы — и таким образом отсеивали совсем неподходящих. Собрания по трибам и плебейский совет обычно могли рассчитывать, что среди десяти трибунов найдется такой, который наложит вето на любые законы, противоречащие их интересам. На случай, если что-то пойдет не так, в запасе имелся еще один вариант: консул или жрец мог объявить, что ему было неблагоприятное знамение — в небе или же во внутренностях жертвенного животного или птицы, — и аннулировать результаты любого официального мероприятия, проведенного в определенный день.

Однако, несмотря на стоявшие на пути реформ препятствия, аристократия не могла противостоять нападкам людей из своих собственных рядов. Юлий Цезарь стал самым выдающимся и известным из так называемых популяров — политиков, стремившихся облегчить участь простых граждан, угнетаемых правящим меньшинством, но он никоим образом не был первым. Необходимость реформ назрела ко второй половине второго века до нашей эры, еще до рождения Цезаря. Историк Саллюстий, сторонник Цезаря, отзывался об этой эпохе весьма горько: «И в мирное и в военное время все дела вершила горстка людей. Казна, управление провинциями, магистратуры, почести и триумфы — все было в их руках. Народ нес бремя воинской службы и страдал от бедности. Полководцы и их приближенные обогащались за счет военной добычи. А родителей или маленьких детей солдат выгоняли из жилищ богатые соседи».

Слова Саллюстия нуждаются в некотором пояснении. Как во всех доиндустриальных обществах, невоенная часть

римской экономики была преимущественно аграрной. Большие партии продовольствия могли перевозиться только по воде, и потому в разных местах люди нередко голодали, особенно во многих горных районах Италии, а также и в самом Риме — когда случались неурожаи, а в море на суда нападали пираты. Заниматься торговлей — за исключением продажи сельскохозяйственной продукции — сенаторам не пристало, и они этим занятием пренебрегали, предпочитая получать доходы от аренды, войн, от высоких постов за пределами Рима, где они обирали злосчастных жителей управляемых ими провинций. Торговали в основном люди всаднического сословия, и кое-кто из них стал богаче многих сенаторов, особенно *publicani* (сборщики налогов, или «мытари»), о которых нелестно отзывается Библия.

Два высших сословия — сенаторы и всадники — составляли аристократию и правящий класс. Существовал огромный экономический разрыв между ними и основной массой населения, большая часть которого даже в пору относительного изобилия имела лишь самое необходимое для выживания. В ранние века республики простые солдаты-пехотинцы владели небольшими земельными участками. Они проводили посев в конце зимы, отправлялись покорять одно или два соседних племени и возвращались — если не погибали, не попадали в плен и не получали серьезного увечья — как раз к тому времени, чтобы собрать с полей урожай, которого хватало им с семьями на следующие двенадцать месяцев.

По мере того как увеличивалось количество завоеванных земель, войскам приходилось продвигаться все дальше и дальше; таким образом военные походы затягивались уже до осени, урожай мог пропасть. Когда держава еще расширилась, солдатам-крестьянам пришлось служить целый год или больше; после того как завоевание достигло таких отдаленных земель, как Испания, Греция и Северная Аф-

рика, они оставались вдалеке от дома уже по нескольку лет. Государство не предусматривало для отслуживших воинов никакого пособия. Вернувшись домой из тысячемильного похода, солдат мог обнаружить, что дома у него нет.

Во время его длительного вынужденного отсутствия жена и дети умерли или отправились в город в надежде избежать голода, занимаясь тяжелой грязной работой. Крыша дома обвалилась; участок забрал себе какой-нибудь землевладелец, и обрабатывают ее рабы под руководством надсмотрщика. Если земля официально не продана, ветерану только и остается продать ее за те гроши, которые ему предложат. А потом с горсткой монет отправиться попытаться счастья в Риме — вместе с тысячей других таких же бедолаг. Как заключил профессор Брант: «Завоевывая то, что они называли целым миром, римляне загубили большую часть италийского народа».

Покупкой и незаконным захватом земель в италийской деревне занимались не кто иные, как сенаторы и всадники, а бывшие владельцы-крестьяне тем временем в далеких краях воевали за государство — в тяжелейших условиях и за мизерную плату. Участь римских крестьян в войске была нелегка; еще тяжелей приходилось их сотоварищам из других частей страны, составлявшим около половины регулярной армии. Платили им даже меньше, они подвергались дисциплинарным наказаниям, включая наказание плетьюми, которое к римским гражданам не применялось. Вышедшие в отставку солдаты как латинского, так и иного происхождения отправлялись толпами в поисках работы в Рим, где им составляли конкуренцию такие же бывшие солдаты и вольноотпущенники, причем последние иногда были обеспечены гораздо лучше солдат.

Такие вот элементы и образовали позднее ту самую знаменитую римскую чернь, которую многие историки презирают за возникший впоследствии девиз «Хлеба и зрелищ!».

Впрочем, состояла эта чернь не только из бездельников и мотов, которых можно найти в любом большом городе, но большей частью из преданных государством старых солдат и других людей, ставших жертвами обстоятельств и эксплуатации. Смешать всех в одну кучу как однородную толпу — значит рассуждать так же, как олигархи. Первая попытка со стороны аристократии побороть социальные язвы провалилась, потому что обозлившиеся сенаторы, стараясь защитить свои имущественные права, прибегли к массовым убийствам. Если бы Октавиана не охраняла круглосуточно вооруженная стража, убили бы и его — так же как некогда убили Цезаря и почти по той же причине.

II

Римлянин убивает римлянина

Свои идеи Цезарь и другие популяры почерпнули у некоего бывшего офицера, озабоченного растущей нехваткой рекрутов для легионов. Тиберий Семпроний Гракх воевал в Испании; на обратном пути в Рим, проходя по сельской местности Италии, он был буквально потрясен, увидев, какие произошли перемены в сельском хозяйстве благодаря массовому ввозу чужеземных рабов. Вместо бесчисленных мелких хозяйств, поддерживавших существование крестьянских семей, он увидел огромные поместья, работающие на торговлю и поглотившие множество родовых участков. Гракх рассудил, что если найти способ вернуть согнанных с земли людей к сельскому хозяйству, на собственные поля, население деревни начнет умножаться, давая стране обеспеченных свободных граждан, пригодных к воинской службе.

Государству принадлежали обширные территории в разных частях Италии, называемые «общественной землей», — земли, захваченные в предыдущих войнах. В 133 году до нашей эры Гракх как трибун предложил раздать их небольшими участками отслужившим ветеранам и другим хозяевам, но сенат значительным большинством его план отверг. Среди трехсот сенаторов было очень много таких, чьи семьи за год до того получили львиную долю этих земель — гораздо больше, чем позволялось законами — и расставаться с ними не собирались. Гракх устроил правительственный кризис: он забрал свое предложение из сената и выставил его перед народным собранием.

Поступок его не противоречил законам, но он нарушал многовековую традицию. Сенатское большинство, возмущенное его посягательством на то, что оно считало своей территорией — и в географическом плане, и в политическом, — склонило другого трибуна наложить на проект вето.

Звали этого покорного сенаторам трибуна Марк Октавий; Плутарх называет его предком Октавиана (доказательств тому нет). Его вмешательство имело серьезные последствия; ответные действия Гракха можно считать началом упадка республики. Последующие события были беспрецедентными и разрушительными. Гракх убедил народное собрание проголосовать за отрешение Октавия от должности, с тем чтобы после — когда тот уже не сможет наложить вето — утвердить закон о земле. Дело теперь заключалось не только в аграрной реформе, но и в том, кто правит Римом. Гракх показал, что трибун вроде него, который имеет дело непосредственно с народным собранием, может обойти и сенат, и консулов и сам править Римом.

В кулуарах меж тем строились планы судить Гракха, как только кончится год его пребывания у власти. Чтобы этому помешать, он решил нарушить еще одну традицию и повторно выставить свою кандидатуру на выборах. Опасаясь

покушения, трибун ходил, окруженный толпой сторонников. Бурные выступления в сенате не убедили действующего консула в необходимости применить силу, дабы — как преподносили происходящее сенаторы — не дать черни совершить государственный переворот. Верховный жрец Сципион Назика, носивший древний титул великого понтифика, ныне принадлежащий папе римскому, устроил демонстрацию вместе с другими несогласными сенаторами. Они вооружили своих приверженцев дубинками, и те насмерть забили Гракха и еще десятки его сторонников.

За эти вопиющие убийства никого не судили. На некоторое время сенат оставил в силе гракховский закон о землях; люди с палками желали продемонстрировать, что они уважают право народа принимать законы. Дабы придать случившейся бойне видимость законности, они устроили показательный процесс над оставшимися в живых сторонниками Гракха, обвинив их в заговоре против республики, и казнили.

В числе судей находился и великий понтифик. Мир был восстановлен, вот только Рим так и не стал прежним. Произошло первое в истории республики убийство из-за политических разногласий — но отнюдь не последнее. Об этом позаботятся многие, в том числе и Октавиан.

Через десять лет после гибели Тиберия Гракха стал трибуном его младший брат Гай. Он начал представлять народному собранию проекты законов, защищающих интересы масс. Сенат относился к его деятельности с холодным презрением. Однако Гай потерял любовь плебса, когда предложил даровать римское гражданство некоторым союзникам Италии, и ему пришлось завести для своей охраны отряды вооруженных людей. У сената появился повод с ним разделаться. Тогдашний консул выставил против «бунтовщиков» войско, и во время избиения Гай погиб в числе трех тысяч человек, чьи тела сбросили в Тибр.

Таким образом, сенат со всей жестокостью показал, кто на самом деле правит Римом. Не народ, а те, кому подчиняется армия. Октавиану предстояло усвоить этот урок — под руководством Цезаря, знавшего историю Гракхов еще в детстве. В исторических записках мы впервые видим Юлия Цезаря юношей, который бежит, охваченный страхом за свою жизнь, в поисках у кого бы спрятаться, стараясь не ночевать дважды в одном месте. Цезарь не сделал ничего дурного. Во время жестокой гражданской войны он всего-навсего оказался не на той стороне. Это случилось спустя полвека после гибели Тиберия Гракха, единственно по той причине, что он, Юлий, доводился родней противникам диктатора — сенатора Корнелия Суллы. Сулле подчинилось войско, и его люди отыскивали и арестовали юного Цезаря.

О характере и темпераменте Суллы ясно говорит его поведение на собрании остатков сената — после того как диктатор устроил там чистку. Он собрал заседание в храме Беллоны, римской богини войны. Перед храмом была обширная площадь. Туда пригнали шесть тысяч военнопленных — длинные шаркающие колонны под охраной солдат. Сулла стал произносить обращение к сенату — а двери храма оставались открытыми! — солдаты же тем временем начали убивать пленников. Сулла, который славился черным юмором, сделал эффектную паузу: «Не обращайтесь на них внимания, — жестом он дал понять, что резня происходит по его приказу. — Лучше послушайте меня». И под стоны умирающих и мольбы тех, кто дожидался очереди, Сулла спокойно излагал свои планы — пока не казнили всех приговоренных.

Вот каков был человек, в чьи руки угодил Юлий Цезарь. К счастью, у юноши нашлись влиятельные родственники и друзья, и они стали просить за него — ведь Юлий не поднял против Суллы оружия. Даже девственные весталки, хранительницы священного огня, с которым тесно связывали само существование Рима, и те присоединили свои голоса

к хору в защиту Цезаря. Когда Юлий предстал перед диктатором, Сулла велел ему развестись с женой Корнелией. Цезарь не подчинился. Безумное решение, но оно оказалось Цезарю на руку: Сулла успел истребить почти всех врагов и особых опасений за свою жизнь теперь не испытывал. Сам будучи патрицием, Сулла, возможно, оценил отказ Цезаря унижить себя малодушным поступком. Однако диктатор предупредил защитников юноши: «Хорошо, пусть будет по-вашему, только знайте, что однажды он уничтожит дело оптиматов, за которое мы так долго боролись».

К власти Сулла пришел после войны, разгоревшейся из-за убийства трибуна, бывшего, по иронии судьбы, на стороне оптиматов, — Марка Ливия Друза (приемного деда Ливии, будущей супруги Октавиана). Друз, правда, расходился с ними по вопросу гражданства. Когда он попытался сделать римских граждан из главных союзников Италии, дававших в легионы много солдат, его закололи среди бела дня при толпе свидетелей, но никого за это преступление не наказали. Недавние союзники, и без того стоявшие на грани мятежа, ответили на произошедшее объявлением войны от имени Италийского союза.

Высокомерие римской аристократии по отношению к италийцам хорошо иллюстрирует приводимая вкратце историком Авлом Геллием речь, с которой Гай Гракх выступил незадолго до смерти. Супруга консула, прибыв с мужем в небольшой городок Теан Сидицинский, пожелала искупаться (по рассказу Гракха), и из общественной мужской бани выгнали всех посетителей. Потом жена пожаловалась консулу, что баню мыли слишком долго, но не слишком тщательно. Городского квестора, ведавшего подобными вопросами, привязали к столбу на рынке, раздели и прилюдно выпороли. Позднее некий претор приказал арестовать двух квесторов за подобную же провинность. Один из них, чтобы избежать унижения, бросился с городской сте-

ны. Его самоубийство не изменило решения претора, и другого квестора все же выпороли.

В отличие от просвещенного меньшинства сенат и народ Рима как будто объединились в своем противостоянии расширению гражданства. Кровавую борьбу с союзниками историки называют Союзнической войной (91—88 года до нашей эры); в действительности же это была первая в ряду гражданских войн, приведших в конце концов к падению республики и появлению Октавиана в качестве правителя Римской империи.

Недальновидные олигархи продержались еще два года — пока тысячи людей из Рима и Италии гибли в сражениях неведомо за кого, а их дети и жены, лишившись урожая, голодали. Наконец сенат согласился дать римское гражданство всем бывшим союзникам, если они сложат оружие. Многие так и сделали, но к тому времени империи уже угрожал серьезный внешний противник — Митридат, царь Понта, государства на Черноморском побережье.

Благодаря безрассудству Рима он получил преимущества: вторгся в богатые провинции Азии (не континента, а территории, которая ныне включает часть северо-западной Турции) и буквально вырезал тысячи римских колонистов. Необходимо было послать туда сильное войско во главе со способным полководцем и вытеснить Митридата.

Сенат назначил Суллу, успевшего показать свои способности в Союзнической войне. Но поражение уже серьезно подорвало репутацию сената, и народ требовал сместить Суллу и отправить вместо него популяра Мария — уже немолодого полководца, дядю Юлия Цезаря. Сулла пообещал войскам, что если они останутся служить под его началом, он обогатит их за счет военной добычи с востока, а Марий про них и не вспомнит, и все достанется его любимым легионам. Так Сулла стал первым римским полководцем, подкупившим солдат, дабы они хранили верность лично ему, а

не республике. То был решающий момент. Все офицеры, за исключением одного, оставили Суллу, но солдаты пожелали идти за ним, чем он и воспользовался. Он повел их из казарм на улицы Рима, и они убивали всех несогласных, поджигали некоторые дома и прихватывали все, что плохо лежало.

Сулла отомстил за свою поруганную честь, убив многих политических оппонентов; прежде чем его армия головорезов отправилась устрашать неприятеля на востоке, он показал всем: полководец, у которого достаточно большое войско, получающее от него плату, и есть истинный правитель Рима. Марий, успевший унести ноги из города, несколько месяцев спустя подтвердил эту точку зрения. Он пережил множество приключений — однажды ему пришлось голышом прятаться в болоте, и его оттуда вытащили посланные в погоню солдаты, которые сами трепетали перед силой его духа. Затем Марий присоединился к другой военной группировке, возглавляемой популяром Корнелием Цинной (будущим тестем Юлия Цезаря). В отсутствие Суллы Марий захватил Рим и, в свою очередь, перебил врагов-оптиматов. Вскоре Марий умер, и власть перешла к Цинне.

Пробыв на востоке пять лет, Сулла в 83 году до нашей эры вернулся в Рим, ведя двадцать пять тысяч закаленных в боях ветеранов, и те немедля развязали новую гражданскую войну за обладание Римом. Именно тогда началась военная карьера двадцатитрехлетнего Гнея Помпея (Помпея Великого), в результате которой он почти на тридцать лет стал самой значительной фигурой в римской политике. Он уже имел большой вес в Пиценской области, где унаследовал поместья отца (бывшего консулом в 89 году до нашей эры). Помпей поднял у себя на родине восстание, на вербовал в поддержку Сулле три легиона и таким образом изменил ход войны. Всего у них было восемь легионов, у этих столь непохожих союзников: Сулла — лицо в красных пятнах, пронзительные синие глаза и — в пятьдесят пять лет! —

ярко-рыжие волосы, и полная его противоположность, Помпей, вызывавший всеобщее восхищение — величественного вида атлет с густыми кудрями, да к тому же талантливый полководец.

Рим снова сменил хозяина. Сулла навязал стране свое диктаторство; он получил такую же власть над жизнью, свободой и имуществом людей, какой обладали бывшие цари. Он решил еще раз, уже окончательно, очистить ряды аристократии от популяров и возвел господство террора в городе на невиданный доныне уровень. Каждый день диктатор вывешивал на Форуме списки тех, кого еще не успел поймать и казнить. Этот так называемый метод «проскрипций» тридцать восемь лет спустя применят Марк Антоний и Октавиан. Тем, кто выследит жертв и принесет их головы, выдавалось денежное вознаграждение.

Долгосрочный план Суллы состоял в восстановлении республики, но уже в ином, измененном виде. Власть трибунов предполагалось ограничить, запретить магистратам выставлять законопроекты на голосование без предварительного обсуждения с сенатом. Жертвы проскрипций — и казненные, и те, кто в бегах, лишались имущества, а их внукам и правнукам (даже еще не рожденным) запрещалось занимать государственные посты.

На захваченных таким образом землях Сулла поселил своих ветеранов, а остальные продал по бросовым ценам ближайшим соратникам.

Среди лишенного прав потомства и нашел позднее Октавиан первых союзников.

Чтобы продемонстрировать свои полномочия, Сулла отменил установленную Марием и Цинной выдачу зерна гражданам — несмотря на недостаток продовольствия, вызванный гражданской войной. Наконец он ввел в сенат, ряды которого благодаря казням и изгнанию популяров значительно поредели, несколько сотен своих сторонников.

Позднее Цицерон высказал мнение, что римский народ разделился на два лагеря не столько вследствие действий Суллы, сколько вследствие деятельности братьев Гракхов. В одном лагере оказались популяры — беспринципные политики, подгоняемые непомерным честолюбием и желанием властвовать и стремящиеся угождать черни. В другом — *boni* (хорошие), занимающие в обществе солидное положение — большинство сенаторов, всадников и других собственников. Интересы «хороших» выражала политическая прослойка оптиматов (то есть лучших), среди которых, согласно Цицерону, не было преступников, людей, обремененных денежными затруднениями, или распутников.

Крупница правды в словах Цицерона есть, но далеко не вся правда. Тут игнорируется очевидный факт: популяры отражали позиции подавляющего большинства избирателей, и по крайней мере некоторые из них весьма активно отстаивали эти позиции, даже рискуя восстановить против себя сенаторов. Не следует, впрочем, поддаваться мысли, что описательные термины «оптиматы» и «популяры» имеют какое-либо отношение к политическим партиям в современном смысле. Популярны, как меньшинство среди аристократов, пришли бы в замешательство, предложи им кто-то вести избирательную кампанию за большинство мест в сенате. У оптиматов было свое дело, и за него многие из них в конце концов и погибли. То же можно сказать и о популярях. Типичное заблуждение относительно последнего века Римской республики — считать, что политическая борьба не была обусловлена с обеих сторон как противоположными политическими ценностями, так и личным честолюбием. Аристократов-популярных по меркам сегодняшнего дня никак нельзя отнести к демократам, но по меркам Древнего Рима они были куда демократичнее оптиматов, у которых напрочь отсутствовало какое-либо сочувствие демократическим идеям. Популярны — если судить по их де-

лам — придерживались принципа, что все граждане имеют право хотя бы на небольшую долю богатств, приносимых расширением империи, особенно если эти граждане сражались за нее в рядах легионеров.

Популяры не выдвигали подобных принципов в качестве лозунга на выборах — в Риме не было такой вещи, как всеобщие выборы. Они снова и снова отстаивали — без формальных заявлений, зато на деле — священное право настоящего народного собрания решать законным путем любой вопрос, выдвинутый перед ним избранным правомочным магистратом или трибуном без предварительного согласования с сенатом и без дальнейшего утверждения в сенате. Это полностью соответствовало политической реформе, которой добились плебеи несколько поколений назад, не прибегая к кровопролитию. Когда оптиматы обвинили популяров в том, что те пытаются низвергнуть республику, обращаясь через голову сената непосредственно к черни (то есть избирателям), они тем самым признавали: большинство граждан против них.

Обычные граждане со скромными средствами, так же как и бедняки, и нищие, бесспорно, имели веские причины поддерживать по отдельным вопросам популяров в противовес правящей олигархии. Конечно, не каждому хотелось попасть на какой-нибудь дальний земельный надел и трудиться там с рассвета до заката, зато если выпадал шанс проголосовать за дешевую еду, голосовали все. Оптиматы почти всегда, если верить документам, стояли против земельных реформ и раздачи продовольствия беднякам. Как мы убедились, они активно препятствовали тем трибунам, которые пытались обойти сенат, а в качестве последнего средства были готовы убить на месте всякого, кто проявлял настойчивость.

Реформы Суллы действовали недолго. Всего через восемь лет после его смерти Помпей заключил временный

союз с Марком Лицинием Крассом, тоже в прошлом полководцем Суллы; вместе, как консулы, они в 70 году до нашей эры отменили большую часть этих реформ и, главное, отменили ограничение прав трибунов. Двигало ими стремление добиться себе свободы для политической карьеры, поскольку оптиматы уже позаботились ограничить их власть. Красс, патриций и самый богатый в Риме человек, прославился своим высказыванием, что по-настоящему богат только тот, кто в состоянии снарядить легион. Банкиры, предприниматели, сборщики налогов из всаднического сословия искали его поддержки в сенате.

Его союз с Помпеем был весьма неустойчив, поскольку Красс завидовал славе Помпея и потому тайне поддерживал звонкой монетой стремительную карьеру Цезаря, в котором давно разглядел союзника с выдающимися политическими способностями.

Помпей шел по стопам Суллы, заняв высокий военный пост на востоке, где снова возникла угроза римскому владычеству. В это время родился Октавиан и произошел мятеж Катилины. Катилину вряд ли можно рассматривать как жертву популистских игр. Он был политик-банкрот, который надеялся восстановить свое богатство, пользуясь неподдельным народным негодованием. Он смог поднять людей числом примерно в два легиона и поднял бы больше, если бы Цицерон столь быстро и беспощадно не подавил мятеж, вплоть до того, что лично проследил, как в темном грязном подземелье удушили пятерых сторонников Катилины.

После гибели Катилины в бою Помпей возвратился из успешной карательной экспедиции на востоке. Он больше чем вдвое увеличил приток доходов в римскую казну, реорганизовав систему взимания налогов в различных провинциях и обложив налогами новые земли и людей. Он не сомневался, что сенат станет чествовать его как национального героя и вознесет на заслуженную высоту, соответству-

ющую его дипломатическим и военным успехам. Помпей расформировал войско и вошел в Рим словно обычный гражданин. Он не учел обиду и ревность предводителей оптиматов. Они-то боялись, что он войдет в город как завоеватель и станет диктовать им свои условия. Оправившись от страха, они взялись за прежнее. Отказать Помпею в триумфе они не могли, не рискуя вызвать общественное возмущение, но когда он простодушно попросил сенат поселить ветеранов на хороших землях и утвердить подписанные им договоры, оптиматы начали тщательно изучать и с оскорбительной придирчивостью критиковать все его соглашения и затем отвергли их.

Помпей с большим опозданием понял, что им нет никакого дела до его подвигов и заслуг перед Римом. Главной их заботой, как и всегда, оставалось сохранение собственных наследственных привилегий. В отличие от Цезаря Помпей не чуждался этих людей, он страстно желал попасть в круг аристократии. Даже имя его было против него, оно выдавало нелатинское происхождение. Помпей рассчитывал впечатлить коллег-сенаторов своей храбростью, успехами полководца, тем, что он расширил границы империи, принес в казну огромные суммы — а не оставил большую часть денег себе, как поступили бы многие сенаторы. Однако сенаторы видели в нем лишь человека, который путем заигрывания с плебсом получил особую власть на востоке империи, и поставили себе целью не допускать его в дальнейшем до подобной власти. Оптиматы не только отнеслись к Помпею без уважения, они еще старались подорвать доверие к нему его же легионеров, показать солдатам, что их командир не способен предоставить им обещанные земли и награды.

Цезарь увидел здесь хороший шанс. Он пришел к Помпею и предложил соглашение, которое, как он и сам понимал, в случае выполнения пошатнуло бы республиканскую систему. Цезарь обещал Помпею удовлетворить его закон-

ные требования, если Помпей и его ветераны присоединятся к Крассу с его бессчетными миллионами, чтобы выдвинуть кандидатуру Цезаря на консульство. Для успеха требовались две вещи: поддержка плебса и деньги для немалых взяток. В 59 году до нашей эры Цезаря избрали на консульство, вылившееся в неограниченную власть в стране, власть, выходящую за рамки закона. Этот период известен в истории под названием Первого триумvirата. Согласно тайному соглашению, Помпей и Красс проводили угодные им законы, а делом Цезаря стали социальные меры (отчасти чтобы обеспечить ему симпатии плебса); в конце года он получил проконсульский пост во избежание преследования со стороны оптиматов. Все трое должны были оказывать друг другу поддержку и в дальнейшем, чтобы никто не отменил принятые ими законы. Подобная схема не могла ужиться с республиканской системой ежегодного переизбрания магистратов. Она основывалась на насилии, запугивании и коррупции — средствах, давно уже имевшихся на вооружении олигархов. Оптиматы использовали их по необходимости — без них республика бы захромала.

Таково было истинное предназначение особого оружия сената — так называемого *senatus consultum ultimum*^{*}, которое изначально ввели, чтобы одержать победу над Гаем Гракхом. По сути, оно равнялось лозунгу «Все дозволено!». Сенаторы по очевидным причинам не спешили признать, что подобная формула дает дорогу консулам и другим магистратам убивать столько народу, сколько потребуется, дабы сохранить наследственную власть аристократии. На этот раз популяры могли собрать гораздо большую толпу, чем оптиматы.

Помимо преследования краткосрочных политических целей, каждый из триумvirов желал в конце концов сде-

^{*} Чрезвычайное постановление сената, позволяющее консулу приговаривать к казни без суда.

латься самым значительным в государстве лицом. Впрочем, триумвират не мог стать постоянной формой правительства. Сначала неофициальная иерархия поставила Помпея над Крассом и гораздо выше Цезаря, который до того воспринимался обоими как младший партнер. Тем не менее в этом совместном предприятии именно Цезарь брал на себя самый большой риск и, как выяснилось позже, именно он выиграл больше прочих. Остальные экс-консулы рисковали всего лишь своими ближайшими политическими целями. Цезарь, как и его предшественники-популярны, поставил на кон и карьеру, и жизнь, — правда держался он с такой уверенностью и достоинством, что никто об этом и не догадывался. Он наслаждался игрой, ставки в которой были столь велики.

В отличие от Мария и Суллы никто из членов триумвирата не выказывал желания убивать своих собратьев-аристократов. Разве докажешь превосходство над соседом, придушив его в тюрьме? Докажет его тот, кто, подобно Помпею, Цезарю или Крассу, в лучших традициях предков поведет римских воинов к победе, а потом приведет их обратно, нагруженных добычей и раздувшихся от гордости, пройдет с ними по улицам величайшего в мире города, через толпы бывших соперников, ревущих приветствия и завидующих одновременно, и чем сильнее завидующих, тем лучше. Совместными усилиями оптиматы стремились не дать триумвирам достичь подобных успехов, что и привело в результате сначала Цезаря, а потом и Октавиана к ситуации, когда приходится выбирать — убивать самому или быть убитым.

Впервые все поняли, насколько серьезно угрожает Цезарь республике, когда он появился на Форуме перед огромной толпой своих сторонников; он вышел на роstrу бок о бок с Помпеем и Крассом. Отныне империя стала явью: три самых могущественных в Риме человека объединились, чтобы бросить вызов сенату, и никто не мог помешать им, кроме друг друга. Соглашение ограничивало деятельность

каждого из троих: ни один не должен делать того, против чего возражает хотя бы один из остальных. Возглавляемая Цезарем как действующим консулом, поддерживаемая большинством трибунов и ветеранов Помпея, эта тройка могла узаконить любые свои притязания — благодаря массовой поддержке народа, который голосовал в народном собрании. Бибул, бывший в том году вторым консулом, оказался не в состоянии помешать им совершить *coup d'état**.

Сплоченность триумvirата укрепил еще и брак Помпея с дочерью Цезаря Юлией.

Октавиану в то время было почти четыре года. Свидетельств его встречи с Помпеем не существует, но они скорее всего встречались, поскольку династический брак Помпея заключался именно с целью сблизить две семьи. Октавиан, надо полагать, присутствовал на свадьбе вместе со своей матерью Атией, которая прекрасно понимала политическую важность этого союза. Если бы Юлия подарила Цезарю внуков (Помпей уже имел троих сыновей от предыдущих браков), Октавиан стал бы значить для Цезаря куда меньше. Учитывая, что Помпею в ближайшие годы предстояло оставаться самым могущественным человеком в Риме, Атия наверняка старалась держать сына поближе к нему и Юлии.

Когда окончился срок консульства Цезаря, он получил назначение на пять лет на пост правителя трех сопредельных провинций, включая всю Северную Италию (называвшуюся Цизальпинской Галлией)** за рекой Рубикон.

Кроме того, Цезарь получил под начало четыре легиона и в дополнение к ним быстро набрал еще два. Его легионы контролировали весь Апеннинский полуостров. Сенат не мог собрать достаточные для противостояния им силы — разве что набрать новых солдат или набрать

* *Coup d'état* (фр.) — государственный переворот.

** От лат. «*cisalpinus*» — находящийся по эту сторону Альпийских гор.

войско за границей. Однако ни то ни другое не годилось — пока триумвиры сохраняли власть над толпой и пользовались поддержкой народных собраний — через трибунов. Теоретически по крайней мере часть войска Цезаря могла дойти до Рима за одну-две недели. И так и случится. Но теперь взгляд Цезаря был устремлен на северо-запад. Следующие девять лет он будет занят завоеванием славы — бессмертной славы, подобной славе Александра Великого.

III

Мальчик, который опоздал на войну

Отец Октавиана умер во время консульства Цезаря. Для семьи это был тяжелый удар — как в политическом плане, так и в личном. Поскольку в союзе с Помпеем и Крассом Цезарь весьма ловко управлялся с рычагами власти, никто не сомневался: Гай Октавий Старший непременно станет консулом. Октавиан в таком случае оказался бы причислен к знати — как прямой потомок человека, побывавшего консулом. Теперь четырехлетнему мальчику предстояло дожидаться, пока эту честь подарит ему Цезарь, приняв его в род Юлиев.

За свою недолгую пока жизнь мальчик нечасто видел отца. По всей вероятности, большую часть времени он проводил в семейном поместье в Велитрах, где сто лет спустя местные жители с гордостью показывали благоговеющим посетителям небольшую комнатку, его бывшую детскую. Некоторые даже утверждали, что Октавиан там и родился, но это скорее просто попытка набить цену Велитрам — и себе заодно.

Отцу Октавиана, ставшему претором в 62 году до нашей эры, предстояло провести этот год в Риме, изредка вырываясь в деревню к семье на неделю-другую. После претуры

он год был наместником Македонии, причем показал себя достаточно хорошо, ибо заслужил похвалу такого строгого судьи, как Цицерон. Отец вполне мог взять Октавиана с собой в Македонию, но вероятнее всего он оставил его в Велитрах, на попечении няnek — хотя бы по причине слабого здоровья мальчика, которое часто внушало опасения.

Атия недолго оставалась вдовой. По причине стремительной карьеры ее дяди Цезаря она стала завидной невестой на брачном рынке, где аристократы искали себе партию. Разумеется, без одобрения Цезаря она бы замуж не пошла, и, несомненно, многие честолюбивые искатели руки были отвергнуты. Окончательный выбор пал на Луция Марция Филиппа, человека богатого и со связями, отец которого (носивший такое же имя) был в 91 году до нашей эры консулом и проявил себя в войне против бывших союзников Италии. Связи у Филиппа имелись в обоих лагерях. Его дочь от первого брака Марция была супругой Марка Порция Катона, самого решительного противника Цезаря среди оптиматов. В то же время Филипп умудрялся водить дружбу и с Цезарем, и с Помпеем, причем настолько успешно, что в 56 году до нашей эры стал консулом-десигнатом; он тогда вернулся в Рим после годового пребывания на посту наместника Сирии и тогда же женился на Атии.

Филипп имел репутацию человека веселого и общительного. Хотя он и был значительно старше Атии, она вполне могла и сама выбрать его в мужа. Тесть Катона вряд ли казался Цезарю лучшей партией для племянницы, но подобный союз мог защитить и Атию, и ее сына в случае серьезных гражданских столкновений. Этот брак, насколько нам известно, разлада в семью не внес; мы знаем, что в отроческом возрасте у Октавиана были прекрасные отношения с отчимом.

К концу пятилетнего срока правления Цезаря Рим сделался для законопослушных граждан опасным местом: за

время власти триумvirата в городе не стало закона и порядка. Цезарь уже подчинил римскому владычеству большую часть Галлии и увеличил число подчиненных ему легионов до восьми. Однако ему нужно было время, чтобы завершить и закрепить свои замечательные достижения. Кроме того, он собирался завоевать некий таинственный остров далеко на севере, в существование которого многие римляне даже не верили.

Самому же Цезарю удалось полюбоваться через пролив белыми утесами Британии. Он расспрашивал британских воинов, которых встречал в Галлии. Цезарь знал: остров существует — и со свойственной ему самонадеянностью намеревался присоединить его к прочим военным трофеям. Цезарь не имел права вернуться в Рим — по существующему закону он в этом случае лишился бы своего поста. И потому по дороге на юг он остановился в тосканском городке под названием Лукка, где его ждали Помпей и Красс. Их сопровождали сто двадцать сенаторов со свитой, которые прибыли из Рима, желая продемонстрировать триумвирам поддержку и в надежде заслужить их благосклонность — республиканская система вырождалась весьма быстро. Цезарь, конечно, пожелал продлить срок своих полномочий еще на пять лет — он ведь не знал, сколько времени потребуется его легионам на покорение Британии. Взамен он согласился, чтобы его союзники получили должности подобного же уровня.

В 55 году до нашей эры Помпей и Красс были избраны на консульство. Никто не мог препятствовать их назначению на высокие военные посты — Помпея в Испанию, а Красса — в Сирию. Однако кому-то из триумвиров следовало оставаться в Риме и защищать интересы двух других. Цезарь оставаться не мог. Красс намеревался выполнить давно задуманный честолюбивый план — вторгнуться в Парфянское царство. И для защиты союза оставили Помпея. Согласно закону, тот, как проконсул, не мог оставаться в Риме. Он

вышел за городские стены, назначил себе легатов, которым предстояло отправиться в Испанию от его имени, а сам стал принимать сенаторов в своем новом доме. Было ли в истории другое такое время, когда столь обширная империя управлялась столь нелепым способом? Ни один из триумвиров не мог легально войти в столицу, в которой следовало располагаться правительству. Двое из них отправились в разные концы римского мира — с мощнейшими армиями, но весьма слабыми представлениями о предстоящих испытаниях. Третий остался в Риме — полководец, чье войско находилось на расстоянии месячного пути.

Столь пренебрежительное отношение взывало к возмездии. И оно настигло в полной мере всех троих, хотя Цезаря позднее, чем прочих.

Удача пока еще держалась на его стороне, хотя оба раза, вторгаясь в Британию, Цезарь рисковал потерять и всю Галлию, и все войско, и жизнь. Первое вторжение было скорее разведкой. Второе, спланированное более тщательно, едва не окончилось катастрофой: буря разбила стоявшие на якоре корабли Цезаря, и перед тысячами разъяренных воинов он остался без средств к отступлению. Цезарь хорошо знал свое дело. Он сумел и выстроить новый флот, и разбить наголову бриттов, и отплыл в Галлию, взяв заложников, а также обещание, которое побежденные так и не выполнили, — регулярно выплачивать Риму контрибуцию.

В то же самое время пришел конец триумвирату. В битве при Каррах, в Месопотамии (современный Ирак), Красс потерял две трети войска — а заодно и жизнь. Ведомый тщеславием, он стремился завоевать Парфию, сильнейшего из соседей Рима. Парфянское царство простиралось до самой Индии. Квестор Гай Кассий Лонгин (тот самый Кассий, будущий убийца Цезаря) вернулся в Сирию с остатками войска, которое перегруппировал, и успешно отбил нападение парфян.

В Риме судьба нанесла уже разваливающемуся союзу еще один удар. Дочь Цезаря, Юлия, вышедшая в 60 году до нашей эры замуж за Помпея, в сентябре 54 года до нашей эры скончалась от родов. Цезарь предложил в супруги пятидесятидвухлетнему Помпею другую молодую родственницу — Октавию, дочь Атии и сестру Октавиана. Благодаря такому союзу девятилетний Октавиан стал бы шурином Помпея.

Дело, однако, осложнялось тем, что Октавия уже состояла в браке с сенатором Гаем Клавдием Марцеллом, оптиматом с сильными связями. Разумеется, Цезарю куда важнее было сохранить родственную связь с Помпеем, чем избежать раздора с Марцеллом. Помпей мудро отклонил предложение Цезаря. Сенат постарался усилить раскол между ними, назначив Помпея единственным консулом и поручив ему навести в Риме порядок.

Некоторые группировки в Риме, которые Цезарь финансировал, бесчинствовали в городе; кроме того, его власти над Галлией угрожало массовое восстание под предводительством верховного вождя Верцингеторикса.

Только в 51 году до нашей эры Цезарь смог окончательно разбить галльского вождя и усмирить больше сорока племен, воевавших под знаменами Верцингеторикса. К тому времени отношения между Цезарем и Помпеем, который породнился через женитьбу с патрицианским родом Корнелиев, стали быстро портиться. При поддержке сената Помпей провел новые законы, усложняющие процедуру выборов и не оговаривающие особых привилегий для Цезаря — теперь тот не мог попасть в консулы на второй срок, пока не кончилась его служба в Галлии. Оптиматы собирались разделаться с Цезарем, когда он не будет занимать государственной должности и его можно будет подвергнуть судебному преследованию.

Во время службы в Галлии Цезарь всегда заботился о том, чтобы его представители поддерживали постоянные

связи с его клиентами на Апеннинском полуострове, а среди клиентов были не только отдельные важные граждане, но и целые города. Еще Цезарь посылал в столицу сообщения, которые публично зачитывались вслух и сильно способствовали росту его популярности. Октавиан наверняка читал эти письма — как и прочие учащиеся, вероятно, под руководством наставников. В двенадцатилетнем возрасте он делал успехи и в чтении, и в риторике; именно ему поручили произнести на Форуме траурную речь на похоронах его бабки — сестры Юлия Цезаря. Это было первое выступление Октавиана перед многочисленной публикой, в столице, которую ему предстояло сделать своей. Подобные мероприятия обычно готовились очень тщательно, в них участвовали мимы — они надевали маски предков покойного, сделанные при жизни или же посмертно. Речь Октавиана до нас не дошла, но можно не сомневаться, что, помимо обычного восхваления семьи Юлии и ее царственных и божественных предков, Октавиан не преминул ярко расписать подвиги ее брата в Галлии и Британии.

Цезарь — он не смог прибыть в Рим на похороны — отнюдь не бездействовал. Чтобы укрепить преданность легионов, он удвоил им плату, послал богатые дары царям и другим влиятельным лицам по всей державе, начал грандиозное строительство в Риме и прочих городах Италии и таким образом обеспечил работой своих сторонников из числа свободных ремесленников. Он послал полководца Марка Антония добиваться должности трибуна; Антония избрали, и он работал в паре с Гаем Курионом, талантливым оратором, который стал противником Помпея; Антоний и Гай Курион вместе защищали интересы Цезаря, прибегая к дипломатии и пользуясь правом вето.

В конце концов Цезарь предложил противникам в сенате новые условия: он объявил, что готов сложить с себя полномочия, если Помпей тоже оставит командование вой-

ском. В декабре 50 года до нашей эры Курион передал это предложение сенату; за его принятие проголосовали триста семьдесят человек и только двадцать два — против. Такой результат продемонстрировал всеобщее стремление к мирному урегулированию и нежелание поддерживать упрямых оптиматов. Меньшинство — двадцать два человека — отказались принять вердикт сената. Законной силы это решение все равно не имело, потому что исполнительная власть оставалась у старших магистратов.

На следующий день после голосования двое сенаторов, неся символический меч и сопровождаемые толпой единомышленников, явились к Помпею. Гай Клавдий Марцелл (супруг Октавии) был консулом, чей срок уже истекал, а Луций Корнелий Лентул Крус — консулом-десигнатом, которому предстояло занять его место. У них не было полномочий от сената или народа. Марцелл вложил в руку Помпея меч и сказал ему, что долг его — защищать Италию от возможного вторжения. Великий полководец не устоял перед столь драматическим жестом. Стоило оптиматам предложить Помпею верховную власть, и он, по-видимому, тут же позабыл, как они обошлись с ним двенадцать лет назад. А Марцелл, протягивая Помпею меч, несомненно, помнил, как Цезарь собирался отобрать у него молодую жену Октавию и отдать Помпею.

Ближайшее окружение Катона полагало, что Цезарь, столкнувшись с непреодолимой силой, отступит. Он был тогда в Равенне, зимовал в лагере с одним легионом, а восемь остались по другую сторону Альп. Находившийся недалеко от Рима с двумя легионами Помпей, у которого были огромные резервные силы в Испании и Сирии, похвалялся — стоит, мол, ему лишь топнуть ногой в любом месте Италии, и тут же появится и пешее, и конное войско. Цицерон, однако, знал, что самым крайним оптиматам недостает общественной поддержки даже в Риме, не говоря уже о провинциях, откуда набирались солдаты. 17 декабря

он писал своему другу Аттику: «Я не нашел ни одного человека, который предпочел бы сражаться вместо того, чтобы уступить требованиям Цезаря».

Цезарь сделал еще одну попытку договориться. Он согласился отдать две из трех своих провинций, а затем и все, кроме одного, легионы, если ему позволят сохранить полномочия проконсула до следующих выборов. Помпей колебался, склоняясь уже к согласию, но Катон посоветовал ему не поддаваться на уловки Цезаря. И шанс был упущен. Не такой человек был Цезарь, чтобы стоять на месте и ждать, пока к нему подойдут его галльские легионы. Он решил рискнуть и немедленно выступить против Помпея, победить за счет внезапности и скорости, вопреки всему. В нескольких милях от Аримина (современный Римини) Цезарь с пятью тысячами пехотинцев и тремя сотнями всадников пересек реку Рубикон, отмечавшую границу его провинции, и быстро направился на юг. Ведь Цезарь может покорить мир и с горсткой солдат!

Центральная Италия пребывала в страхе. Перепуганное население лежащих на пути Цезаря городов устремилось в отдаленные деревни, дороги заполнились беженцами. Цезарь послал вперед гонцов — сообщить людям, что опасность не грозит ни им, ни их жилищам. Весть о том, что мятежные солдаты ведут себя хорошо, распространилась быстро. Сплошь и рядом города открывали им ворота, и их гарнизоны присоединялись к Цезарю. Даже Корфиний, заполненный солдатами Помпея, сдался без сражения.

Командир гарнизона Агенобарб, зять Катона, с помощью разных происков ранее пытался заполучить власть над Галлией. Милосердие, проявленное к нему Цезарем, изменило всеобщее мнение в пользу последнего. Паника улеглась, и люди вернулись по домам.

В Корфинии Цезарь узнал новость, которая повергла его в изумление. Помпей решил не отстаивать Италию, а от-

правиться в Македонию — вместе со всем войском и большинством сенаторов. Намерения его, как выяснилось, заключались в том, чтобы на востоке собрать легионы и вернуться в Рим во главе огромной непобедимой армии. Но план этот представлял лишь часть замысла, включавшего еще и одновременное прибытие из Испании легионов Помпея. Как долгосрочный план он был неплох — пусть не для растерянных оптиматов, так для Помпея, которого они назначили главнокомандующим. Заменить его в тот момент другим полководцем означало бы преподнести победу Цезарю на блюде. Им оставалось только стиснуть зубы и следовать за своим предводителем — туда, куда ему заблагорассудилось отправиться, — бросив семьи и дома на милость покорителя Галлии.

Не дав ни единого сражения, Цезарь стал властителем Италии; однако он бы недолго им оставался, если бы не продолжал очень быстро продвигаться на юг. Цезарь вошел в Рим, созвал сенат и вскрыл государственную сокровищницу, которую Помпей по непонятной причине оставил в целости. На важнейшем заседании сената, состоявшемся 1 апреля, присутствовал, несомненно, и Филипп — ведь Цезарю требовалось собрать как можно больше сенаторов, чтобы придать своим действиям хотя бы видимость законности. И что могло быть лучше для его политического престижа, чем появиться перед народом в окружении семьи, в частности маленького Октавиана? Был ли среди членов семьи муж Октавии Марцелл, нам не известно. Он находился в Риме или его окрестностях, отказавшись последовать с оптиматами за границу. Помпей и его полководцы пренебрежительно относились к человеку, который первым поднял меч на Цезаря, а затем оставил его другим. Сам Цезарь явно простил Марцелла, но в глазах римлян бесчестье загладить нельзя.

В следующем году Цезарь выстроил флот, принял командование над испанскими легионами и, переправившись

с частью войска через Адриатическое море, разбил на равнине у Фарсала соединенные части Помпея, вдвое превышающие его собственные. Глядя на груды тел, он с горечью произнес: «Они сами виноваты. Они бы осудили меня на смерть. Меня, Гая Цезаря!» В особенности полководец сокрушался о том, что не знает, жив ли Марк Брут, сын его бывшей возлюбленной Сервилии (сестры Катона), сражавшийся на стороне Помпея. Цезарь послал на его поиски отряд, который и нашел молодого человека живым. Обнимая его, Цезарь и помыслить не мог, что смотрит в глаза своего будущего убийцы.

А тем временем в Риме отметили совершеннолетие Октавиана. Церемония состоялась немного погодя после того, как ему исполнилось пятнадцать, — то есть примерно на год раньше, чем было принято. С него сняли детскую тогу *praetexta* и надели белую тогу *virilis*. Существует явно вымышленное предание: когда Октавиан надевал одежду совершеннолетнего, его сенатская туника разошлась по швам и упала к ногам. Октавиан, как считают, обратил явно зловещее знамение себе на пользу, объявив, что те, кто носит сенатские туники, будут у его ног. История замечательная, ибо раскрывает процесс рождения мифа. Лстец старается показать, что будущее Октавиана предопределено уже в юношестве, но вместо того незаслуженно выставляет мальчика чванливым позером.

Еще интереснее пример из уцелевшего фрагмента утраченной биографии Августа. Автор, Николай Дамасский, советник Ирода Великого, пишет, что Октавиана записали в коллегию понтификов, на место погибшего при Фарсале Агенобарба. Красавцу Октавиану приходилось выполнять свои обязанности в храме лишь после заката, так как на него засматривались многие благородные женщины, и это могло смутить его целомудрие.

Если судить по бюсту молодого Октавиана в ватиканском музее, белокурый юноша и вправду обладал прекрасной

внешностью — соразмерные черты, нежные и круглые, почти девичьи щеки — идеальной (или идеализированной) внешностью римского патриция, серьезного и спокойного.

Октавиан занимал весьма выгодное в окружении Цезаря положение, но никоим образом не считался кандидатом на роль главного наследника. У старшей сестры диктатора, которую тоже звали Юлией, было двое внуков, столь же близких ему по степени родства. Оба были старше Октавиана. Один из них, Квинт Педий, в 48 году до нашей эры служил претором в Риме и, наверное, присутствовал в качестве почетного гостя на церемонии надевания тоги *virilis*. Он-то и должен был казаться главным претендентом в случае, если Цезарь и в самом деле намерен основать династию. Другой внук старшей Юлии, Луций Пинарий, никогда, по-видимому, не вызывал особого интереса со стороны двоюродного деда.

Цезарь задерживался в Египте в основном потому, что познакомился с Клеопатрой и решил серьезно вмешаться во внутренние дела страны. На Ниле он оказался, преследуя Помпея. Старший противник Цезаря причалил к берегам Египта поблизости от Пелисия в надежде получить помощь от брата Клеопатры, юного фараона Птолемея. В свое время Помпей поддержал отца теперешнего фараона в его притязаниях на престол. А теперь советники Птолемея выманили гостя на берег, отрубили ему голову и, забальзамировав, преподнесли Цезарю. Цезарь в отвращении отпрянул, а потом, когда ему вручили перстень Помпея с печатью, изображающей льва, сжимающего в лапах меч, разразился слезами.

Решив расквитаться с египтянами за убийство бывшего зятя, Цезарь воспользовался тем, что в стране шла гражданская война между мальчиком-фараоном и его сестрой. Он тайно послал за Клеопатрой. Клеопатре было лет девятнадцать или двадцать; она, возможно, и не отличалась такой красотой, как описывает Шекспир, но была, бесспор-

но, весьма энергичной и привлекательной — и пользовалась своей привлекательностью, добиваясь желаемого. Чтобы миновать стражников, царица приказала завернуть ее в ковер, и в нем крепкий сицилиец по имени Аполлодор пронес ее во дворец и буквально выкатил перед Цезарем. Цезарь был очарован, его пленили ее отвага и острый ум. Он решил поддержать притязания Клеопатры на престол.

Несколько месяцев Цезарь провел в осаждаемом египтянами дворце, дожидаясь подкрепления. В бою он убил фараона и возвел Клеопатру на трон. Позже она родила ему сына Птолемея Цезаря, известного под именем Цезарион (то есть «маленький Цезарь»). Когда Цезарион вырос, его убил Октавиан, однако он пощадил остальных детей Клеопатры. Некоторые современные ученые выражают сомнения в том, что Цезарион действительно сын Цезаря, но тогда в этом мало кто сомневался. Когда Октавиан был подростком, Клеопатра привезла сына в Рим и проживала со своим двором на роскошной вилле вблизи столицы, на другом берегу Тибра. Неизвестно, встречался ли с ними Октавиан.

Вернувшись в 47 году до нашей эры в Рим, Цезарь послал за Октавианом, желая взять его в следующий поход — им предстояло отвоевать провинцию Африку (современный Тунис), где неутомимому Катону удалось собрать десять легионов. Мать, считая, что шестнадцатилетний Октавиан слишком молод, запретила ему участвовать в походе. Юноша, наверное, испытал сильное разочарование, но матери подчинился и остался дома; Цезарь неохотно согласился. Некоторое возмещение Октавиан все же получил, когда в июле 46 года до нашей эры Цезарь вернулся, разбив на Фасосе упрямцев-оптиматов. За африканскую кампанию он оказал Октавиану воинские почести, хотя юноши там не было, а позже, во время триумфального шествия, позволил ему ехать в своей колеснице. Празднество продолжалось несколько дней, и кульминацией его стал ночной подъем на

Капитолийский холм, причем по обеим сторонам процессии шли сорок слонов с факелами.

Цезарь еще не мог уделять достаточно внимания настоятельным нуждам Рима и всей империи. Катон после Фасоса покончил самоубийством, но сыновья Помпея Гней и Секст собрали оставшихся противников Цезаря и удерживали за собой Испанию.

На этот раз Атия позволила сыну участвовать в кампании в числе приближенных к Цезарю офицеров. Однако накануне отбытия юноша серьезно заболел. Цезарь навестил его на одре болезни и приказал организовать для него наилучший уход. Ждать, пока родственник поправится, Цезарь не мог. До конца 46 года до нашей эры он отправился в Испанию, высказав пожелание, чтобы больной последовал за ним, как только сможет.

За свою жизнь Октавиан перенес несколько опасных для жизни болезней, неизвестно, каких именно. Вблизи Рима простирались топи и болота, кишасшие москитами; малярия была для столицы и окрестностей делом обычным. Хворь, поразившая Октавиана перед отъездом, прошла не скоро, но и самого Цезаря задержало упорное сопротивление сыновей Помпея. Эта военная кампания оказалась для него последней, и уцелел он чудом. Цезарь шел на такой риск, который можно объяснить исключительно сочетанием излишней самоуверенности и горячего желания покончить с затянувшейся гражданской войной. Сыновья Помпея едва не расквитались за отца; Цезарь всерьез задумывался о самоубийстве, желая сохранить честь. Позже он говорил, что никогда раньше не приходилось ему сражаться не только за победу, но и за свою жизнь.

Тем временем Октавиан выехал из Рима в надежде сразиться бок о бок с Цезарем — где придется. Но корабль попал в шторм, и семнадцатилетний Октавиан оказался выброшен на берег Средиземного моря с горсткой солдат. Ок-

тавиану и его спутникам удалось невредимыми преодолеть занятую противником территорию. Цезарь, восхищенный таким доказательством предприимчивости и настойчивости, тепло поздравил племянника. К тому времени он уже разбил врага в решающей битве при Мунде 15 марта 45 года до нашей эры.

Старший брат, Гней, бежал и погиб, зато младший, Секст, спасся и впоследствии доставил Октавиану немало хлопот.

Победители теперь только и говорили что о победе, о возвращении домой, о том, какие политические изменения нужны в Риме. Октавиан присутствовал при этих беседах; в то лето, во время обратного пути, он несколько дней ехал вдвоем с Цезарем в его повозке. Окружающие понимали: Октавиан стал любимым протеже Цезаря; разговор их, по-видимому, касался серьезных вопросов государственного управления, которые нужно было решать. Нетрудно представить, как с помощью наводящих вопросов Цезарь изучал взгляды Октавиана на разные вещи, желая подтвердить первоначальное о нем впечатление — что из юнца вырастет зрелый муж, достойный унаследовать власть над Римом.

Насколько далеко зашел Цезарь в своем доверии, нам неизвестно. Судя же по политической зрелости и опыту, выказанным Октавианом в первые же месяцы после смерти Цезаря — то есть меньше года спустя, — он очень хорошо знал тех людей, с которыми ему пришлось иметь дело всего в восемнадцать лет. Правда, ближайшее окружение диктатора, состоявшее из самых доверенных помощников, пережило мартовские иды, и Октавиан получил от них хорошую поддержку, но то были не единственные его советники. Одной из характерных черт взрослого Октавиана была способность взвесить предложенные ему противоположные решения и, как правило, безошибочно выбрать путь, ведущий к успеху.

Именно Октавиан создал новую форму управления (историки называют ее принципатом, а последующие поколе-

ния называли Римской империей), но едва ли он достиг бы столь кардинальных перемен, если бы Цезарь не осветил ему путь. Сама империя — как географическое понятие — уже большей частью существовала. Октавиану, помимо дальнейшего расширения ее границ, предстояло перестроить форму управления, то есть заменить систему ежегодно избираемых магистратов, поддерживаемых сенатом, одним верховным правителем, также поддерживаемым сенатом, членов которого он сам может назначать или отправлять в отставку.

Но намеревался ли Цезарь уничтожить республику? Плутарх, греческий историк-биограф и религиозный мистик, живший около ста пятидесяти лет спустя после описываемых событий, полагал, что Цезарь планировал именно это, причем с самого начала, и ему помогали боги. Если пристально изучать жизнь Цезаря, становится ясно, что она изобиловала счастливыми случайностями. Все могло сложиться совершенно иначе. По вопросу, хотел ли Цезарь установить монархию, взгляды ученых разделились. Согласно мнению большинства, он просто хотел стать первым человеком в Риме, человеком с самым большим *auctoritas**. Но враги настолько стремились его остановить, что Цезарю приходилось все больше повышать ставки, пока в конце концов он не встал перед выбором: либо подвергнуться преследованию и рисковать жизнью, либо силой оружия сделать себя единственным правителем.

Некоторые из разделяющих такую точку зрения утверждают, что причины гораздо глубже и республика пала, ибо устарела. Эта позиция уже тверже. При республике сложная система взаимоограничения не позволяла отдельным политикам забирать себе высшую власть в ущерб прочим. Всем спокойнее, если власть в небольшом городе-государстве разделена таким образом, чтобы никто не получал слишком много; а тот, кто получал ее законным путем, через год от нее

* *Auctoritas* (лат.) — авторитет, влияние.

отстранялся. Убийцы, заколовшие Цезаря, думали, что достаточно убить диктатора и республиканская система возродится. И если бы Октавиан не доказал их ошибку, то доказал бы какой-нибудь другой сильный политик. Согласно этой теории, проблема заключалась не в стремлении Цезаря к власти. Невозможно было и дальше управлять обширной империей в интересах лишь горстки состоящих в родстве семейств, представители которых только и делали, что старались обойти друг друга и выжать из управляемых провинций как можно больше денег, пренебрегая интересами основной массы своих сограждан. Державе требовалась сильная централизованная власть с постоянным и неподкупным руководством в колониях, или же государство распалось бы. На некоторое время страна и вправду распалась на две части, и только Октавиан восстановил ее.

Обе теории друг другу не противоречат и в высшей степени правдоподобны. Одна опирается на анализ своеобразной и единственной в своем роде политической системы, другая сфокусирована на изменениях в общественной, политической, экономической, военной и колониальной структуре. Недостаток же их обеих в том, что они оставляют без внимания или просто отбрасывают мощную совокупность доказательств в пользу мнения Плутарха: Цезарь хотел стать «царем» и направлял к тому усилия уже с первых шагов на политическом поприще. Некоторые из этих доказательств говорят о том, что он прочил Октавиана в наследники трона.

Для чего же Цезарю становиться царем, если как пожизненный диктатор он уже пользовался единоличной властью? Уже больше четырехсот лет попытка сделаться царем расценивалась в Риме как тяжкое преступление. А Цезарь носил царские одежды. Он сидел на золотом троне. Перед ликующей толпой Марк Антоний пытался возложить на него царский венец. Однажды такими венцами украсили и статуи Цезаря. Двое трибунов убрали венцы и приказали арестовать

людей, которые это сделали, а Цезарь освободил задержанных и принудил сенат отставить трибунов. Трудно усомниться в утверждении Брута и Кассия, что они убили Цезаря из-за его стремления царствовать. Решив назначить Октавиана своим наследником, Цезарь приступил к переделке родословной Октавиана — совсем в духе Оруэлла. Происхождение его племянника не выдерживало критики, и Цезарь постарался отовсюду вычеркнуть упоминания о его родном отце. Ему нужно было согласие Атии, которую явно убедили принять сфабрикованную легенду о божественном вмешательстве.

Она не стала отрицать слух, что Октавиан, возможно, сын Аполлона, а не простого смертного. Во время ночной службы, призналась Атия, она уснула в храме Аполлона. Пока она спала, бог собственной персоной, приняв облик змеи, проник в ее лоно, а потом тихонько выскользнул. А через девять месяцев родился Октавиан.

Светоний прямо называет эту историю небылицей и сообщает, что прочел ее в книге. Однако у Стефана Вайнштока, современного специалиста в подобных вопросах, сомнений нет: породила легенду богатая фантазия Юлия Цезаря. Что же касается отвергнутого отца, то Гая Старшего пришлось призвать на помощь с того света — подтвердить божественное происхождение сына. В бытность наместником Македонии, писали мифотворцы Цезаря, Гай спрашивал у жрецов у гробницы Диониса во Фракии о будущем младенца Октавиана. Когда жрецы налили вина на алтарь, над крышей взметнулось большое пламя; такого знамения удостоился только Александр Македонский. И жрецы якобы хором воскликнули: «Он будет править миром!»

То, что кажется нам набором бессмыслиц, входило в состав успешной кампании по формированию общественного мнения. Ее целью было убедить людей, что Октавиан не простой смертный, за ним стоят божественные силы, и тем, кто благоразумно ему поможет, воздастся по заслугам.

Образ Октавиана — в восприятии масс, а не искушенных аристократов — изменился. Вместо довольно болезненного, непримечательного юноши им предстал полубожественный образ, потомок бесконечной череды богов, царей, героев, государственных деятелей и патриотов. Будущее Октавиана было предопределено: покрыть себя невыразимой славой и вслед за Цезарем врачевать раны своего народа и принести ему новый золотой век.

Однако в тот момент Цезарю предстояло столкнуться с проблемой: он получил империю слишком большую, чтобы при существующей системе править одному. Война кончилась, но гражданское общество пошатнулось.

Выжившая часть аристократии — люди, которых с юности учили управлять государством и провинциями, — были по большей части противниками Цезаря. Простые же избиратели имели все причины поддержать сильнейшую сторону. Голосовать за потерпевших поражение означало возобновить гражданскую войну. Цезарь давал понять, что возврата к прежнему режиму не будет. «Я нужен Риму больше, чем Рим нужен мне», — говорил он, раздраженный упорством республиканских устремлений знати.

Для страны, уставшей от войн, власть Цезаря — даже с ограничениями — означала мир, дающий некоторую надежду на реформы в пользу большинства свободных граждан, в то время как те, кто хранил память о Катоне, не предлагали ни мира, ни реформ. Однажды нрав Цезаря одержал верх над осторожностью, и у него вырвалось: «Республика — ничто, пустое название. Сулла — глупец, раз отказался от диктаторской власти». Если бы Цезарь поборол искушение и не делал подобных замечаний, он, вероятно, прожил бы дольше. Однако и характер, и патрицианский менталитет не позволяли ему притворяться. Когда однажды к нему явился сенат в полном составе, чтобы отдать подобающие богам почести, Цезарь, проявив неслыханную заносчивость, не поднялся с ме-

ста. Октавиан, даже будучи на вершине власти, непременно вставал, если в помещение входил консул.

Заговор против Цезаря составился до его возвращения из Испании. Антоний, который отправился встречать его в южную Галлию — и занять место Октавиана в колеснице диктатора, — не упомянул о важнейших сведениях, полученных им в Риме. Один из главных заговорщиков, Гай Требоний, старый его собутыльник, предложил Антонию участвовать в заговоре. Антоний отказался. Вполне понятно, что он не захотел выдать друга, но совершенно ненормально и дико, что он никак не предупредил Цезаря или не назвал ему имена сообщников Требония.

Октавиан теперь ехал в следующей за Цезарем колеснице — вместе с Децимом Брутом, который, если и не примкнул к заговору, то в мартовские иды присоединится к другим убийцам под предводительством своего брата Марка Брута.

Децим, назначенный Цезарем на 44 год до нашей эры правителем Цизальпинской Галлии (Северной Италии), наверняка уже чувствовал себя оскорбленным: его почетное место в колеснице главнокомандующего занимал семнадцатилетний юнец, явившийся в Испанию слишком поздно, чтобы сражаться на войне. Известность, которой пользовался Октавиан, пристала царскому сыну, но не младшему офицеру. У Децима не могло не возникнуть подозрения, что Цезарь прочит себя в цари, а Октавиана — в наследники.

В последние месяцы жизни Цезаря свидетельств такого его намерения становилось все больше. Во-первых, он постарался обеспечить будущее Октавиана на случай своей внезапной кончины. Цезарь не просто боялся убийц; у него ухудшилось здоровье. Ему было пятьдесят пять; эпилептические припадки, мучившие Цезаря с юности, стали учащаться. Возвращаясь из Центральной Италии, Цезарь миновал Рим и направился в свое лавиканское поместье к юго-востоку от столицы, где тайно подписал завещание, в котором объявлял Октавиана приемным сыном и наследником. Даже сам

Цезарь не знал, что в последующие века этот документ окажет сильнейшее влияние на ход европейской истории.

До конца года Цезарь повысил статус Октавиана, плебея по рождению, переведя его в сословие патрициев. Он пригласил ему в наставники Аполлодора Пергамского, лучшего греческого ритора, и отправил обоих на дальнейшее побережье Адриатики, в Аполлонию (в Далмации, входившей тогда в состав Македонии). С ними отправился передовой отряд войска: Цезарь планировал поход на восток, и прежде чем мстить парфянам за одержанную ими десять лет назад победу над Крассом, он собирался обучить войско, состоявшее большей частью из новобранцев, в боевых действиях на Балканах.

В начале 44 года до нашей эры Цезарь был консулом и диктатором. Обязав всех сенаторов принести клятву верности не республике, а лично ему, Цезарь в феврале сам назначил себя пожизненным диктатором. Это окончательно убедило его врагов в том, что, пока он жив, республику не восстановить. 26 февраля после праздника *Feria Latina* (этот праздник в честь народов Лация проводился в городе Альба-Лонга, бывшем ранее центром Лация) Цезарь с торжественной процессией вернулся в Рим — в царском наряде и высоких красных сапогах, какие носили некогда цари Альба-Лонги. На переполненных улицах кое-кто из сторонников приветствовал его как царя, но и противники тоже не молчали; ему пришлось ответить, что он не царь, а Цезарь.

Самую откровенную попытку увенчать себя короной Цезарь предпринял на Форуме, в день Луперкалий, древнего праздника, когда молодые люди из хороших семейств, одетые только в набедренные повязки, выпив вина, бегали по городу и слегка стегали встречных женщин хлыстами из шкуры жертвенного козла. Считалось, что это повышает плодovitость и облегчает роды. Антоний хотя и занимал пост консула, тоже принимал в празднике участие и бегал по городу. Ему освободили дорогу, и он, почти голышом,

поспешил туда, где сидел на золотом троне Цезарь. Друзья консула ждали за рострой; они быстро подняли его, чтобы он возложил на голову Цезаря царский венец, увитый лавровыми побегами. Часть толпы разразилась рукоплесканиями, но большинство начали свистеть. Цезарь сдернул и отшвырнул венец. Антоний поднял его и опять возложил на Цезаря. Противников этой неофициальной коронации оказалось больше, чем сторонников. Цезарь снова снял венец и отдал Антонию. Тогда народ криками выразил ему одобрение, и он приказал Антонию посвятить венец в храм Юпитера с надписью, что он был предложен Цезарю и Цезарь от него отказался.

Антоний не устроил бы подобного представления, не попроси его сам диктатор.

По мнению тех, кто утверждает, что Цезарь совершенно не собирался стать царем, он намеренно устроил этот фарс с целью продемонстрировать: в душе он убежденный республиканец. Необходимо также принимать в расчет многочисленные почести, дополнительно усиливавшие его притязания на некоторую божественность, в духе эллинских царей. Колесницу Цезаря поместили на Капитолии перед статуей Юпитера, а самого Цезаря, как пишет Кассий Дион, велено было называть Юпитером Юлием и поклоняться ему в храмах, которые предстояло еще построить; жрецом культа был назначен Марк Антоний. Когда в 45 году до нашей эры Цезарь находился в Испании, перед народом среди изваяний богов выставлялась и его статуя из слоновой кости. Затем решили на время публичных игр помещать ее на пульвинар (особое возвышение или ложе для богов, подобное тем, какие имелись в храмах). Во время важных театральных представлений для Цезаря ставили золотой трон.

Назначение всех этих предметов заключалось не только в том, чтобы привлечь к Цезарю всеобщее внимание, но и — как в случае с золотым тронem, на который никому,

кроме него, садиться не позволялось — напоминать людям о присутствии Цезаря. Как замечает Вайншток, они должны были обозначать его духовное присутствие. «Все эти необычные божественные почести имели смысл лишь тогда, когда Цезарь отправился в Парфию... Пока он сражался на востоке, его власть над Римом следовало укреплять с помощью религиозных мер». Целая группа скульпторов изготовляла статуи Цезаря — чтобы разослать по всей Италии и провинциям и установить на главных площадях больших городов.

До самой смерти Цезарь продолжал забирать себе все большую и большую власть. Он уже был главнокомандующим всего римского войска — где бы оно ни находилось, и командовали им поставленные Цезарем легаты.

Цезарь назначил беспрецедентно большое количество своих сторонников в сенат, и число сенаторов доходило до девятисот; впервые в сенат вошли представители провинций, расположенных за пределами Апеннинского полуострова.

Цезарь взялся распределять государственные доходы и создал систему, впоследствии переросшую в первую постоянную «общественную службу»: до сих пор отдельные магистраты приглашали своих клиентов и рабов, создавая временные формирования, которые распускались, как только у хозяина истекал срок должности.

По мнению заговорщиков, планировавших убить Цезаря, он намеревался и дальше прилагать все усилия, дабы выбить у сената титул царя. По Риму разошелся слух, что некий родственник Цезаря, Луций Аврелий Кота, собирается 15 марта (то есть в иды) заявить сенату, что, согласно Сивиллиным книгам — собранию древних пророчеств, — завоевать Парфию сможет лишь царь. Дело в том, что Цезарю требовалось стать царем до 19 марта, то есть до того, как он отправится в поход на Парфию.

Вечером 14 марта Цезарь отлично пообедал, а после беседовал со своими приближенными — Марком Лепидом и Децимом Брутом. Он спросил у них, какую смерть они бы предпочли. И Децим, собиравшийся завтра убить Цезаря, и Лепид стали обсуждать разные виды смерти. Ни один не согласился с Цезарем, который предпочитал умереть внезапно. Ночью его жене Кальпурнии приснился плохой сон, и она решила, что мужу небезопасно идти на назначенное на утро заседание сената. Цезарь уже собирался уступить ей и остаться, но Децим убедил его, что он станет посмешищем, если не пойдет на заседание из-за дурного сна, приснившегося жене.

Антоний шел рядом с Цезарем; вместе со свитой они приблизились к огромному театру Помпея, где ждали сенаторы. Старый друг Антония — Требоний, который полгода назад уговаривал его участвовать в заговоре, прошагал вперед и отвел его в сторону, якобы желая обсудить какие-то важные вопросы, не имеющие отношения к предстоящим событиям. Пока они стояли у входа и разговаривали, Цезарь вошел внутрь. Диктатор сел, и его окружили заговорщики, отгородив от остальных сенаторов. Один из заговорщиков, Тиллий Кимвр, стал просить его за своего сосланного брата. Он схватил Цезаря за одежду, словно умоляя, а на самом деле — чтобы обнажить шею.

Каска вынул кинжал и нацелился Цезарю в горло; тот, поняв, что происходит, отклонился, и кинжал попал в грудь. Диктатор вскочил, вырвался из рук Каски и оттолкнул его. Но было уже поздно. Ему в бок всадили другой кинжал. Цезарь сопротивлялся, словно загнанный зверь, он пытался отвести клинки убийц голыми руками. Кассий воткнул кинжал ему в лицо, Брут — в пах, прочие — в спину и бока. И человек, который мгновение назад был властелином всего западного мира, пал в крови у подножия статуи Помпея. Великой мечте пришел конец.

IV

Командование принимает Антоний

Пока тело Цезаря лежало у ног статуи Помпея и двадцать три раны его источали кровь, сенаторы, не принимавшие участия в заговоре, спешно убегали в страхе за свою жизнь. Убийцы уговаривали их остановиться. Размахивая окровавленными клинками, они кричали, что никому не причинят вреда, что они лишь спасли свободу и их целью был только диктатор. У дверей не прекращалась давка. Среди шума и суеты один из заговорщиков пытался даже произнести оправдательную речь, обращаясь к сенаторским спинам. Другие тщетно упрашивали Цицерона присоединиться к ним. Этого выдающегося государственного деятеля убийцы предусмотрительно в заговор не вовлекали. Однако, по мнению заговорщиков, он и сам втайне мечтал о конце тирании Цезаря, готового уничтожить республику единственно ради своего ненасытного честолюбия. Так думали все. Но Цицерон был слишком умен, чтобы рисковать головой, тут же прилюдно взяв сторону Брута и Кассия. Он оказался не менее резвым, чем прочие сенаторы, которые рвались к дверям, не слишком-то заботясь о своем достоинстве.

И вот стихли вдали панические вопли: «Бежим!», «Запирайте двери!», а убийцы растерянно замерли в пустом и тихом зале, не зная, как быть дальше: ведь им не удалось заручиться немедленной поддержкой остальных в том, что они совершили.

Брут не строил планов по захвату власти. Достаточно всем узнать о смерти тирана, полагал он, и все честные республиканцы немедля одобряют их деяние. Кассий убеждал его не совершать ошибки и не оставлять в живых Марка Антония, но Брут не мог примирить свою — довольно из-

бирательную — совесть еще и с этим убийством. Достаточно того, что он предал человека, пощадившего ему жизнь в битве при Фарсале. Здесь он явно считал себя правым. Ведь предательство по отношению к благодетелю можно в крайнем случае оправдать стоящей выше личных интересов необходимостью восстановить республиканские свободы — по примеру своего предка, Брута, который почти пять столетий назад сверг последнего римского царя.

Не зная, что делать после того, как сенаторы столь проворно проголосовали ногами, Брут сложил с себя символическое руководство и предоставил все дальнейшему течению событий. Одно было несомненно: заговорщикам не следует оставаться на месте преступления. Убийцы не получили одобрения сената, на которое столь слепо и легкомысленно рассчитывали, и теперь утешались пустой надеждой, что смогут убедить в правильности своего поступка общественность. Вместе с тем они понимали, в какое невыгодное положение поставили себя столь вопиющим убийством, совершенным у всех на глазах. Ведь каждый знает, кто они такие и где их найти. Не лучше ли было бы прежде посоветоваться с Цицероном? Марк Антоний, который во время всеобщей паники скрылся, теперь уже, вероятно, собирает против них все государственные силы. Как единственный уцелевший консул он автоматически становится на время главой государства — согласно республиканской конституции, которую они же и защищали. Не попытается ли он, в духе Цезаря, сделаться постоянным правителем? Еще опаснее была угроза, исходившая от Лепида, начальника конницы и официального заместителя диктатора. Отныне он лишился должности, потому что с гибелью Цезаря ему стало некого замещать; но попробовал бы кто-нибудь сказать это находящимся под командованием Лепида войскам; его пять тысяч или больше воинов — все как один преданные

Цезарю — стояли лагерем неподалеку от городских стен, на острове на Тибре.

Заговорщикам не стоило опасаться ответных действий Антония. Уже второй раз отважный полководец переоделся рабом и прятался, пока не прояснилась ситуация. Иначе повел себя Лепид. Когда произошло убийство, его в зале не было, зато он видел, как бежали в страхе сенаторы, спеша укрыться дома и забаррикадировать двери. Потрясенный и разгневанный, Лепид тоже побежал, но побежал к своему лагерю, торопясь собрать солдат и отомстить. Бруту, Кассию и прочим, если они хотели уцелеть, следовало действовать быстро и держаться вместе, чтобы их не схватили поодиночке. У них оставался один путь — переодеться и скрыться.

Приняв наконец решение, заговорщики вышли из театра — в окровавленных тогах и держа на виду кинжалы. Кровь на тогах была не только диктатора; торопясь заколоть Цезаря, убийцы задевали и друг друга. Бруту поранили руку, и она кровоточила. Выйдя на Форум, они стали кричать о том, что «убили царя» и спасли свободу, но люди при их появлении в страхе убегали. Некоторую поддержку заговорщики все же получили. Несколько сенаторов, хорошо подумав, вышли и присоединились к ним.

Один из них — бывший зять Цицерона, Публий Корнелий Долабелла — раньше рабски преклонялся перед Цезарем, к большому неудовольствию самого Цицерона, который имел веские причины считать зятя человеком нечестным. Собираясь в парфянский поход, Цезарь назначил Долабеллу вместо себя на консульство — вторым консулом оставался Марк Антоний.

Хотя с точки зрения закона права его на консульский пост были сомнительны, Долабелла не собирался ждать назначенного дня. Брут же, как поборник соблюдения республиканских законов, не мог его одобрить; ни он, ни Кассий не собирались в тот момент мириться с сомнительны-

ми притязаниями Долабеллы на старшинство. Однако у заговорщиков теперь хотя бы имелся свой претендент на пост правителя, и это как-то обосновывало их действия. Кроме того, у них была и некоторая защита. Децим Брут, двоюродный брат Марка, нанял небольшой отряд гладиаторов — не чета, конечно, легионерам Лепида, но достаточно, чтобы при необходимости справиться с ликторами или разгневанными горожанами. Поняв, что задерживаться на Форуме в надежде собрать толпу сторонников не имеет смысла и даже опасно, заговорщики стали подниматься на Капитолий; Долабелла шагал вместе с ними. Возблагодарив Юпитера, заговорщики заняли в его храме оборонительные позиции и приготовились, если дойдет до сражения, дорого отдать жизни. К тому времени между засевавшими в храме убийцами и собравшимися внизу сенаторами забегали посыльные. День тянулся, а сторонники Цезаря так и не собрались напасть. В древнем сердце столицы начал собираться народ. Среди людей появился и Цицерон, который уже постарался показать, что не связан с убийством, и теперь ему не грозила опасность ни с той, ни с другой стороны. Обе стороны надеялись воспользоваться его красноречием и репутацией неподкупного патриота. Цицерон, однако, проявил осторожность и не стал обращаться к толпе. Он настаивал, чтобы Брут и Кассий воспользовались преторскими полномочиями и немедленно созвали заседание сената. Совет был вполне хорош. Последуй они ему, конечный результат мог выйти совершенно другой.

Большинство сенаторов не доверяли Антонию, а многие даже питали некоторую долю сочувствия если не к поступку убийц, то к их мотивам. Будь такая возможность — их удалось бы даже убедить проголосовать в интересах заговорщиков, особенно если ближайшие союзники Цезаря побоялись бы прийти на Капитолий безоружными и участвовать в заседании, созванном не действующим консулом Марком Антонием, а Брутом. Брут ораторским мастер-

ством не отличался, но как опытный юрист сумел бы перед сочувствующим сенатом выстроить себе прочную позицию на основе положений закона. По неясным причинам он эту возможность не использовал. Вместо того Брут выступил перед толпой и, воодушевленный громкими аплодисментами, рискнул спуститься на Форум. Там он взошел на ростру, но приняли его совершенно иначе. В отличие от людей на Капитолии толпа на Форуме состояла не только из сторонников республики. В зловещем молчании собравшиеся слушали, как Брут говорил о юридических и демократических основаниях для убийства Цезаря. Это сделано, объяснял он, не для того, чтобы захватить власть, но чтобы освободить всех граждан. Следующему оратору, тоже претору, немолодому Луцию Корнелию Цинне, хватило бестактности разразиться тирадой против мертвого диктатора. Тело Цезаря недавно пронесли к его дому на носилках три раба; изуродованное и окровавленное лицо было открыто; одна рука беспомощно повисла из-под короткого покрывала. Грубость Цинны перешла все границы. Толпа стала, в свою очередь, выкрикивать ему оскорбления, а потом с яростью погнала заговорщиков с Форума, и им пришлось отступить обратно на Капитолий.

Стемнело, но ситуация так и не разрешилась. В ту ночь Лепид повел небольшое войско в центр города; Антоний выбрался из укрытия и присоединился к Лепиду и другим цезарианцам, чтобы устроить, как все понимали, военный совет. И Лепид — личный секретарь Цезаря, и Бальб — ключевая фигура в правительстве диктатора, требовали воспользоваться имеющимся военным преимуществом и немедленно устроить убийцам показательную расправу. Антоний же призывал проявить умеренность, пусть это даже вело бы к некоторому компромиссу с заговорщиками. Важнее всего, настаивал он, чтобы сенат утвердил все эдикты Цезаря, изданные им за пять лет правления. Месть может и подожд-

дать. Антония поддержал Авл Гирций, консул-десигнат на следующий год, твердый приверженец Цезаря, но человек осторожный и консервативный; он прежде всего стремился не допустить разгорания гражданской войны. Лепид, который ожидал всеобщей поддержки, увидев, что оказался в меньшинстве, спорить не стал — хотя его солдаты, как и многие горожане, жаждали мести. По утверждению античных источников, Лепиду не хватало силы духа. Как прямой командир единственного на сотни миль войска, он мог диктовать сенату свои условия. А поскольку большинством легионов в провинциях командовали ставленники Цезаря, едва ли Антонию и Лепиду — если бы они в то утро убили заговорщиков, — стоило бояться расправы. Однако эту неприятную задачу пришлось выполнять Октавиану.

Юный Октавиан, конечно, еще знать не знал, что произошло. В какой-то момент во время беспорядков, следовавших за убийством, Атия отправила ему письмо. Несомненно, ей это посоветовал ее муж Филипп, который в мартовские иды, вероятно, был на том роковом заседании сената или, во всяком случае, где-то неподалеку.

Как родственник Цезаря по супруге и человек, сам обладающий немалой властью, Филипп стал одной из самых важных и влиятельных фигур в городе, где после кровопролитной гражданской войны осталось мало патрициев с таким же положением и столь же богатым сенаторским опытом. Филипп не мог не понимать, какая опасность грозит его приемному сыну. В письме, которому предстояло попасть в далекую Аполлонию, наверняка содержался совет — получив ужасное известие, не принимать поспешных решений.

А пока молодому человеку предстояло неделю или две оставаться в неведении относительно убийства.

Аполлония находилась по другую сторону Адриатики, недалеко от побережья, но сообщение было медленным и ненадежным. Гонцу следовало проскакать, меняя лошадей,

на юг от Рима по Аппиевой дороге, за Кампаньей повернуть на восток и ехать по горным дорогам до Брундизия или другого порта на северо-восточном побережье Италии. Затем ему пришлось найти судно и ждать попутного западного ветра, чтобы достичь берегов современной Албании, то есть самой дальней точки римской провинции Македонии. После получения письма Октавиану тоже потребовалось некоторое время, чтобы, прислушиваясь к противоречивым советам друзей, принять решение. Такое взвешенное поведение впоследствии станет для него характерным.

Октавиан учился не в одиночестве и постоянно находился в обществе ровесников. Двое из них впоследствии, во время восхождения Октавиана к вершинам, станут весьма важными и сильными фигурами — Марк Випсаний Агриппа и Сальвидиен Руф. Оба были скромного происхождения и первые из «меритократов», на которых позднее в основном и опирался Октавиан в долгой борьбе со старой аристократией. Один из двоих останется верен до конца и породнится с семьей императора, другой захочет предать Октавиана и дорого за это заплатит. Но пока они были его лучшие друзья, и именно к ним он обратится за советом в момент кризиса, который приближался медленно, но верно.

В Риме же политическая ситуация претерпевала одно за другим странные изменения, неожиданные для всех. Антоний, заручившись неохотным согласием Лепида, взял инициативу в свои руки. В первую же ночь Антоний пришел к скорбящей вдове Цезаря Кальпурнии и убедил ее отдать все бумаги мужа и большую часть немалой золотой казны, которую диктатор держал под охраной у себя дома. На рассвете убийцы увидели Форум, заполненный вооруженными воинами Лепида, и услышали новость: на следующее утро Антоний созвал заседание сената. Мало кто удивился, когда Кассий и Брут, хотя им и гарантировали безопасность, прислали извинения за свое отсутствие.

События той первой ночи, за которыми последовало мастерское представление Антония в сенате 17 марта, должны бы навсегда похоронить распространенное мнение, преобладающее и теперь, что Антоний — простой честный солдат, считавший Цезаря лучшим другом и всей душой желавший за него отомстить. Антоний нашел более простой и удобный путь к собственному возвышению, путь, на котором не пришлось бы убивать друзей — если они соглашались сотрудничать. В возрасте тридцати семи или тридцати восьми лет Антоний находился в расцвете сил, и несколько лет многие считали его самым подходящим преемником Цезаря. Наверняка он часто подумывал о том, как вести себя, если диктатор неожиданно погибнет и ему самому придется стать во главе цезарианцев.

Антоний явно считал себя главным наследником Цезаря; вероятно, он таковым и был, пока диктатор тайно не заменил его Октавианом. Кальпурния, надо думать, тоже так считала, иначе вряд ли отдала бы так легко, прямо среди ночи, столь важную часть наследства. Желание Цезаря сохранить тайну в пояснениях не нуждается. Он не хотел нажать врага в лице Антония или подвергнуть опасности жизнь Октавиана, обнаруживав свои новые династические планы. Если бы Антоний знал о новом завещании, в котором он назван лишь как наследник второй степени — на случай смерти внучатого племянника Цезаря, он, безусловно, применил бы всю свою власть, чтобы забрать завещание у хранивших его весталок или по крайней мере не допустить его оглашения.

Некоторые из убийц с самого начала желали привлечь Антония к заговору против Цезаря. Едва ли они пошли бы на раскрытие плана и стали рисковать жизнью, не будь они более или менее уверены в его участии, то одобрении.

План убить Антония вместе с Цезарем появился гораздо позднее того, как Антоний отверг их предложение. Брут,

отказываясь от этой меры, видимо, учел, что Антоний их не выдал, хотя легко мог бы. Сам Антоний никогда не вонзил бы кинжал в спину Цезаря. Подобную низость не допускали ни его характер, ни аристократический кодекс чести, ни, наверное, страх перед возмездием — божественным или человеческим. Он не был интеллектуалом — в отличие от Брута, который мог преподнести личное предательство как героическое деяние во благо страны. Но все же Антоний не считал своим долгом сообщить Цезарю о том, что затевает кое-кто из его друзей. И еще — Антоний больше, чем кто-либо другой, выгадывал от смерти диктатора.

Как опытный полководец, привыкший и в походе, и в бою сталкиваться с неожиданностями, Антоний наверняка подготовил, по крайней мере в уме, резервный план — на случай, если заговор удастся. Возможно, он даже знал, какой назначен день. Слухи о заговоре достигли и некоторых других сенаторов, куда менее осведомленных, чем Антоний, и было это задолго до того, как в мартовские иды Цезарь отправился на заседание сената в сопровождении Антония, свиты и ликторов. В любом случае все знали, что через четыре дня после ид Цезарь собирается покинуть Рим и провоюет не меньше трех лет. Стало быть, покушение на него нужно устроить именно в этот короткий промежуток, пока диктатор не приступил к обязанностям полководца и его не сопровождает постоянно вооруженная охрана. Антонию было приказано остаться в Риме до конца года и, таким образом, открыть путь Октавиану — делить с Цезарем воинскую славу.

Через три или четыре года, в зависимости от успеха похода, Цезарь вернется в столицу как царь-победитель и превратит республику в монархию, чего и опасались Брут и Кассий.

За это время Цезарь сможет также вознести Октавиана как своего наследника и преемника на недостижимую высоту. Юноше, которому теперь восемнадцать, исполнится двадцать один год или двадцать два, и он уже постигнет —

под руководством выдающегося мастера современности — науку и искусство войны. В любом случае Антонию путь на вершину будет закрыт. Нам, конечно, не известно, какие мысли приходили в голову Антония в период, предшествующий убийству, однако можно не сомневаться, что он лучше, чем кто-либо другой, понимал истинный масштаб притязаний Цезаря. Разве не Антоний лишь месяц назад не преисполнился унижать свое консульское достоинство и с едва прикрытыми бедрами пытался на Форуме перед волнуемой толпой «короновать» своего господина?

Антоний принадлежал к известному сенаторскому роду — правда, с плебейскими корнями, но облагороженному несколькими поколениями главных магистратов. Будучи молодым офицером с отличным послужным списком и относительно скромными средствами, Антоний примкнул в Галлии к Цезарю — не потому, что разделял его убеждения, а с целью устроить собственную карьеру и поживиться за счет военной добычи. Он славился распутством, пьянством и расточительством; но на поле битвы, всегда трезвый, оказался изобретательным и отважным тактиком.

Цезарю он, видимо, пришелся по душе; возможно, тот видел в Антонии молодого себя — открытый и уверенный характер, умение упиваться битвой, готовность рисковать. Антоний быстро попал в ближайшее окружение Цезаря, и тот, не имея законных сыновей, ясно давал ему понять: со временем он сделает его своим наследником.

Нет никаких оснований предполагать, что Антоний поддерживал общественные реформы Цезаря из-за личных убеждений. Его выдвижение на пост трибуна принесло выгоду Цезарю — и самому Антонию, — а не обществу в целом. Как и другие представители его класса, Антоний был политиком от войны, который в определенных обстоятельствах предпочел пойти за Цезарем, а не за Помпеем и был немало вознагражден. Если он и испытывал сочувствие к

бедным согражданам, то ничем этого не показывал. Напротив, когда в отсутствие диктатора Антоний остался в Риме, то, подавляя мятеж, вызванный непосильно высокими процентными ставками по долгам, он приказал казнить восемьсот человек. Даже если учитывать, что в источниках принято округлять числа в большую сторону, мера явно избыточная.

Кратко говоря, Антоний стоял куда ближе к Бруту, Кассию и прочим заговорщикам, большинство из которых он знал с юности, чем к простому народу. Целью его было — помимо обычных устремлений аристократа — сохранить и повысить свой общественный статус, стать со временем первым человеком в государстве. При этом его не слишком беспокоило, сохранится ли старая республиканская конституция. Судя по поступкам Антония в первые дни после убийства Цезаря, трудно поверить, что отмщение стояло для него на первом месте — если вообще входило в его планы.

После смерти Цезаря, когда судьба виновных зависела от Антония, он явно не считал нужным продолжать кровопролития ради укрепления собственного *auctoritas*. Заручившись содействием Лепида, он не видел на горизонте других серьезных соперников. Долабеллу — ставшего вторым консулом — Антоний подкупил, заплатив самые крупные его долги из денег, взятых у вдовы Цезаря. Октавиан его ничуть не волновал. Что, в конце концов, мог сделать восемнадцатилетний школяр, весь военный опыт которого заключался в том, что он опоздал на войну, против римского консула, полководца высокого ранга, обладающего государственной властью, против человека, уже завладевшего частью наследства Цезаря и не собиравшегося с ней расставаться?

Теперь, когда все козыри попали в руки Антония, он готовился исполнять роль великодушного государственного мужа — в духе своего бывшего командира, то есть одной рукой раздавая милости и награды, а другой — удерживая долгосрочную консульскую власть. Экспедиционные вой-

ска, собранные Цезарем, тоже оказались в распоряжении Антония и могли пригодиться для укрепления его власти. Гражданская война была не нужна, и Антоний не собирался ее провоцировать, называя себя диктатором или царем. Не имея ни склонности, ни способностей к постоянным политическим интригам, консул, по-видимому, намеревался соперничать с Цезарем и Помпеем в бранной славе, но так, чтобы не слишком раздражать республиканцев.

Антоний уже показал — с помощью пролитой крови — свое отношение к законным притязаниям римской «черни» и не боялся, что не справится с народными беспорядками, которые могло спровоцировать его неожиданное примирение с убийцами. Что же касается солдат, то Антоний не сомневался: они его поддержат, если он выполнит обещания Цезаря выплатить им награду и после увольнения поселить на хороших землях. То есть предполагалось, что в этот критический момент он один обладает властью де-юре выбирать — насилие или соглашение, и возможностью де-факто довести дело до конца; он даже созвал сенат в храме богини Теллус, за пределами Капитолия, в нескольких шагах от собственного тщательно охраняемого дома. Следуя циничной манере своих предшественников, подобным же образом добивавшихся власти, Антоний для верности позаботился, чтобы собравшихся сенаторов «охраняло» войско Лепида.

Был у Антония и еще один убедительный аргумент; он приберегал его до тех пор, пока не объявились публично самые главные защитники скрывающихся убийц. Известный всем экс-консул Тиберий Клавдий Нерон — супруг будущей жены Октавиана Ливии, предложил следующее: Брута, Кассия и их товарищей не только не привлекать к суду за измену и убийство, но и поздравить и вознаградить особыми почестями за спасение республики. Другие оптиматы потребовали признать декреты Цезаря недействитель-

ными. Кто-то перешеголял всех, сказав, что тело диктатора следует лишить погребения и тайно бросить в Тибр.

Тогда-то Антоний и вмешался. Постаравшись избежать как хвалы, так и хулы, он по-деловому заметил: если какой-то из эдиктов Цезаря следует отменить на том основании, что Цезарь был незаконно узурпировавшим власть тираном, тогда подобным же образом следует отменить и прочие его постановления. На закуску консул прибавил, что это касается всех сделанных Цезарем назначений, проведенных его личными декретами за последние пять лет, и всех его назначений, сделанных на три года вперед. Сенаторы уставились на него, а потом — с нескрываемым ужасом — друг на друга. Больше половины их оказались в сенате только благодаря Цезарю. И если они не примут все его решения, то рискуют потерять свои места и проходить повторные выборы. Многие сенаторы были из отдаленных частей Италии, ранее в сенате не представленных. Некоторые приехали из провинций, где Цезарь выбрал их как вероятных союзников. (Римские остряки любили прохаживаться насчет галлов, что если, мол, встретится вам человек, бродящий по Риму в штанах, а не в тоге, нужно показать бедолаге дорогу к зданию сената.) Лишенным места сенаторам пришлось бы проходить перевыборы по другой системе, значительно измененной в пользу местной римской аристократии, и большинству из них вряд ли довелось бы вернуться на вожделенную скамью. Даже прослужившие в сенате много лет, избранные законным путем сенаторы считывали на самые важные посты, включая доходные наместничества в провинциях, на которые их назначил Цезарь на несколько лет вперед, собираясь воевать в Парфии.

Больше об отмене указов Цезаря никто не заикался. Сенат проголосовал не только за утверждение всех его декретов, но и за принятие тех, которые он лишь намеревался объявить, и еще не успел довести дело до конца. Тем са-

мым сенаторы сыграли на руку Антонию, на что тот, несомненно, и рассчитывал. У него одного были официальные документы Цезаря — и он собирался принять меры, чтобы никто другой их не прочел. Таким образом, Антоний получал возможность в течение следующих нескольких недель предпринимать угодные ему шаги — например, делать назначения или запускать руку в государственную казну, говоря, что это планы не его, а Цезаря. Под конец Антоний подсластил пилюлю для самых ярых республиканцев. Цицерон предложил всеобщую амнистию, а Антоний, как председательствующий на заседании консул, принял ее и легко провел. И сразу же шестьдесят заговорщиков перестали быть разыскиваемыми преступниками.

Пытаясь уговорить главарей заговора спуститься, Антоний и Лепид уже отослали на Капитолий в качестве заложников своих сыновей. После заседания сената Брут и Кассий уже ничего не боялись. Брута приветствовал лично Лепид, состоявший в нем в родстве по супруге, и они спокойно отобедали вместе. Антоний же пригласил к себе Кассия, скорее всего не зная, что «тощий и бледный» претор* замышлял убить его, когда убивали Цезаря. Они тоже разделили трапезу в явном согласии и добром расположении духа. А ведь только два дня и три ночи назад Цезаря закололи, словно быка! На следующее утро сенат опять собрался и вынес Антонию благодарность за то, что он не допустил возобновления гражданской войны. Простым римлянам должно было показаться, что аристократы решили увековечить недолгое правление Цезаря, зато его вопиющее убийство предать забвению.

* Плутарх в книге «Изречения царей и полководцев» пишет, что однажды Антоний и Долабелла пытались предостеречь Цезаря от каких-то опасных, по их мнению, людей, а Цезарь ответил, что боится не ленивых и жирных, а тощих и бледных, и показал на Брута и Кассия.

Политическая ситуация, однако, была более сложной и неустойчивой, чем казалась на первый взгляд. Разные цели цезарианцев и оптиматов неминуемо вели к новому расколу. Антоний, совершив дипломатический ход, который сохранял убийцам жизнь, не собирался позволять, чтобы они мешали его планам собственного возвышения. А заговорщики, рисковавшие головой ради пресечения действий Цезаря, еще меньше желали, чтобы Антоний взял на себя роль диктатора. Мало кто кроме Цицерона и Кассия понимал, насколько опасно предложение тестя Цезаря, Луция Кальпурния Пизона, — устроить публичное погребение диктатора и зачитать перед сенатом его завещание. Брут великодушно согласился на оба эти шага, разрушив тем самым планы своих союзников, чьи отвергнутые советы снова оказались правильными.

Для Пизона и похороны, и чтение завещания были в основном делом фамильной чести. У него имелись достаточные основания возмущаться бесцеремонностью Антония, который, пренебрегая законом, перевез имущество Цезаря к себе, словно оно уже принадлежало ему. Как отец Кальпурнии, Пизон полагал, что именно ему надлежит присматривать за наследством, пока не вступит в силу завещание. Пизон не обвинил прямо Антония в том, что тот не доверил это дело его честности. Однако речь его в сенате была полна раздражения и обиды. Пизон явно знал о новом завещании Цезаря, но едва ли знал его содержание.

Наконец весталки расстались с опасным документом, и сенат узнал, что Цезарь оставил три четверти своего немалого имущества Октавиану, а одну четверть разделил между Педием и Пинарием, другими внучатыми племянниками. Антонию не досталось ничего. Он получил бы что-то только в том случае, если бы Октавиан умер раньше Цезаря. Антоний, должно быть, испытал сильнейшую досаду и разочарование. По иронии судьбы Децим Брут и некоторые дру-

гие убийцы были названы вместе с Антонием как наследники во второй степени.

По словам и Светония, и Диона, Цезарь также называл Антония и Децима опекунами Октавиана; о том, что они пытались воспользоваться своими опекунскими правами, нигде не говорится. В любом случае у Филиппа, как у отца, были перед ними преимущества.

Что еще удивительней — в завещании Октавиан объявлялся приемным сыном Цезаря; а значит, ему следовало принять имя Цезаря и называться Гаем Юлием Цезарем Октавианом. Поскольку не имелось прецедентов подобного посмертного усыновления, юристы до сих пор гадают, могло ли оно иметь юридическую силу. Октавиан оказался в состоянии найти приемлемое для всех решение.

Каждому гражданину назначалось по триста сестерциев (для сравнения: годовая плата римского легионера после реформ Августа составляла девятьсот сестерциев). По закону Октавиан — или все три основных наследника — несли личную ответственность за выполнение этого обещания. В последнем порыве патрицианского великодушия Цезарь завещал свои обширные сады над Тибром городу, для свободного пользования всех горожан.

Новость о таком завещании быстро разлетелась за пределы сената, и на улицы вышли толпы людей. Однако Антоний, имевший достаточные силы, чтобы противостоять конфискации, не спешил возвращать захваченные ценности. Ему срочно требовались деньги для устройства ветеранов Цезаря. Ведь речь шла о войске, на котором в конечном итоге и зиждилась власть Антония — а не на его временном обладании консульской должностью, защищавшей его от судебного преследования, только пока он ее занимал. Позднее люди поняли: для того чтобы получить завещанные каждому выплаты, им придется дожидаться Октавиана; этим и объясняется радость, с которой его встретили, когда он наконец добрался до Рима.

Через пять дней после ид тело Цезаря мимо толп скорбящих горожан понесли на Форум. Ни один римлянин не сделал больше, чем он, чтобы увеличить мощь и престиж Рима и Римской державы, и только Помпей, вероятно, сделал не меньше.

Антоний произнес погребальную речь, обычный панегирик, в котором в присутствии сограждан покойного и его «предков» (то есть людей в их масках) перечислялись его заслуги.

Подобных похорон не было ни до, ни после. Над лежащим в гробу телом подняли восковое изваяние Цезаря, так чтобы видели все присутствующие. Пока Антоний говорил, особое приспособление медленно поворачивало изваяние, демонстрируя все двадцать три раны на лице и теле.

Толпа стенала и рыдала; Антоний возбудил ее еще больше, приподняв на изваянии тунику с пятнами засохшей крови, бывшую на Цезаре в день убийства, и показав раны, находившиеся под ней. Этого люди вынести не могли. Дальнейшие события вышли из-под контроля.

Стащив в кучу стулья и столы из ближайших лавок и все, что оказалось под руками, горожане устроили огромный погребальный костер и возложили на него тело. Когда его объял огонь, женщины стали бросать в костер украшения. Самые неистовые из толпы бегали с факелами по городу, подогревая всеобщую ярость, и призывали расправиться с заговорщиками и сжечь дотла их дома. Брут и Кассий предусмотрительно отсутствовали, а другие сенаторы со всей поспешностью удалились. Не добравшись до главной добычи, бесчинствующая толпа нашла Бруту замену в лице трибуна и поэта Цинны, имевшего такое же имя-когномен, как у заговорщика претора Луция Корнелия Цинны — того самого, который в день убийства поносил с ростры Цезаря. Тщетно кричал поэт, что невиновен: толпа растерзала его на месте.

В последующие дни преследуемые убийцы начали покидать город и прятаться, кто где мог. Некоторые несколько дней просидели взаперти в надежде переждать бурю общественного гнева — словно узники в своих домах, по выражению Цицерона, и не решались выйти, кроме как в темноте. На Форуме человек, называвший себя Амаций, и утверждавший, что он внук Мария, воздвиг на пепелище погребального костра алтарь Цезарю. Люди стекались к алтарю, и он быстро набрал себе шайку, которая рыскала по улицам в поисках заговорщиков, намереваясь вершить суровое правосудие вопреки изданному сенатом декрету об амнистии.

Антоний еще какое-то время попустительствовал уличным беспорядкам. Его устраивало, что вожди оптиматов устраняются с политической арены, где они могли помешать ему извлечь максимальную выгоду из документов Цезаря. Правда, сенат собирался назначить комитет для изучения бумаг, с тем чтобы определить первоочередные задачи, но Антоний это проигнорировал. Он знал, что если надолго займет важный военный пост, ему не грозят дальнейшие преследования, и уже делал соответствующие шаги — так же как и для дорогостоящих мероприятий по переселению ветеранов Цезаря.

Наконец он выступил против бунтовщиков, чтобы предотвратить полный распад общественного порядка, но только после того, как убийцы достаточно напугались. Выяснив, что предводитель шайки Амаций на самом деле самозванец, грек по имени Герофил, Антоний казнил его без суда и наказал многих его товарищей и в некоторой степени восстановил порядок.

Несмотря на завещание Цезаря, Антоний мог вполне быть доволен первыми своими неделями у власти. Власть его стала практически полной. Он убедил сенат принять все постановления Цезаря и сохранил перспективу придумывать другие от его имени. Он примирился с заговорщиками и одновременно сделал их изгоями. Будучи консулом и имея

единоличный доступ к бумагам Цезаря, Антоний получил возможность выкачивать деньги из казны и в дополнение к войску Лепида набирать собственное. А если бы сенат попытался ему помешать, Антоний обратился бы к народному собранию.

Цицерон не зря жаловался старому другу Аттику на исходящую от новой власти угрозу: *libertas**, по общему мнению, восстановили, но без необходимых республиканских свобод, без которых она не действует.

«Наши герои (Цицерон имеет в виду убийц) совершили славное и великое деяние; для остального потребны деньги и войска, которых у нас нет».

Возвращаясь позже к мартовским идам, Цицерон напыщенно спрашивает: «Помнишь ли, как в самый первый день на Капитолии я кричал, что преторы должны созвать тут же сенат? Бессмертные боги! Чего только они тогда не сделали бы, ведь все честные люди, и даже почти честные, ликовали!»

В конце марта, и скорее всего после беспорядков, связанных с похоронами Цезаря, Децим Брут написал своему двоюродному брату Марку Бруту и Кассию и пожаловался на «предательство» Антония. Все трое заговорщиков еще оставались в Риме, хотя встретиться не могли, опасаясь народной ярости. Децим был тогда наместником Цизальпинской Галлии, но вступить в должность не успел, и теперь ему грозила отставка. «Антоний говорит, что не знает, как отдать мне мою провинцию», — пишет он, убеждая друзей покинуть Италию, пока это возможно. Он обращается к ним с изменническим советом — присоединиться к Сексту Помпею, державшемуся еще против римского войска, или же к мятежному оптимату Цецилию Бассу, который командовал легионом в Сирии.

Антоний, разумеется, предпочел бы отобрать у Децима должность наместника, потому что она была нужна ему самому. Два легиона, стоявшие в Северной Италии, представ-

* *Libertas* (лат.) — свобода, вольность.

ляли собой самую большую военную силу на полуострове, и командование над ними укрепило бы влияние Антония в столице, к которой эти легионы стояли ближе, чем любые другие войска из провинций. Мы не знаем, каков был ответ Брута и Кассия на письмо Децима, но из того, что за ним последовало, вполне можем угадать. В середине апреля Децим ускользнул из города, правда, собственному совету не последовал и поспешил не за границу, а на север, в подчиненную ему провинцию, пока Антоний не отобрал ее с помощью народного голосования. За решением Децима явно стояли Брут и Кассий. Ответное выступление оптиматов против цезарианцев началось еще до того, как Октавиан добрался до Рима.

V

Молодой претендент

Октавиан усаживался за обед, когда в Аполлонию прибыл посланец его матери с известием об убийстве Цезаря. Гонец, по-видимому, разнес весть по всему городу, потому что в течение вечера к Октавиану приходили видные горожане — выражали соболезнования и открыто спрашивали, что он намерен предпринять. Легко представить себе его чувства. Многие посетители, выслушав благодарность хозяина за соболезнования, уходили, но некоторых Октавиан приглашал к столу — людей опытных как в войне, так и в политике. Их оживленный разговор продолжался до самого утра.

Мнения резко разделились. Агриппа и Сальвидиен держали сторону тех, кто предлагал Октавиану ехать в штаб македонского войска, которое собирал его дядя, и потре-

бовать немедленной помощи, чтобы отомстить за его убийство.

Прочие советчики были гораздо осторожнее. Они понимали: хотя Октавиану стоит обратиться к солдатам и заручиться их поддержкой, но вторгнуться с войском в Италию, не узнав, что в точности произошло в мартовские иды, — поступок необдуманнный и изменнический. И потому, предполагали они, Цезарь уже отмщен. Октавиану не следует начинать гражданскую войну против неизвестных сил и по причине, которая, возможно, уже не существует.

Октавиан выбрал вторую, более осторожную линию поведения и тем самым показал свою зрелость. Все обдумав, он решил организовать небольшую разведывательную экспедицию — которую сам и возглавил, с целью выяснить все о случившемся и узнать общественное мнение. Что, если убийцы пришли к власти? Не станет ли он сам следующей жертвой? Или же напротив — Антоний и Лепид, как главные сторонники Цезаря, немедля осудили и казнили убийц? Октавиан до сих пор не знал, что ему причитается по завещанию Цезаря, не знал, будет ли оно сочтено законным, хотя, разумеется, понимал — какое-то наследство он получит. Советчики Октавиана, несомненно, объяснили ему, что если сенат оправдает убийц, то завещание Цезаря, как и его политические и финансовые реформы, скорее всего аннулируют. А если диктатора признают тираном, то и все его имущество могут конфисковать.

Молодому человеку не пришлось отправляться в штаб македонского войска. Большая часть войска сама обратилась к нему — в виде депутации центурионов и солдат, служивших под командой Цезаря. Они предложили Октавиану свою помощь и заверили, что поддерживают его. С этими опытнейшими солдатами Октавиан познакомился, когда обучался воинскому делу, и потому он заговорил с ними, как с товарищами, поблагодарил за верность Цезарю и ска-

зал, что обязательно обратится к ним, если ему потребуется помощь. Эта встреча и обмен обещаниями оказались впоследствии очень важными. В трудную минуту Октавиану понадобится поддержка легионеров, и они его не подведут.

Октавиан наверняка взял кого-то из них с собой, оформив им отпуска, когда отправился в Италию. Вероятно, это произошло в первую неделю апреля. Он захватил также немало денег и смог оплатить всем дорогу — с момента высадки на пустынном побережье к югу от военного порта Брундизия. Путешествие было тяжелым, и Октавиан и его небольшой отряд не смогли бы немедленно приступить к активным действиям. Они пешком добрались до Лупий, небольшого городка, где сняли себе жилье.

Сразу же по прибытии в Лупии или днем позже Октавиан узнал, что Цезарь его усыновил. Узнал он и о вопиющем решении сената объявить убийцам амнистию.

С характерной для него осторожностью Октавиан послал вперед, в Брундизий, несколько человек — разведать, не ждет ли их западня. Как только тамошние солдаты слышали, что в Италию вернулся наследник Цезаря, они вышли из города ему навстречу и провожали его, приветствуя новым именем — Цезарь. То был пьянящий миг. Октавиан увидел, какое блестящее будущее ждет его, если он проявит смелость и схватит удачу обеими руками, а также смерти и горести, уготованные его семье и друзьям в случае поражения. Отказавшись от секретности — до сих пор Октавиан почти от всех скрывал свои планы и действия, — он объявил, что направляется в Рим — постоять за честь «отца» и предъявить права на наследство. Однако что бы молодой человек ни говорил в частных беседах, он мудро избегал публичных угроз в адрес убийц.

Отовсюду к нему стекались люди, а за ними, каким-то волшебным образом, деньги. Цезарь собирал средства на поход в Парфянское царство, и потому из Рима в Брундизий перевозили казну — большей частью золотые, серебря-

ные и медные монеты. Оттуда их переправляли в Македонию — для выплаты легионерам и закупки провианта. Кроме того, через Брундизий шел и другой поток денег — из других восточных провинций, от откупщиков. Известно, что ко времени прибытия в Рим у Октавиана в распоряжении были немалые суммы. Частично это можно объяснить тем, что в Неаполе его встречал Луций Корнелий Бальб, который несколько лет вел личные денежные и политические дела Цезаря (вместе с всадником Гаем Оппием).

Бальб, происходивший из испанской семьи с финикийскими корнями, в ночь мартовских ид поддержал предложение Лепида направить солдат против немногочисленных заговорщиков.

В недавнем прошлом Бальб по роду деятельности имел прямой доступ ко всем средствам диктатора. И едва ли он предоставил какие-либо суммы Антонию после того, как тот пошел на компромисс с убийцами.

Бальб, под впечатлением от решимости Октавиана, стал его верным сторонником. Хотя у нас нет прямых свидетельств, мы вполне можем предположить, что он передал Октавиану по крайней мере часть бывших в его распоряжении денег, не дожидаясь подтверждения завещания. Присваивать эти деньги Бальб не стал бы. Он и так был одним из богатейших в Риме людей; его усыновил Теофил из Митилены, служивший у Помпея главным советником во время его восточных кампаний, весьма прибыльных. Бальб раньше держал сторону Помпея и помогал созданию триумvirата Помпея, Цезаря и Красса. Потом он перенес свою преданность на Цезаря, быть может, из некоторой оптиматской ревности к его успехам. Карьера Бальба — хороший пример того, как реформаторы вроде Цезаря и Октавиана вознаграждали чужие заслуги, продвигая на самый верх способных и талантливых людей неримского происхождения. Она также показывает, как причудливо сплелась в империи сеть человеческих судеб — людей разного социального

положения и разных национальностей. Меньше чем через три года после неофициальной встречи с Октавианом Бальбу предстояло стать первым в истории Рима консулом, рожденным за пределами страны. Такой факт, конечно, не доказывает, что Бальб в решающий момент снабдил Октавиана существенными суммами, но вероятнее всего так оно и было.

Взволнованный этой встречей с Октавианом, Бальб поспешил в городок Кумы, что неподалеку от Путеол, у северной оконечности Неаполитанского залива. Туда, на одну из своих многочисленных вилл, скрылся Цицерон от воцарившейся в Риме атмосферы насилия. Цицерон и Бальб были если не старинными друзьями, то хорошими знакомыми. Цицерон около тринадцати лет назад успешно защищал Бальбу в суде, и они не теряли друг друга из виду и часто обменивались важными сведениями. Бальб, по-видимому, приехал с целью успокоить стареющего сенатора насчет намерений Октавиана и заручиться его поддержкой. Он подтвердил, что молодой наследник твердо намерен отстаивать свои права, но видит в Антонии серьезное препятствие. А Цицерон уже успел в письме Аттику высказать опасение, что Октавиан затевает государственный переворот. Он не был готов помогать Октавиану.

По совпадению у матери Октавиана и его отчима была вилла неподалеку от виллы Цицерона, вблизи Путеол. Именно туда и приехал Октавиан после того, как пробыл несколько дней в Неаполе и провел там несколько важных встреч с целью поднять свою популярность и привлечь к себе людей.

Атия, его мать, уже высказывала опасения, что Октавиан приобретет серьезных врагов, если станет бороться за наследство, от которого оба родителя советовали ему отказаться. Неизвестно, давался этот совет искренне или осторожный Филипп хотел таким образом защитить себя и супругу от страшных последствий в случае неудачи Октавиана. Октавиан ответил, что раз Цезарь счел его достойным сво-

его имени и состояния, то он не может примириться с меньшим. Тогда и Атия, и Филипп, как дружная семья, обещали ему полную поддержку.

Филипп, который так много лет стоял у кормила власти, целиком понимал всю трудность стоящей перед Октавианом задачи. Октавиан уже стал хорошим оратором, он умел *extempore** выступать на публичных собраниях, но словами многого не достичь.

И все же у Октавиана нашлось немало число сторонников в Неаполе — большом городе, и перед тем как отправиться в столицу, ему следовало встретиться со всеми, с кем только можно. Хотя Неаполь был изначально поселением греческим и многие там говорили на греческом языке, в окрестностях города, в Кампанье, жило много римских ветеранов. Их поселил там как колонистов Цезарь; еще больше бывших легионеров дожидались там обещанных им наделов.

Источники не сообщают, что именно говорил ветеранам Октавиан и что они отвечали, но наверняка многие из них считали себя клиентами Цезаря и желали отомстить его убийцам. В Риме периода поздней республики отношения клиента и патрона предусматривали взаимную выгоду. Чтобы система аристократического правления нормально функционировала и пользовалась достаточной общественной поддержкой, тем, кто стоял ниже уровня аристократии, но выше уровня бедных граждан, нужен был доступ, пусть и не прямой, к людям, принимающим решения, от которых зависела их жизнь. Такие отношения обеспечивали клиентам защиту, равно как и отдельные блага, вроде назначения на должность или заключение договоров. Взамен клиенты оказывали патрону политическую, а если нужно, то и физическую помощь.

Самые важные сенаторы обычно наследовали клиентов у тех членов семьи или рода, кто покинул пост или умер, и

* *Extempore* (лат.) — без подготовки, экспромтом.

использовали свое положение, чтобы привлечь новых. Среди их клиентов были сенаторы, занимавшие более низкие посты, всадники и другие люди, формировавшие общественное мнение. Клиенты должны были часто, почти ежедневно приветствовать патрона, поддерживать его в важных политических мероприятиях, например, во время его выступлений на Форуме им полагалось аплодировать.

У этих сенаторов и всадников имелись, в свою очередь, собственные клиенты, ждавшие от них протекции и помощи в карьере.

В старые времена иерархия патронов и клиентов уходила корнями в самые низы римского общества. Однако после Союзнической войны, когда большей части Италии предоставили избирательные права, образовался немалый слой общества, не имевший даже тех неофициальных связей с властными структурами, которые обеспечивал людям институт клиентов. Составляли этот слой обнищавшие солдаты-крестьяне и отпущенные на свободу состарившиеся рабы, которых хозяевам стало невыгодно держать. Пропась между сенаторами-оптиматами и обездоленным классом и объясняет, почему так удивились заговорщики, когда убийство Цезаря не только не встретило одобрения у обычных горожан, но и возбудило в них смертельную ярость.

В период восхождения Цезаря к власти система «патрон — клиент» поддерживала политические механизмы и отношения в довольно большом социальном диапазоне. Самому Цезарю и его соперникам аристократам, а также и врагам, не имело смысла действовать только по идеологическим причинам, не учитывая нужд подчиненных им групп. Цицерон пусть и оставил западной цивилизации объемистые труды о нравственности и о правительстве, но как действующий политик стремился поддерживать равновесие системы «клиент — покровитель», которой с выгодой пользовался и сам и которую, как и многие политики после него, считал

преимуществом государства. Брут и Кассий могли утверждать, что убили Цезаря из благородных побуждений, но их клинки разили тело диктатора также и во имя интересов клиентов, ждавших от патронов выгодного покровительства, которого их почти лишило неожиданное возвышение Цезаря.

У самого Цезаря задолго до того, как он стал диктатором, имелось весьма большое количество самых разнообразных клиентов. Среди них были не только сенаторы, всадники и прочие люди, надеявшиеся продвигнуться, служа его интересам, но и целые селения, племена, гарнизоны, острова, даже большие области в Италии и Галлии и других провинциях вместе с их гражданами и просто свободными людьми. После смерти Цезаря все они хотели как можно скорее найти себе нового патрона, и предпочтения их были, разумеется, на стороне наиболее видных сподвижников Цезаря, а не оптиматов. Таким образом, Октавиан помимо плебса мог опираться и на более уважаемые социальные группы, но поскольку ему было всего восемнадцать, он не имел настоящего влияния в верхах, какое мог иметь человек зрелых лет, занимающий консульский пост. Многие из этих людей уже попытались получить в качестве патрона Антония, как приверженца Цезаря и человека, имеющего власть и способного ее удержать. Чтобы набрать собственных клиентов, притом высокопоставленных граждан, которые помогли бы ему в достижении цели, Октавиану следовало найти имеющих определенный вес политиков, согласных поддержать его в сенате, куда он пока еще не мог быть избран. Однако сам Октавиан не мог занять позицию клиента по отношению к кому-либо из них, не лишив себя шансов отнять существующих клиентов-цезарианцев у таких политиков, как Антоний или Лепид.

Октавиан не был ни консулом, ни полководцем, и успех зависел только от его способности действовать так, как если бы он уже обладал *auctoritas*, даваемым этими двумя

должностями. Антоний был прав, говоря, что Октавиан всем обязан своему имени. И имя это — Цезарь. Молодому претенденту пришлось расстаться с именем, полученным при рождении. В каком-то смысле ему пришлось стать Цезарем — и оставаться Цезарем — в глазах других людей. Ему не подходило долгое, в течение двадцати лет, восхождение по *cursus honorum** — длинной карьерной лестнице, поднимаясь по которой, человек проходит ступени квестора, эдила, претора, пока не достигнет верха, то есть поста консула, к сорока двум годам, если повезет. Таким путем шел Цезарь. Некоторые достигли верха раньше, как Марк Антоний, но в обход законов. Немыслимо было юноше стать консулом. И все же это случится, и довольно скоро.

Теперь мы ясно видим, почему Октавиану понадобился — странное дело — почти месяц, чтобы добраться из Брундизия до Рима. Подобно современному политику, совершающему предвыборное турне, он показывал себя потенциальным избирателям и пробуждал в них надежду, что начинания Цезаря еще не погибли. Октавиану не приходилось давать кровавых клятв об отмщении убийцам; люди и без того часто зывали к нему как к сыну, для которого отомстить за приемного отца — дело чести. К тому времени как Октавиан добрался до виллы родителей в ПUTEОЛАХ, он повторил им — с выражением и на языке Гомера — слова Ахилла, сказанные над телом его погибшего друга Патрокла: «О, пусть я тотчас умру, коль не в силах за друга павшего мстить!»

Согласно греческому историку Аппиану, любившему эффектные жесты, мать Октавиана радостно приветствовала сына как единственного человека, достойного ее дяди, великого Цезаря.

Вероятно, самое важное из достижений Октавиана в этой поездке — то, что он бросил в почву семена, из которых вырастет его союз с Цицероном. Правда, почва оказа-

* *Cursus honorum* (лат.) — путь чести.

лась каменистой. Впервые они повстречались на вилле проконсула, где гостили Бальб, Авл Гирций и Гай Вибий Панса, консул-десигнат на следующий год.

«Только что на виллу Филиппа прибыл Октавиан, — писал Цицерон Аттику и добавлял (похоже, не без иронии): — всецело мне преданный (*mihi totus deditus*)». На следующий день, после более продолжительного визита Октавиана, Цицерон вынес о нем более зрелое и серьезное суждение. Октавиан, демонстрируя почтительность и пользуясь обаянием молодости, явно пытался завоевать дружбу старого политика, который по возрасту годился ему в деды.

«Свои называют его Цезарем, кроме Филиппа, и мы тоже не стали. Цезарем не может быть честный гражданин. Его окружают люди, которые говорят, что им нестерпимо теперешнее положение, и угрожают нашим смертью. Что же будет, когда мальчик приедет в Рим, где наши освободители, навек прославившись, не могут оставаться?»

На самом деле большинство заговорщиков к тому времени добровольно уехали из Рима. Бруту и Кассию как преторам пришлось пережить еще одно унижение — испрашивать у Антония на то дозволения, которое он дал с удовольствием. Антоний тем временем успел укрепить свой союз с Лепидом с помощью двух важных мер. Во-первых, он выдал дочь замуж за сына Лепида. Во-вторых, самого Лепида он сделал верховным жрецом — частично для того, чтобы не допустить к этому важнейшему посту Октавиана, которому Цезарь — предыдущий великий понтифик — желал его передать. Такая передача по республиканским законам не допускалась, потому что пост великого понтифика не был наследственным.

Убрав с дороги самых опасных врагов и временно добившись спокойствия на улицах, Антоний решил, что теперь может уехать из Рима. Это произошло 21 апреля; по совпадению именно в тот день Октавиан впервые пришел

к Цицерону. Антонию требовался месяц, чтобы съездить на юг, в Кампанию, — проследить за расселением большого числа ветеранов, чьи призывы отомстить убийцам теперь, как он надеялся, поутихнут. Бывшие солдаты, если верить слухам, собирались убить Брута, если найдут его, и Антоний рассудил, что спокойней будет навсегда поселить их подальше от Рима. Брут и Кассий укрылись не так уж далеко — на побережье Лация, в Анции, один день верхом до Рима. Но в столицу они уже не вернуться.

В отсутствие Антония и до приезда Октавиана на Форуме и в его окрестностях произошло еще одно выступление цезарианцев. Приверженцы казненного самозванца Герофила поставили на месте воздвигнутого им, а потом разрушенного алтаря колонну, а после того как власти приказали убрать несколько статуй Цезаря, они устроили беспорядки.

Один из зачинщиков привел всех в мастерскую, где разбирали эти статуи. Подобная практика была нередка. Туловище и конечности статуи часто сохраняли и приделывали новую голову. Разъяренная толпа сожгла мастерскую дотла. Долабелла — теперь единственный находящийся в городе консул — вызвал войска. Солдаты убрали колонну и устроили жесточайшую расправу. Всех, кто сопротивлялся, казнили. Уцелевших рабов Долабелла приказал распять, а свободных граждан — сбросить с Тарпейской скалы.

Цицерон ликовал. В письмах из Путеол и одном письме из Помпей он до небес превозносил своего бывшего зятя. «О мой удивительный (*mirificum*) Долабелла! — теперь я говорю «мой», — писал он Аттику 1 мая. — Сбросить их со скалы! Распять на кресте! Повергнуть их колонну! Поистине героизм!»

Кассию он писал, что, узнав о действиях Долабеллы, испытал прилив оптимизма. Цицерон убеждал главного заговорщика вернуться в Рим, где ему ничто не грозит. Сам Ци-

цирон, однако, уже собирался отправиться за границу и провести лето и осень в относительно безопасной Греции.

Несколькими днями ранее Цицерон получил письмо от Антония, который со всевозможной любезностью просил его о личном одолжении и в то же время предупреждал: «Хотя я не сомневаюсь, что твоя судьба, Цицерон, вне всякой опасности, я все же уверен, что ты предпочитаешь прожить старость в спокойствии и почете, а не в тревоге».

Цицерон, которому было немного за пятьдесят, понял намек и в ответ пообещал всегда идти навстречу любым пожеланиям Антония.

В тот самый день, 26 апреля, он написал Аттику и предсказал большую резню (*caedem maximam*) — истребление всех, кто желал смерти Цезаря, если они не присоединятся к Сексту Помпею или к Дециму Бруту, находящемуся в безопасности — в Цизальпинской Галлии с двумя легионами.

Октавиан добрался наконец до Рима, когда только-только окончилась суровая расправа Долабеллы с мятежниками. Если верить летописцам, когда Октавиан миновал городские ворота, вокруг солнца засиял большой разноцветный ореол — знамение, по-видимому, благоприятное. Чтобы не показаться высокомерным и не произвести ложного впечатления, молодой человек оставил большую часть свиты и вошел в город в сопровождении лишь нескольких человек — для охраны от уличных головорезов. Ведь он, в конце концов, пришел как проситель, ходатайствовать перед преторским судом о признании усыновления. Шаг этот был слишком важен, чтобы рисковать получить отказ, если кому-то из магистратов не понравится, как он демонстрирует свои силы. Октавиан, конечно, надеялся расположить к себе Антония, убедить его вернуть без борьбы деньги, взятые у Кальпурнии в ночь мартовских ид. Что же касается бумаг Цезаря, вряд ли Октавиан ожидал их вообще получить.

Антоний вернулся в Рим в середине мая. Его въезд в столицу был полной противоположностью прибытию Октави-

ана. Консула сопровождали шесть тысяч вооруженных воинов; столько людей насчитывалось в легионе, да и то редко — обычно в распоряжении командира легиона имелись пять тысяч человек. Когда Антония спросили, зачем ему шесть тысяч воинов, Антоний поразил Рим заявлением, что это, мол, его личная охрана. Более грубую демонстрацию незаконной власти трудно даже представить. Цезарь никогда не заходил столь далеко. Происходящее убедило оптиматов, что убийство диктатора не восстановило республиканской *libertas*, а напротив, подтолкнуло Рим в обратном направлении — к власти, устанавливаемой с помощью военной силы.

Как заметил Цицерон, деспота убили, а деспотизм остался. Теперь у Антония было в Риме больше сил, чем у Лепида, которому в любом случае предстояло покинуть город и управлять двумя огромными и лишь частично покоренными провинциями — одна в Галлии, другая в Испании. Стало ясно, что до конца года, когда истечет срок консульства, Антоний намерен набрать как можно больше войска. Для чего же ему целая армия? У Цицерона на сей счет сомнений не осталось: войско Антонию нужно, чтобы развязать войну со своими врагами и в конце концов захватить власть в стране.

11 марта Цицерона вновь посетил Бальб и рассказал, что Антоний не только расселяет в Кампанье ветеранов Цезаря, но и берет с них и их товарищей клятву поддержать эдикты Цезаря. Кроме того, он советует им всегда иметь свое оружие под рукой и в хорошем состоянии — до тех пор, пока оно не понадобится. Цицерон пожаловался Аттику: убийцы Цезаря действовали с отвагой мужей, но с разумом детей — заговорщики допустили ошибку, оставив в живых наследника. Цицерон явно подразумевал не Октавиана, а Антония (как политического наследника), и, стало быть, в юноше он не видел серьезного претендента.

По возвращении Антония в Рим Октавиан попросил его о личной встрече. Антоний согласился и заставил Октави-

ана прождать возмутительно долго у входа в сад Помпея, где была назначена встреча. Антоний держался заносчиво (*superbe*), в то время как Октавиан вежливо, но упорно отстаивал свои права на наследство, в том числе и на деньги, взятые Антонием у Кальпурнии. Консул резко отвечал, что денег у него больше нет, он уже потратил их на государственные нужды, да и в любом случае нужно еще выяснить, какова была там доля Цезаря и сколько денег принадлежало казне. Беседа оборвалась, когда Антоний заявил, что как консул он не обязан отчитываться перед молодым человеком вроде Октавиана, не занимающим никакого государственного поста. Он посоветовал юноше прекратить добиваться наследства, которое будет для него обременительно — учитывая, как много Цезарь обещал раздать. Тем не менее Антоний пообещал сделать все от него зависящее, чтобы провести соответствующий закон для признания усыновления.

На протяжении их недолгой беседы Октавиан был вежлив, но ушел из садов Помпея более чем когда-либо преисполненный желанием добиться справедливости. Начал он с продажи большей части семейного имущества, пытаясь собрать достаточную сумму для выплат по завещанию Цезаря — по триста сестерциев каждому гражданину. Ему помогал Филипп, тоже продавая собственное имущество, и, что еще удивительнее, Педий и Пинар одолжили Октавиану свои доли в наследстве Цезаря. Значит, они надеялись получить их рано или поздно обратно. Тем временем люди Октавиана распустили среди горожан слух: Антоний присвоил деньги, предназначенные Цезарем для раздачи народу, а Октавиан намерен выполнить обещание приемного отца. Очень быстро его популярность увеличилась, а популярность Антония сошла на нет.

Консул решил прибегнуть к запугиванию. Он пригрозил посадить своего нового соперника в тюрьму, если тот не прекратит заигрывать с народом. Октавиан счел угрозу

блефом. Наверняка Бальб не преминул сказать ему, что вряд ли Антоний позволит себе бросить в тюрьму законного наследника Цезаря — ведь это может не понравиться шести тысячам его телохранителей. Самое худшее, что мог консул сделать Октавиану — не считая убийства, — слегка сбить с него спесь.

Затем между Антонием и Октавианом произошло несколько небольших столкновений. Один раз они повздорили во время судебного разбирательства: Октавиан обратился к Антонию с помоста, а не спустился на пол. Консул приказал ликторам стащить Октавиана с помоста и вывести из зала. Кроме того, он изменил своему обещанию — ускорить признание усыновления. Втайне от Октавиана Антоний подговорил кое-кого из трибунов, чтобы они постоянно откладывали рассмотрение дела.

Ничуть не обескураженный, Октавиан затеял ходить по городу с толпой приверженцев, выполнявших роль неофициальных телохранителей, — для защиты от многочисленных уличных разбойников, подкупленных его врагами. Стоило ему завидеть группу граждан или солдат, он прислонялся к стене, какой-нибудь колонне или постаменту и обращался к ним с речью. Говорил Октавиан в основном о том, что ищет у них поддержки не ради себя, а дабы защитить память Цезаря и его наследство от клеветников. Иначе, доказывал Октавиан, граждане никогда не смогут воспользоваться деньгами, которые завещал им Цезарь. Он, мол, просит Антония не разбазаривать деньги Цезаря, пока не получат свою долю все граждане, тогда он, Октавиан, как наследник Цезаря, сам отдаст Антонию остальное.

Все это была явная демагогия с целью возбудить толпу: обоснованные жалобы вперемешку с лицемерным красивым фразерством. Красноречием такого сорта владел не только Октавиан. Подобные бесстыдные методы практиковались профессиональными ораторами — включая и Цицерона, —

которые преподавали их своим ученикам. В речах преобладали гиперболические фигуры. Римские избиратели весьма к этому привыкли и самым неправдоподобным заявлениям Октавиана вероятнее всего попросту не придавали значения, зато его обращение к их личным интересам было точно в цель. Повсеместно ходили слухи, что Антоний, промотав деньги, взятые у Кальпурнии, охотится и за другой казной Цезаря, которую тот отдал на хранение жрицам Опы, древней богини изобилия.

Чтобы восстановить в глазах ветеранов репутацию верного цезарианца, Антоний стал уходить от прежней примиренческой политики. Он начал словесные нападки на заговорщиков, однако слишком далеко не заходил и к расправе не призывал. Таким образом, перемирие, объявленное Антонием 17 марта, с треском разлетелось вдребезги, напугав тех из заговорщиков, кто скрылся из города и мечтал вернуться. Цицерон, ожидавший войны и считавший себя слишком старым, чтобы воевать, попросил теперь у Долабеллы должность легата; тот вскоре собирался ехать в Сирию в качестве наместника. Цицерон планировал присоединиться к нему в Греции, куда и так собрался отправиться. Его настолько страшило будущее, что не радовали уже и события мартовских ид. Пусть Цезарь сделал все, чтобы низвергнуть республику, но от него не пришлось бы уносить ноги.

Оптиматы, и в особенности причастные к убийству, имели все основания беспокоиться о том, какой оборот приняли события. Отныне все поступки Антония воспринимались как хорошо рассчитанный план — пока не кончился срок его консульства, он намерен, манипулируя законами, добиться личного возвышения. Две или три недели спустя после ид сенат назначил Антония и Долабеллу на 43 год до нашей эры на проконсульство соответственно в Македонию и Сирию. Однако до конца года намерения Антония изменились. Консул по-прежнему хотел заполучить шесть

легионов Цезаря, стоявших в Македонии, но сама провинция его уже не интересовала. Он желал получить две другие — Северную Италию и Косматую Галлию (*Gallia Comata*). Консул приводил следующие доводы: эти шесть легионов пока что не нужны там, где они расположены, и большую часть следует переместить туда, где они могут срочно понадобиться, например, если какие-нибудь галльские племена захотят воспользоваться тяжелой ситуацией в Риме, вызванной убийством Цезаря, и поднимут мятеж. Разумеется, подобные события не исключались, но даже и в этом случае Антоний представлял не самую лучшую кандидатуру для поддержания в Галлии порядка. Кроме того, было бы правильнее как можно скорее перевести некоторые легионы обратно через Адриатику.

1 июля Антоний созвал заседание сената, чтобы обсудить предложенный *lex permutacione provinciarum**, вносящий необходимые изменения в управление провинциями на следующий консульский год; на деле этот закон сразу отдавал ему под контроль шесть македонских легионов.

Оптиматы едва ли приняли аргументы Антония за чистую монету. Убеди он их, он оказался бы в том самом положении, в каком был Цезарь, собираясь пересечь Рубикон; разве что Антонию не требовалось идти в Рим — он и так был в Риме. Шесть легионов пехоты — примерно пять тысяч солдат в каждом — плюс конница, отряды лучников и другие легковооруженные части представляли собой крупную силу, — да еще шесть тысяч набранных Антонием «телохранителей». С флангов встал бы Лепид с остатками галльских легионов, закрывая путь на северо-запад Италии, а Публий Ватиний, верный цезарианец, с тремя как минимум легионами в Иллирике прикрыл бы северо-восточное направление. Получилось бы полное численное превосход-

* *Lex permutacione provinciarum* (лат.) — закон об обмене провинциями.

ство над двумя легионами Децима Брута на севере Италии; а в 43 году до нашей эры Дециму по закону следовало передать командование Антонию.

Чтобы успокоить сенат, Антоний предложил закон, по которому считалось преступлением даже предложить назначить диктатора, не говоря уже о том, чтобы самому стремиться получить этот пост. Сенаторы проголосовали в пользу принятия, но уловка Антония не сработала. Они успели хорошо его узнать и понимали, что он способен взять на себя роль тирана, не заботясь о том, как будет называться. Сам консул еще до заседания сената должен был понимать, что большинство сенаторов не поддержат обмен провинциями. Как и многие популяры до него, Антоний решил обратиться к народному собранию. Таким образом, курс на перемирие, взятый 17 марта, потерпел полное крушение уже через два с половиной месяца.

Однако результат народного голосования никоим образом нельзя было предсказать. Простые люди уже видели деспотическую сторону его натуры — когда Антоний в отсутствие Цезаря подавлял мятеж должников. Народ не одобрял и его компромисса с убийцами Цезаря, и постоянной вражды с Октавианом. Неодобрение это особенно проявлялось среди ветеранов в окрестностях Рима и в самом городе и среди старших офицеров «охраны» Антония, которые склоняли его протянуть руку дружбы наследнику Цезаря. Антоний решил, что теперь это ему выгодно, но только до подсчета голосов. В разговоре с военными трибунами из своей охраны — ранг трибуна примерно соответствует рангу современного полковника — Антоний дал хорошее объяснение своему отношению к Октавиану, приведя доводы, которые трибунам должны были понравиться. Молодой человек, заявил он, показал заносчивость и непочтение к старшим, включая и самого консула Антония. Такое поведение заслуживает отпора. И все же, считаясь с мнением окружаю-

щих, Антоний готов наладить с наследником Цезаря дружеские отношения — если тот, со своей стороны, не будет столь дерзок. Полковники же организовали встречу соперников, и после некоторой перепалки — для проформы — Антоний и Октавиан согласились сотрудничать.

Теперь можно было обвести сенат вокруг пальца. Оптиматам явно внушили, что голосование пройдет в собрании по центуриям, где они были достаточно сильны и могли надеяться на победу. Провели же его в народном собрании, то есть не по центуриям, а по трибам. Вновь объединившиеся цезарианцы, возглавляемые Антонием и Октавианом, имели куда больше шансов получить большинство голосов. Ситуация сложилась угрожающая. Продажных трибунов успели подкупить, оставшиеся не решились наложить вето. Ни один из магистратов не поднялся на ростру и не заявил, что собрание созвано слишком быстро, и те, кто о нем не услышал или не успел прибыть, лишились тем самым возможности голосовать.

По приказу Антония перед рассветом 2 июня Форум оцепили и разгородили веревками на несколько небольших участков, где собирались голосующие каждой трибы для регистрации перед голосованием. Надо полагать, из-за тесноты на старом Форуме дело происходило медленно, к тому же многие опасались беспорядков. Октавиан стоял за веревками, уговаривая людей проголосовать положительно. Оптиматы потерпели поражение, но результаты голосования, понимал Октавиан, уберут последнее препятствие на пути консула к верховной власти. В то же время он хорошо видел: действуя в союзе с Антонием, он получит больше, чем соперничая с ним. Консул же был другого мнения. Тотчас после голосования Антоний цинично отвернулся от Октавиана и возобновил свою вражду.

Октавиану пришлось все начинать заново. Худенький юноша — едва пяти футов и шести дюймов роста, — вокруг

которого, однако, составилось за несколько недель ядро его «партии». Это не была политическая партия в современном понимании, зато у нее имелись вождь, цели и опытные советники, имелись значительные средства и поддержка народа. И она не нуждалась в политическом лозунге: достаточно было одного, но великого имени, которое теперь и носил Октавиан, — Цезарь!

VI

Октавиан дает отпор

Пока не утихло общественное негодование по поводу убийства Цезаря и народ не смирился с положением, Октавиану следовало как можно скорее обратиться к самой широкой публике. В Риме это означало посещать состязания в Большом цирке или на меньших аренах, временных или постоянных, в столице или окрестностях. Во время более серьезных событий нечего было и надеяться, что твою речь услышит кто-то кроме ближайших соседей, и потому Октавиану, чтобы его услышали, пришлось придумать собственный способ. Он мог, конечно, привлекать внимание, водя за собой толпу приверженцев, которые хором повторяли бы за ним его слова. Однако Октавиан и его советники придумали лучший вариант. Они решили во время важных общественных мероприятий выставлять на видном месте золоченый трон Цезаря, с тем чтобы Октавиан стоял за ним и принимал приветствия толпы.

Закон, позволявший выставлять трон по разным случаям, был принят во времена диктаторства Цезаря, и его не отменили. Октавиану не требовалось даже формального согласия властей. Первый значительный случай представил-

ся во время *ludi Cereales* — Цереалий, ежегодных игр в честь богини Цереры (Деметры), покровительницы плодородия. Эдил по имени Критоний — магистрат среднего ранга, — действовавший, вероятно, по указанию Антония, не позволил внести трон на арену, где должны были начаться игры. Октавиан тут же потребовал, чтобы Критония судили за нарушение закона.

Антоний со своего судейского места заявил следующее: он передаст это дело в сенат; консул понимал, что сенатское большинство, желая сохранить шаткий мир, не станет лишним раз восстанавливать общественное мнение против убийц Цезаря. Октавиан ответил, что закон вполне ясен и следует выставлять трон его покойного отца, пока закон остается в силе — как и другие законы Цезаря, которые сам Антоний посоветовал сенаторам принять без исключения. Тогда консул потерял терпение и немедленно, пользуясь консульской властью, запретил Октавиану выставлять трон. Это только убавило ему популярности среди цезарианцев, которых он, по его словам, возглавлял. Антоний верно рассудил, что куда хуже было бы дать своему сопернику шанс подстрекать массы против политики примирения с теми, кто поддерживал убийство Цезаря.

Больше пятидесяти дней в году отводилось на публичные игры; лишь малую часть из них составляли игры с участием гладиаторов и заморских зверей. Помимо весьма популярных состязаний на колесницах, были еще и важные *ludi scaenici* (сценические игры), состоявшие большей частью из театральных представлений; иногда, для привлечения народа, допускались некоторые беспорядки. Подобное мероприятие собирался устроить Брут в начале июля. Цель он имел такую же, как Октавиан, — сплотить своих приверженцев и продемонстрировать правительству Антония степень своего *auctoritas*. Сторонники Октавиана, потерпев неудачу во время *ludi Cereales*, решили, что не дадут главно-

му убийце похваляться совершенным преступлением в сердце Рима всего через четыре месяца после убийства.

Антоний явно склонялся к тому, чтобы разрешить Бруту проведение игр *ludi Apollinares*, посвященных богу Аполлону, и не вмешиваться — при условии, что сам Брут, предмет всеобщей ненависти, не явится. Самой большой ошибкой консула в то лето был не повторный отказ от поддержки и дружбы Октавиана, за который ему тоже придется поплатиться, а то, что он уже не видел в Бруте и Кассии серьезной угрозы своим планам достижения верховной власти. 5 июня, через три дня после того, как народ голосованием, по сути, отдал ему шесть легионов, Антоний через сенат назначил обоих главных убийц на выгодные, хотя и не высокие должности — руководить поставками зерна в Рим.

Полагая, что все главные козыри у него, Антоний считал вполне безопасным дать убийцам Цезаря благовидный повод уехать из Италии, пока не истек срок его консульства, и в то же время уберечь их от беды. Вслед за Цезарем Антоний совершил ту же самую ошибку: он думал, что может заключить с ними сделку — ведь он облегчил их положение после совершенного ими убийства, хотя в его власти было их казнить, и теперь они ему благодарны. Они же попросту сочли великодушие Антония покровительством, причем унижительным, в духе Цезаря, и поняли, что он их больше не опасается.

Цицерон уже не верил в их возможности (и в свои) достичь серьезных успехов в деле оптиматов, пока Антоний занимает пост консула и обладает полной властью и влиянием. 7 июня, будучи в курсе событий — хотя жил он не в Риме, — Цицерон поехал на морской курорт Анций к югу от столицы — встретиться с Брутом и Кассием. Он советовал им принять предложенные Антонием должности и сохранить тем самым жизнь для дальнейшей борьбы.

Дом, где они встретились, принадлежал матери Брута, Сервилии, которая имела в высшем обществе самые обшир-

ные связи — она приходилась тещей Лепиду и Кассию, сводной сестрой покойному Катону — герою-республиканцу и была раньше любовницей Юлия Цезаря. Связь Цезаря с Сервилией длилась долго; знали о ней все, и потому возник слух, совершенно необоснованный, что Цезарь — отец Брута. В 59 году до нашей эры, в консульство Цезаря, они с Сервилией оба были свободны и могли пожениться, но он не стал делать ей предложения. Вместо этого он женился на юной Кальпурнии, с которой надеялся произвести на свет наследников.

Чувствовала ли себя Сервилия брошенной женщиной? Кто знает. Зато известно, что на встрече в Анции она всецело поддерживала своего сына Марка, который при всем народе заколол ее бывшего возлюбленного.

Письмо Цицерона Аттику с рассказом об их встрече представляет огромную ценность. Оно не только проливает свет на важнейший фактор падения республики. Это еще и единственный рассказ современника, написанный участником событий непосредственно после них, рассказ о том, как действовали за кулисами женщины, влияя на политические решения на самом высоком уровне.

Цицерон и сам не до конца разобрался в происходящем, и потому нам приходится читать между строк. Полностью понять им написанное можно только в ретроспективе. Тем же летом Брут и Кассий отплывут на восток набирать войска для новой гражданской войны. В Анции они приняли совет Цицерона, однако его решили в свои планы не посвящать.

Когда прибыл Цицерон, в доме Сервилиии уже было полно ее родственников и единомышленников, они что-то обсуждали. Во время разговора Цицерон услышал кое-какие намеки, но не понял, к чему они относятся, — слишком он погрузился в собственные мысли, возвращаясь в прошлое и рассуждая о том, как бы все сложилось, если бы Брут и

Кассий послушали его совета раньше. Сервилия была в обществе других двух женщин — своей суровой дочери Тертуллы (Юнии Терции) — супруги Кассия — и нежной и чувствительной Порции — дочери Катона и супруги Брута. Брут встретил прибывшего Цицерона, а Кассий — с весьма воинственным, по словам Цицерона, видом — пришел, когда оратор произносил перед собравшимися аристократами речь.

Совершенно не понимая ситуации, Цицерон пытался убедить Брута принять назначение в Азию, следить за поставками зерна. Сервилия, видимо, сочла, что это лишь способ убрать ее сына с дороги. Кассий с ней соглашался. Ему предложили такую же должность — на Сицилии. «Неужто ты думаешь, я приму это оскорбление словно милость?» — насмешливо спрашивал он у Цицерона, давая понять, что намерен отправиться не на Сицилию, а в Грецию. Он не говорил прямо, но все присутствующие понимали, что Кассий намерен искать там помощи против Антония.

Цицерон явно не внял намеку. Позже станет ясно: Кассий надеялся при поддержке Тертуллы убедить Брута отправиться с ним на восток и попытаться привлечь на свою сторону легионы, не служившие под началом у Цезаря. Брут производил впечатление человека, не решившего, как быть дальше. Не следует ли ему поехать в Рим, спрашивал он, ведь он проводит игры в честь Аполлона, которые, наверное, повысят его популярность среди горожан. Цицерон как мог уговаривал его не ехать: слишком дорога жизнь Брута, чтобы ею рисковать. «Но если я там буду в безопасности, — настаивал Брут, — ты согласишься?»

Отвечая на этот вопрос, Цицерон лишил себя последней возможности завоевать доверие Брута и Кассия. Он повторил совет держаться подальше от Рима и добавил: «И в провинцию тоже не нужно ехать — даже когда окончится срок преторства». Цицерон, конечно, не имел в виду провинцию Азию, куда Брута назначили заниматься зерном. Он гово-

рил, что нельзя рисковать, отправляться за границу, чтобы собрать солдат — эти надежды казались Цицерону призрачными. Он, как старший, давал им благоразумный дружеский совет.

Кассий быстро сменил тему и заговорил о потерянных возможностях. Это вдохновило Цицерона пуститься в разглагольствования о том, что в иды марта Бруту и Кассию следовало тотчас после убийства созвать сенат и взять республику в свои руки — пока Антоний не выбрался из убежища. Сервилия, обидевшись за сына и зятя, не выдержала и воскликнула: «Никогда не слышала подобной глупости!»

Великий оратор вдруг потерял голос. «*Ego me repressi*, — писал он потом. — Я сдержался». Сервилия закончила спор, поскольку досыта наслушалась советов Цицерона. Она властно объявила, что решение о назначении Брута и Кассия из постановления сената будет вычеркнуто. И никто из присутствующих, похоже, не усомнился, что это в ее силах.

Цицерон, желавший уехать в Грецию до окончания консульства Антония, покинул общество недовольный и угрюмый; утешало его одно: он хотя бы выполнил свой долг и пришел, пусть даже к его советам и не прислушались. Брут, Кассий и их сотоварищи, писал он, не имеют четкого плана и не способны таковой исполнить. «*Nihil consilio, nihil ratione, nihil ordine*»*. Это лучше всего показывает, что Цицерон совершенно не понял, для чего было созвано собрание. План у Брута и Кассия был — не просто отличный, а такой, который безупречно сработал тем же летом, когда они по отдельности отплыли за границу, чтобы его воплотить.

Прежде чем они это сделали, Бруту пришлось пережить публичное унижение на играх, посвященных Аполлону, на которые он не пожалел денег; задолго до мартовских ид он закупил множество диких зверей. Огромная толпа горожан

* *Nihil consilio, nihil ratione, nihil ordine* (лат.) — ничего по плану, ничего обдуманного, ничего последовательного.

пришла полюбоваться, как на арене убивают или натравливают друг на друга зверей. Брут, не осмелившись показаться сам, нанял несколько человек, чтобы они требовали его возвращения — а также возвращения Кассия и других заговорщиков. Но люди Октавиана, видимо, тоже постарались и посадили среди публики достаточно своих сторонников, которые громкими протестами прервали ход игр и возобновили их, только когда люди Брута, испугавшись, замолчали.

Когда освободилось место трибуна, Октавиан поначалу хотел выдвинуть на него кандидата, но потом передумал — скорее всего по совету близких — и объявил, что решил сам участвовать в выборах. Это встревожило оптиматов, которые еще со времен братьев Гракхов помнили, какой ущерб может нанести их законным интересам решительно настроенный трибун. Если Октавиана выберут, он будет вправе поставить на народное голосование любой вопрос. Уже ходили слухи, что он станет преследовать убийц Цезаря — вопреки постановлению сената от 17 марта. После массивного выступления в поддержку Октавиана и демонстрации ненависти к заговорщикам во время устроенных Брутом игр никто не сомневался, какой будет исход, если не найдется трибун, который рискнет наложить вето.

Антоний отреагировал очень быстро и успешно. Хотя Октавиан по рождению был плебеем, благодаря усыновлению Цезарем он стал патрицием и, таким образом, во всяком случае юридически, не мог стать народным трибуном. Антоний, уверенный в полной поддержке сенаторов, пригрозил Октавиану законом, если он не отзовет свою кандидатуру. Октавиану пришлось отступить. Чтобы не дать ему выдвинуть кандидата-цезарианца, Антоний воспользовался консульской властью и отменил выборы, вызываясь заявив, что у Рима и так достаточно трибунов и новые пока не нужны.

Следующие игры в Риме были *ludi victoriae Caesaris* (в честь побед Цезаря), которые устраивал сам Октавиан; на-

чались они 20 июля и длились десять дней. Это важное мероприятие задумал еще Цезарь как демонстрацию своей власти, и мало кто из ведущих оптиматов его поддерживал, да и то неохотно. Стадион заполнили бывшие сторонники Цезаря, и особенно его ветераны. Антоний опять вмешался и не позволил выставить золотой трон — наверное, боялся, что Октавиан на него усядется и будет принимать рукоплескания толпы, словно он сам и есть Цезарь.

Ход событий изменился благодаря происшествию, которое нам следует считать невероятно удачной случайностью, а римляне сочли знамение богов. Во время игр в сумеречном небе появилась хвостатая звезда и оставила огненный след, видимый несколько ночей. Все решили, что это душа Цезаря, которая возносится в свое вечное пристанище среди богов. Октавиан воспринял появление кометы как явное подтверждение того, что боги на его стороне. Нам, живущим в не столь наивные времена, не следует недооценивать психологическое превосходство, полученное Октавианом благодаря этому явлению, равно как и влияние, оказанное на его и так уже возросшую популярность. Он приказал, чтобы появление звезды запечатлели в изваянии Цезаря, в храме Венеры, который диктатор возвел в честь богини — своей прародительницы. Культ Цезаря, возникший на пепелище погребального костра на Форуме, в буквальном смысле воспарил, вознося на высоту и образ Октавиана.

Незадолго до появления кометы Антоний пытался успокоить оптиматское большинство в сенате, которое, по примеру Цицерона, страшилось перспективы марширующих к Риму македонских легионов. Ведь не было гарантий, что Антоний, подобно Сулле, Марию и Цезарю, не использует их для захвата власти. Антоний, видимо, считал, что пока не прибудет тридцатитысячное войско, он больше всех подвергается опасности. В своей речи на Форуме, где его могли слышать все желающие, Антоний смягчил взятый

ранее резко враждебный курс по отношению к заговорщикам. Он объявил о заседании сената, назначенном на 1 августа. Многие решили, что консул собирается сделать две важные уступки и проведет их не просто через народное собрание, но еще и через сенат. По Риму поползли слухи о близкой оттепели, и к 6 августа, когда новость дошла до Цицерона, плывшего морем в Грецию, говорили уже о неизбежном соглашении, по которому убийцам позволят мирно вернуться в Рим и возобновить политическую карьеру. По совпадению — Цицерон мог счесть это знаком судьбы — его корабль, отплывший от Италии на тридцать миль, был застигнут противным ветром и вернулся в порт. После того важного заседания сената минула неделя, но путники, сообщившие Цицерону вести, выехали из Рима до конца июля, то есть их новость успела устареть. Они сказали ему буквально, что Брут разослал из Неаполя письма всем бывшим консулам и преторам с просьбой участвовать в обсуждении.

Тогда же Цицерон решил отказаться от своего плана — искать убежища за границей — и вместо того вернуться домой, поскольку следующее заседание сената было назначено на 1 сентября. Он не знал, что политическая ситуация в столице коренным образом изменилась. Причина не совсем ясна, но, вероятно, возмущение в народных умах, вызванное появлением кометы, тоже способствовало решению Антония изменить позицию. Кроме того, Брут и Кассий сами ухудшили свое положение, издав в качестве преторов эдикт, в котором писали, что действуют в интересах республики и готовы отправиться в бессрочное изгнание, если это единственный способ сохранить мир. И добавляли — где они, там и республика.

Это высокомерное заявление вызвало негодование у старших офицеров римского гарнизона, которые опять столкнулись с Антонием из-за его отношения к Октавиану, но теперь их обращение прозвучало как угроза, а не

как просьба. Консул нуждался в их поддержке; он не мог допустить, чтобы они перешли на сторону Октавиана и увели с собой многих молодых командиров и просто солдат. Антоний издал эдикт, в котором обвинял Кассия и Брута в тайной подготовке к гражданской войне путем подкупа македонских легионов через агентов.

Было ли обвинение справедливым — неизвестно, но вот Октавиан точно позаботился, чтобы эти войска не действовали против него; молодой человек осторожно, через друзей напомнил им об их обещании, данном ему, когда он уезжал из Аполлонии, — отказаться от более выгодных предложений, если ему понадобится их помощь.

Это уже была измена. Октавиан начал очень опасную игру. Одно дело — публично обвинять Антония в том, что он не наказывает убийц Цезаря и не отдает ему, Октавиану, наследство, решение о котором так и завязло в судах. И совсем другое — подбивать государственные войска дезертировать из армии и хранить верность частному лицу. Октавиан, несомненно, постарался держаться в стороне: в случае чего он, мол, и не знал, что делается его именем. От обвинения в сенаторском суде его бы спасло обращение к народному собранию, но оно не защитило бы его от сурового правосудия Антония — тот будет рад законному поводу разделаться с таким неудобным противником.

Немедленного разбирательства Октавиану удалось избежать, хотя вскоре, в отсутствие Антония, он начнет набирать собственное войско. Свои поступки он оправдывал в собственных глазах тем, что убийцы его приемного отца совершили куда более гнусное предательство. Внешне побуждения Октавиана были довольно благовидны, и даже скептически настроенный Цицерон стал сомневаться — не слишком ли он поддается своим убеждениям о мотивах «наших героев», как он называл Брута и Кассия.

«Я замечаю в Октавиане достаточно ума, достаточно духа, и что касается наших героев, то его отношение будет

таким, как нам хотелось бы, — пишет он Аттику перед самым отбытием в Грецию. — Но насколько можно полагаться на человека его возраста, имени, наследственности и воспитания — этот вопрос нужно тщательно рассмотреть. Отчим (Филипп), которого мы видели в Астуре, полагает, что нисколько. Впрочем, его нужно лелеять и уж во всяком случае отдалять от Антония».

Сенат, как и планировалось, собрался 1 августа, и Антонию за очередное изменение политического курса пришлось терпеть нападки Кальпурния Пизона, который, как бывший тесть Цезаря, не боялся возможного наказания. Никто из сенаторов поддержать его не осмелился. Антоний все же надеялся сохранить мир, хотя бы до прибытия в Италию своих легионов. Его попытка уменьшить *auctoritas* двух главных убийц, назначив их на невысокие должности в системе хлебопоставок, не удалась, и Антоний стал убеждать сенат отправить их наместниками в провинции, где они не представляли бы опасности, — Брута на Крит, а Кассия в Кирену. Этот жест имел еще меньше успеха, чем предыдущий.

Окончательный разрыв произошел после обмена письмами. 4 августа Брут и Кассий вместе пишут Антонию: «Мы прочли твое письмо, очень похожее на твой эдикт, — оскорбительное, угрожающее, недостойное быть написанным тобой нам». Они и далее выражаются в том же духе — отрицают попытки подкупить легионеров и обвиняют самого Антония в том, что он угрожает им, законно избранным преторам, применением силы. «Свободу мы ценим выше твоей дружбы», — пишут они. И на тот случай, если он не понял предупреждения, кратко напоминают, что Цезарю очень недолго довелось пользоваться незаконной властью.

Вызов был брошен. С этого момента никаких разговоров об уступках между Антонием и поддерживаемыми оптиматами заговорщиками. Ирония заключалась в том, что их окончательный разрыв мог быть незапланированным ре-

зультатом действий Октавиана — как его агитации за месть убийцам, так и отправки в Македонию агентов, обещавших звонкую монету тем солдатам, кто согласится рискнуть и сменить хозяина. Причин сомневаться в словах Брута нет — во всяком случае, когда он и Кассий отрицают попытку подкупить македонские легионы, которым Антоний приказал перебазироваться к нему в Италию. Антоний знал, что кто-то пытается поколебать верность его солдат, и пришел к очевидному, но ошибочному выводу. Он решил, что это оптиматы составили заговор с целью удалить его от власти до истечения консульства и отрешить от должности, на которую его утвердил народ сроком на пять лет.

Цицерон получил известия от Брута 17 августа в Велии, во время их последней встречи. Бывший консул возвращался в помпейскую усадьбу после несостоявшейся поездки в Грецию. Брут не вдавался в подробности о своих планах, хотя и бывшие с ним солдаты, и корабли — все свидетельствовало о его намерении покинуть Италию. Брут стал укорять Цицерона за попытку уехать из страны, в то время как его присутствие необходимо в сенате. Цицерон пообещал всегда его поддерживать, но сам писал Аттику, что в Рим не вернется, поскольку не видит в том никакой пользы.

Должно быть, какие-то события заставили Цицерона резко изменить мнение; в конце августа он устроил публичный въезд в столицу, отлично зная, что на следующий день Антоний назначил заседание сената. Оратора встречали толпы горожан; он заранее возвестил о своем прибытии и хотел испытать, насколько пользуется поддержкой народа. Люди уговаривали его остаться в городе и защищать в сенате их интересы. Антоний тоже настаивал на его присутствии; на заседании он, как консул, собирался предложить воздать Цезарю посмертные почести, в частности, объявить один день в году праздником в его честь — словно он и в самом деле был богом. К ярости Антония, Цицерон явить-

ся отказался — на том основании, что после путешествия нуждается в отдыхе.

Цицероном, конечно, двигало нежелание публично голосовать за или против предложения Антония, равно как и воздержаться. Проголосовав положительно, он бы признал тем самым, что Брут и прочие — не освободители, а предатели и преступники. Проголосовав отрицательно — рисковал попасть в руки солдат-цезарианцев, которые избили бы его, и возможно, до смерти, как только он вышел бы на улицу. В последнем случае Антоний изображал бы скорбь, втайне радуясь: избавился от опасного соперника, не рискуя притом своим реноме! Третий вариант — воздержаться от голосования — означал показать нерешительность и трусость. Это повредило бы Цицерону в глазах коллег, клиентов и просто избирателей.

Антоний намеревался, если уговоры не подействуют, послать за Цицероном ликторов, чтобы привели его силой, но друзья его отговорили.

На следующий день, 2 сентября, сенат собрался еще раз. Теперь отсутствовал занятый какими-то делами Антоний. Цицерон, отдохнув первого числа, явился на заседание и произнес яркую речь против Антония, так называемую «Первую филиппику», в которой разнес политику консула в пух и прах. Наверное, было бы куда эффективнее, если бы он бросил свои тщательно подготовленные аргументы сопернику в лицо, но Антонию хватило и услышанного от других, а также того, как восприняли выступление остальные сенаторы. Консул воздержался от проявления насилия по отношению к прославленному оратору и больше двух недель сочинял ответ. Контрудар Антоний нанес лишь 19 сентября, когда Цицерон уже уехал из Рима. Антоний обвинял отсутствующего сенатора в том, что тот был истинным вдохновителем заговора против Цезаря. Только спустя три месяца, 20 декабря, Цицерон набрался мужества прийти на заседание сената.

Все это время он сочинял следующие «филиппики», разошедшиеся большей частью в списках; в них оратор ушел далеко от политики и обвинял консула в моральном разложении, сексуальных извращениях, воровстве, мошенничестве, пьянстве и тирании.

Почему же Цицерон решился полностью сжечь корабли? Самое правдоподобное объяснение таково: между встречей с Брутом и написанием первой «филиппики» он получил известия, из которых сделал вывод, что за время его отсутствия в Риме противники Антония набрали достаточно сил и готовы нанести удар, уже не подвергая себя такому риску, как в начале лета. Вероятно, как раз тогда двое старших родственников Октавиана, действовавших от его имени, предложили Цицерону вступить в тайное соглашение. Это были его отчим Филипп и муж младшей сестры Октавии — Марцелл, оба в прошлом консулы. Именно Марцелл в свое время протянул Помпею символический меч, а потом сам отказался сражаться против Цезаря.

Предложение состояло в следующем: Цицерон, используя свое влияние и признанные способности оратора, поддерживает Октавиана и в сенате, и в народном собрании, а молодой человек защитит его от Антония, поскольку, как наследник Цезаря, пользуется большой популярностью у войск. Оратор был пока не готов к такому тесному сотрудничеству, однако рискованная и манящая перспектива — сыграть при Октавиане ту же роль, что играл при Александре Великом сам Аристотель, уже разбудила его тщеславие.

Тем временем Антоний решил уступить давлению находящихся в городе воинских частей и покончить с затянувшейся и бессмысленной враждой с Октавианом. Их публичное примирение состоялось на Капитолии в присутствии толп ликующих цезарианцев, которые не видели смысла в противодействии консула попыткам Октавиана отомстить убийцам, тем более что ходили слухи, будто те готовят но-

вый заговор, собираясь вернуться в Рим во главе восточных легионов. Антоний продемонстрировал свои новые намерения, воздвигнув на Форуме статую Цезаря, с посвящением «отцу» — дабы показать сыновние чувства под стать чувствам Октавиана. В том же духе он повел себя 2 октября, произнеся с ростры речь — причем, видимо, позади него стояла новая статуя; теперь Антоний обвинял Брута и Кассия в предательстве. Казалось, он и Октавиан стоят плечом к плечу, как верные союзники. Но половина недели для политики — срок большой, даже в Древнем Риме. Три-четыре дня спустя Антоний обвинил молодого соперника в том, что тот готовит его убийство.

Октавиан горячо оспаривал обвинение, однако Цицерон ему не поверил. «Многие думают, что Антоний все придумал, чтобы захватить деньги молодого человека, — писал он. — Но честные мужи (*boni viri*) верят, что так и есть, и одобряют... На него возлагают большие надежды».

Антоний заявлял, и, без сомнений, справедливо, что Октавиан пытался подкупить людей из его охраны. Как мы знаем, Октавиан уже прибегал к таким методам с македонскими легионерами; он не преминул сделать это снова. Вероятно, требования «охраны» Антония — помириться с наследником Цезаря — частично были инспирированы с помощью немалых денег Октавиана. Но можно ли его обвинять в подготовке убийства консула — главы государства? Или его агенты превысили полномочия? Или Антоний цинично пытался уничтожить соперника, преувеличивая его вину?

Точно сказать нельзя. Сейчас, оглядываясь назад, мы видим, что Октавиан, убив консула, потерял бы гораздо больше, чем приобрел. Он не мог надеяться занять его место, как сам Антоний занял место Цезаря. Подобное убийство, совершенное к тому же собственной охраной консула, принесло бы больше выгод оптиматам, чем цезарианцам. Как вскоре показали события, в следующие двенадцать месяцев Антоний понадобится Октавиану живой и

невредимый — чтобы защититься от Брута и Кассия, у которых в противном случае оказалось бы полное преимущество. Это должны были подсказать ему — и, наверное, подсказали — старшие друзья. Таким образом, сомнения в данном случае должны быть в пользу Октавиана.

Так или иначе, консул держался за свои обвинения всего несколько дней. Значит, доказательства подкупа выглядели не слишком убедительно; серьезно наказали лишь нескольких людей из охраны. Главным результатом этих событий, к большой радости оптиматов, стало усиление вражды между соперниками. Обоим пришлось сильно увеличить ставки. 9 октября Антоний выехал в Брундизий — принять командование над четырьмя легионами, только что прибывшими из Македонии. Он уже объявил, что по пути в Галлию они пройдут через Рим, но вряд ли консул собирался отправлять их дальше Северной Италии. Не один Цицерон опасался, что консул намерен привести двадцать тысяч солдат-цезарианцев прямо в Рим и, как он выражался, расставить их за спинами сенаторов.

Однако Антоний вновь недооценил смелость и изобретательность молодого соперника. Октавиан уже готовился отплатить ему — и с процентами — за очередное оскорбление своего *dignitas**.

VII

Юный полководец

У Антония были серьезные причины для спешки. В сентябре и начале октября положение стало меняться не в его пользу, хотя он еще оставался самым сильным претендентом на власть. С востока в Рим вести добирались медленно,

* *Dignitas* (лат.) — достоинство.

но когда кое-какие обрывки сведений все же дошли, стало ясно: Кассий готовится помешать мерам Антония, направленным на то, чтобы на командных должностях большинства, если не всех расположенных в тех областях легионов оказались верные цезарианцы. Наиболее уязвима для интриг Кассия была Сирия, где местами до сих пор отсиживались в осажденных городах приверженцы Помпея; именно там десять лет назад Кассий проявил свои доблести — после поражения и гибели Красса он спас провинцию от вторжения парфян.

В провинции Азии Кассий тоже нашел бы крепкого союзника — в лице наместника Гая Требония, заговорщика, который задерживал Антония у дверей, пока внутри убивали Цезаря. В Египте, где уже ждали прибытия Кассия, по неясной причине произошел мятеж легионеров. Наряду с гонцами, взявшими официальные доклады Антонию, в Рим спешили рабы и вольноотпущенники с тайными сообщениями агенту Брута Марку Скапцию, для дальнейшей передачи этих сведений предводителям оптиматов. Среди последних была и Сервилия, которая кое-что из полученной информации сообщала Цицерону.

Сам Брут был в Афинах; на первый взгляд он бездействовал, но на самом деле просто ждал возвращения в Италию легионов Цезаря — чтобы начать захват Македонии и Иллирика и притом не рисковать столь сильно, как рисковал в то время Кассий.

Несколько недель Брут постоянно появлялся на людях, посещал театральные представления, давал обеды и вел долгие беседы с греческими философами. А наедине с собой он был занят обширной перепиской со своими сторонниками в сенате, включая и Цицерона; Брут все больше критиковал сенатора за соглашение с Октавианом — опасным, по его мнению, молодым человеком, которому нельзя доверять действовать в рамках закона.

Последствия возросшего влияния оптиматов на востоке, могущие привести к возобновлению их господства в самой Италии и на западе, для Антония были бы угрожающими и не сулили ничего хорошего Октавиану. В лучшем случае наследнику Цезаря придется продолжать политическую карьеру на уровне, соответствующем его возрасту, то есть идти несколько лет по следам отчима и занимать невысокие должности в окружении какого-нибудь наместника или полководца. Он сможет выдвинуть свою кандидатуру на пост квестора, дававший право стать впоследствии сенатором, только разменяв четвертый десяток, а на должность консула — после сорока двух лет. В худшем же случае его убьют или он предстанет перед сенаторским судом по обвинению в преступлениях против государства, имущество у него отберут, равно как и право именоваться Цезарем, а самого вышлют из Италии — проживать под постоянным наблюдением в какой-нибудь глуши.

На изменение ситуации Антоний отреагировал попыткой укрепить свое шаткое положение хозяина столицы — с помощью легионов, которые уже были в Брундизии. На сенат он рассчитывать не мог, поскольку срок его консульства подходил к концу. Если Антоний, как намеревался раньше, прикажет своим войскам пройти к Альпам, в центральные области Галлии, а Кассию и Бруту удастся объединить против него восточные земли, то тем самым он поднесет Италию на блюдечке врагам-оптиматам.

Антоний уже знал, что Децим Брут, еще один заговорщик, вряд ли уступит ему Северную Италию (так называемую Цизальпинскую Галлию) в качестве одной из проконсульских провинций, даже если он, Антоний дождется официальной даты передачи — 1 января. Децим командовал двумя легионами, которые в апреле, когда он прибыл, уже находились на месте; за прошедшее время Децим набрал еще войска, уже за свой счет. Новичков он обучал, посы-

лая в небольшие карательные экспедиции против соседних альпийских племен — чтобы попрактиковались убивать в боевых условиях.

Антоний не сразу понял, какую это представляет опасность. Ему потребуется поддержка Лепида и его легионов (расположенных в Испании и южной Галлии). Однако Лепид, как родственник Марка Брута, имел связи в лагере оптиматов. Другие полководцы на западе — Планк (в Косматой Галлии) и Поллион (в южной Испании) — представляли собой еще менее надежных союзников, разве что Антонию удалось бы убедить их в своем полном превосходстве. Для этого консулу пришлось бы вытеснить Децима с ключевой позиции, позволяющей контролировать северо-западные пути в Галлию, чтобы Децим не смог предотвратить или задержать объединение цезарианских сил.

Вскоре Цицерон станет вещать Дециму о новой юридической доктрине, которую он, к собственному удовольствию, недавно изобрел. Согласно ей, наместнику провинции позволительно игнорировать официальный эдикт о передаче должности законному преемнику, если это, по мнению наместника, противоречит истинной воле сената, но сенат боится ее выразить.

Децим был только рад поймать его на слове. Что касается Гирция и Пансы, умеренных цезарианцев, которым с 1 января предстояло стать консулами, то Антоний уже достаточно надоел им своими махинациями с законом, и они были готовы в будущем предложить Цицерону поддержку, если он согласится жить недалеко от Рима, пока они не вступят в должность. Они не собирались в самый пик своей карьеры подчиняться Антонию, если ему удастся стать новым диктатором — пусть и не называясь этим запрещенным титулом.

Секст — оставшийся в живых сын Помпея — уже не считался официально врагом государства, поскольку предпочел принять выдвинутые Лепидом условия, позволявшие ему командовать разношерстной армией солдат и моряков.

Отныне они не мятежники — но и не твердые республиканцы, и уж конечно, не цезарианцы. Любить Антония Сексту было не за что, да и чувство сыновней привязанности предполагало сочувствие заговорщикам, однако Секст не собирался примкнуть к какой-либо стороне, пока с помощью судов не выяснит, возможно ли вернуть что-то из имущества отца, которое при Цезаре конфисковали и распродали.

Таким образом, в середине октября против Антония ополчились самые важные в стране социальные группы, включая большинство сенаторов, всех оптиматов и осмелевших убийц, а также тысячи солдат и ветеранов, в том числе и полководцев одного с ним ранга, которые поддерживали намерение Октавиана отомстить заговорщикам. Кроме того — и это тоже немаловажно, — против Антония были и многие простые граждане. Раньше они обвиняли заговорщиков в том, что, убив Цезаря, те пошатнули мир в стране, а теперь — Антония в том, что из-за собственных амбиций он рискует развязать новую гражданскую войну. Ведь если он возьмет столицу с четырьмя или пятью легионами, то пройдет совсем немного времени, и его враги превосходящими объединенными силами вторгнутся в страну, чтобы его выставить.

К этому времени Антоний осознал, какую ошибку совершил, позволив Бруту и Кассию так легко унести ноги. Консул понял, что его могут втянуть в гонку со временем: он должен успеть собрать свои разрозненные силы раньше, чем они соберут свои.

9 октября, когда Антоний уехал из Рима в Брундизий, он явно намеревался найти подкрепление и досрочно отобрать у Децима, самого ненавистного из заговорщиков, наместничество над Северной Италией.

Если Децим согласится уйти сам — тем лучше, если станет упираться — оправдает тем самым действия Антония, который стал вербовать на юге цезарианцев-ветеранов, что-

бы увеличить армию, решить вопрос силой и казнить Децима в назидание прочим.

Теперь у Лепида, Планка и Поллиона появились и причины, и возможности объединиться с Антонием и предоставить свои легионы в его полное распоряжение. Сам Антоний тем временем послал коллегу-консула Долабеллу управлять Сирией, пока Кассий не узурпировал власть над этими землями. Если бы Антоний преуспел в своих затеях и убрал с дороги Децима, Кассия, Брута и Требония, он вернулся бы к политике временного соглашения с наиболее умеренными оптиматами, жаждавшими мира. Тогда он смог бы последовать примеру молодого Цезаря и, вместо того чтобы вариться изо дня в день в котле римской политики, возглавил бы на пять или десять лет огромное войско, добыл бы славу для себя лично и расширил границы державы.

Как аристократ по рождению и воспитанию, Антоний предпочитал именно такой путь к вершине — самый блестящий и самый захватывающий, и чтобы притом он мог устроить образцовый разгром любого, кто дерзнет поднять на него оружие. В свое время он с триумфом вернулся бы в столицу и получил бы консульство на длительный срок и жил бы, занимая — при поддержке войск — самое что ни на есть почетное положение, и всегда главенствовал бы в сенате, и никто не смел бы ему перечить.

Будучи гораздо беспощаднее по отношению к собратьям-аристократам, чем Помпей или Цезарь, Антоний вряд ли совершил бы ошибку вроде тех, из-за которых безвременно погибли два великих человека.

Однако каковы бы ни были планы Антония, Октавиан еще за несколько дней до отъезда консула из Рима предпринял меры, чтобы им помешать. С целью опередить соперника он послал в Брундизий своих людей, которые предложили македонским легионерам неслыханно большие взятки, если те отделятся от Антония и станут служить Октавиа-

ну. Каждый воин получал по две тысячи сестерциев единовременно и при выходе в отставку после окончательной победы — по двадцать тысяч (возможно, путем ежегодных выплат). Уставшим ждать легионерам, которым давно не платили, такое обещание показалось неслыханно щедрым, и неудивительно, что по прибытии в Брундизий Антоний оказался среди враждебно настроенных людей, не согласных с его условиями и платой.

Между тем Октавиан, запасясь немалыми средствами, лично прибыл в Кампанью в сопровождении Марка Агриппы и их общего богатого друга Гая Мецената и на вербовал тысячи демобилизованных солдат Цезаря, которые в противном случае могли попасть к Антонию и воевать против Децима. То была, конечно, государственная измена, но и Октавиан, и его советчики, к которым теперь присоединились Гирций и Панса (если не Цицерон), наверняка уже подсчитали, что, незаконно набирая собственное войско, он немного теряет. Раз уж Антоний приехал в Брундизий, он узнает от солдат и командиров о том, как усердно Октавиан старался их подкупить. Наследник Цезаря велел агентам распространять его предложения устным путем, но они еще и раздавали и расклеивали в казармах прокламации. Очень большая неосторожность; непонятно, кто дал распоряжение писать их и распространять. Ведь имея на руках такое доказательство, Антоний без труда объявил бы Октавиана врагом государства и затравил бы.

Будучи частным лицом, не занимающим никакого официального поста и набирая притом собственное войско, Октавиан пошел на самый большой в жизни риск; в критический момент только неожиданная удача спасла его от гибели. Проблем с набором людей у него не было, потому что другая группа его единомышленников заранее подготовила почву в Кампанье, где вблизи Аппиевой дороги, неподалеку от главного города Капуи, проживали множество досрочно демобилизованных ветеранов Цезаря. Предлагая

каждому пехотинцу те же самые две тысячи сестерциев, он скоро набрал войско в десять тысяч опытных солдат, включая самых лучших центурионов, стоивших куда больших денег. В начале ноября, прежде чем Антоний успел разобраться в его действиях, Октавиан отправил в Рим три тысячи вооруженных солдат и захватил Форум. Так началась гражданская война, и начал ее Октавиан, которому всего шесть недель назад исполнилось девятнадцать.

Когда, въехав в Брундизий, Антоний столкнулся с враждебным отношением своего нового войска, он, наверное, еще не знал о бунте за своей спиной. Легионеры недвусмысленно дали понять консулу, что недовольны его примирением с убийцами, которых следовало казнить. В нарушение обычая они не приветствовали нового командира дружными хлопками в ладоши, когда Антоний появился на помосте перед казармами. Консул подлил масла в огонь: потеряв терпение, он заявил, что легионерам повезло, ведь они идут в Италию, а могли бы годами оставаться вдалеке от дома, сражаясь с парфянами. Он также приказал назвать и задержать агентов Октавиана; в любом случае, заявил консул, он и сам разыщет виновных.

Однако самой основной ошибкой Антония было предложить им в качестве будущего вознаграждения за военные действия против Децима всего-то по четыреста сестерциев. Сурово молчавшие солдаты разразились презрительным смехом. Эта сумма — лишь одна пятая того, что они получают сразу, звонкой монетой, если перейдут на сторону Октавиана. О последующих выплатах Антоний даже не заговаривал. Смех перешел в улюлюканье, консул разъярился, начались беспорядки. Антоний бушевал на помосте, крича: «Я вас научу повиноваться приказам!» Он тут же продемонстрировал всю глубину своей мстительности, собрав трибунов — «полковников» — легионов, и велел им составить списки тех, кто, по их мнению, недостаточно ему пре-

дан. И вот перед консулом предстали несколько сотен воинов, в том числе и центурионов, и он назначил, какую часть из них казнить по жребию.

Казнь этих несчастных солдат, проведенная публично и в присутствии Антония и его супруги Фульвии, вызвала у их товарищей скорее ненависть, чем страх. Все понимали: новый полководец хотя и действовал строго в рамках военных законов, все же перешел традиционные границы своих полномочий, тем более что на тот момент было неизвестно — находятся ли войска в боевых условиях или их просто переводят из одного расположения в другое. Сенат не объявлял Дециму войны; о мятеже Октавиана Антоний еще не знал. Его метод наказания хоть и далек был от настоящей децимации, но так наказывали редко и только за серьезные преступления — например, трусость и неповиновение перед лицом врага. А жертвы Антония, нужно заметить, поплатились за дерзкий смех и неучтивость. Остальных солдат так сплотила ненависть к командиру, что, несмотря на его постоянные угрозы и обещания наградить доносчиков, ни один человек не выдал кого-либо из агентов Октавиана или тех, кто им помогал.

Когда Антоний узнал, на каких условиях Октавиан вербует в Кампанье солдат, он тут же сменил тактику. Командующий поспешно собрал легионеров и заявил: он сожалеет о том, что в интересах воинской дисциплины был вынужден казнить некоторых их товарищей. Желая показать, что он не жестокий и не жадный, Антоний добавил: дальнейших наказаний не будет, а обещанные каждому солдату четыреста сестерциев — не окончательная сумма, а лишь предварительное вознаграждение, и оно будет выплачено немедленно. Деньги легионеры взяли, но многие просто хотели протянуть время. Антоний заменил нескольких трибунов, которых подозревал в измене, а затем отправил три или четыре легиона по частям на восточное побережье к Армину, на территорию провинции Децима.

А на противоположной стороне Апеннинского полуострова жителей Рима испугала весть о приближении Октавиана с только что набранными им ветеранами.

Когда до ветеранов дошли новости о возвращении Антония с войском, они поверили, что консул опять помирился с наследником Цезаря и они вместе готовят силы, намереваясь окружить убийц и покончить с ними. Цицерон думал иначе. Октавиан не просто посвятил его в свои планы, но и попросил совета: попытаться ли ему перехватить Антония с помощью собственного войска или пойти в Рим и просить помощи у сената и народа?

Изменническое письмо Октавиана доставили Цицерону в Путеолы вечером 1 ноября; оно отвлекло его от философского труда, который сенатор писал, долго находясь вдали от средоточия власти. Днем или двумя позже сенатор писал Аттику, что молодой человек затевает великие дела.

«Он явно подразумевает войну с Антонием и себя видит вождем (*dux*), и, я думаю, через несколько дней мы возьмемся за оружие. Но за кем нам идти? Посмотри на его имя, на его возраст! Он желает вначале тайно со мной переговорить, в Капуе или поблизости. Какое ребячество — считать, что это можно сделать тайно! Я написал ему, что это и не нужно, и невозможно».

Вслед за письмом Октавиан прислал своего агента волатернца Цецину — чтобы тот ввел сенатора в курс дела и задал ему вопросы. Ситуация день ото дня становилась напряженнее: Антоний вышел из Брундизия и приближался к столице с самым старым и самым грозным Пятым легионом Цезаря под названием «Жаворонки». Кратчайший путь лежал на запад, к Капуе, где Аппиева дорога поворачивает на север, к Риму. Цицерону, если он останется в Путеолах, предстояло оказаться в неприятной близости к маршруту консула. Ехать в Рим он все еще боялся и подумывал укрыться в тихой, по его мнению, гавани — городке Арпине.

«Он (Октавиан) спрашивал моего совета — отправиться ли ему в Рим с тремя тысячами ветеранов, или удерживать Капую и преградить путь Антонию, или же двинуться навстречу трем македонским легионам, что идут с восточного побережья и будут, как он надеется, на его стороне... Я посоветовал ему идти в Рим; мне кажется, там его поддержит городской сброд (*plebecula urbana*), а также — если он внушит доверие — и честные мужи».

Закончил Цицерон на горестной ноте: отчего же инициативу перехватил девятнадцатилетний юнец с сомнительной репутацией, а не опытный республиканец, человек безупречного происхождения? «О Брут, где же ты? Какую прекрасную возможность ты упускаешь!»

Совет Цицерона отправиться в Рим, казалось, напрашивался сам, хотя любые попытки войска Октавиана — не регулярных частей, а разрозненных групп — отважиться на столкновение с войсками консула окончились бы катастрофой. Чтобы успешно повести за собой войско, молодому человеку требовались время, помощь профессионалов и *auctoritas*, даваемый открытой поддержкой старших сенаторов. Цицерон был пока не готов взять на себя такую роль, но, несмотря на все его опасения, он явно не остался равнодушен к способностям Октавиана. Вероятно, Цецина доложил Октавиану, что Цицерона можно уговорить, если постараться, так как Октавиан прислал ему 4 ноября одно за другим еще два письма. Цицерон жаловался Аттику:

«Теперь он хочет, чтобы я немедленно прибыл в Рим, потому что он намерен действовать через сенат. Я сказал, то это возможно не раньше 1 января... Он упрасивает, я отговариваюсь. Я не доверяю его возрасту, не могу проникнуть в его мысли. Не хочу ничего делать без твоего друга Пансы. Я опасюсь мощи Антония, мне не хочется уезжать от моря, но боюсь, что без меня случится что-то важное... У него сильное войско (*firmas copias*), и он может объединиться с Децимом Брутом».

В начале этого короткого письма тон ворчливый; ближе к концу — гораздо бодрее. Цицерон начал поддаваться.

То же самое сенатор писал и на следующий день — несколько слов в самом конце длинного письма, посвященного другим делам. Погода гадкая, жаловался Цицерон, и в довершение всего Октавиан каждый день шлет письма и уговаривает «еще раз спасти республику». Октавиан весьма удачно ввернул намек на то, что в год, когда он, Октавиан, родился, сенатор помог сокрушить мятежного Катилину; за это Цицерон удостоил его искренней, но едва ли уместной похвалы.

«Он действовал решительно и придет в Рим с множеством солдат, хотя он совсем еще мальчик. Он думает, что сенат соберется немедленно. Кто же придет? И кто — если придет — решится противоречить Антонию в столь неопределенном положении?.. В городах к мальчику удивительно расположены. Когда он проходил через Калы и переночевал в Теане, по пути в Самний, встречал удивительный прием и поддержку. Кто бы подумал? Вот поэтому я еду в Рим скорее, чем намеревался».

Однако Цицерон вернулся в Рим недостаточно скоро — для Октавиана, который 10 ноября с трехтысячным отрядом сидел под стенами города и тщетно ждал, что к нему выйдет кто-нибудь из действующих магистратов и пригласит на созванное в соответствии с законом народное собрание. Наконец один из трибунов, Тиберий Каннуций, взял эту важную задачу на себя; иначе своим въездом в город Октавиан не достиг бы результата — заручиться поддержкой большинства жителей, без которой сенат, как предсказал Цицерон, не стал бы ради него собираться.

Солдаты Октавиана, словно по иронии судьбы, ждали у храма Марса; проволочка затянулась. Каннуций разглагольствовал на Форуме, созывая народное собрание, и доказывал, что Октавиан не принесет вреда горожанам, он лишь желает спасти их от тирании Антония.

Каннуций никоим образом не являлся сторонником Октавиана; патроном этого твердого оптимата был проконсул Публий Сервилий Изаурик, еще один прославленный зять вездесущей Сервилиии. Трибун уже вступил в противостояние с Антонием, он прямо возражал ему на заседании сената в прошлом месяце. Каннуций явно надеялся на то же самое, что и Цицерон, — использовать Октавиана и его десятитысячное войско как часть временной коалиции против притязателей на престол вроде Антония. Однако, взойдя на ростру — а его солдаты потихоньку запаслись на всякий случай кинжалами, — Октавиан немедленно дал понять, что главная его цель — продолжить политику приемного отца и защитить его память. Для пушей убедительности он актерским жестом простер руку к недавно воздвигнутой статуе Юлия Цезаря. У солдат речь имела большой успех. Зато позорным провалом закончилось следующее заявление Октавиана — что в этот переломный миг он и его воины готовы защитить Рим от консула, который ведет из Брундизия войско и хочет отобрать у римлян их исконные свободы.

Что бы ни думали о его неоднозначном заявлении горожане, на солдат оно произвело неожиданный эффект. У многих вдруг оказалось множество важнейших причин как можно скорее вернуться домой. Оказалось, ни Октавиан, ни его агенты не потрудились сообщить солдатам, что их нанимали прежде всего сражаться с Антонием и только потом уже — поквитаться с убийцами Цезаря. Ветераны предполагали, что их молодой предводитель намерен вступить в союз с консулом и преследовать одну с ним цель.

подавив разочарование, Октавиан попытался исправить ситуацию. Он был не в том положении, чтобы, подобно Антонию, требовать от солдат послушания под угрозой смерти. И Октавиан заявил следующее: он рассчитывает на них не как на солдат, которые подчиняются по долгу службы,

но как на друзей своего отца, и, стало быть, кому срочно нужно домой, могут отправляться.

Октавиан потерпел полное поражение. Две тысячи человек ушли, пообещав вернуться, как только смогут.

Удивительно, что многие из них и в самом деле потом пришли к Октавиану в Арреций, где у него был временный штаб, но попытка в Риме потерпела позорный провал. Октавиан не только не смог поднять против Антония лучших в Риме людей и получить благодарную поддержку сената, ему еще и пришлось уйти из города с отрядом, едва насчитывавшим тысячу солдат. По счастью, эта тысяча оказалась не просто фиговым листом, которым Октавиан смог прикрыть свой позор. В соединении с большей частью его побавившегося войска отряд выглядел вполне внушительно, и по дороге на север через Этрурию он набрал еще ветеранов и просто добровольцев.

Октавиан понял, что следовало обойти стороной и Рим, и трусливый сенат, и переменчивую римскую толпу. Превыше всего в столице ценят не закон, а силу. Этого урока Октавиан никогда не забудет. Положение у него было рискованное. Он сделал важный шаг преждевременно, не набрав достаточных сил для решения основной задачи. Эти войска пригодились бы как козырь на тот случай, если Антоний согласится на урегулирование путем переговоров. Однако солдаты Октавиана в настоящий момент не имели желания сражаться против бывших товарищей, с которыми вместе служили в победоносных легионах Цезаря. Тем более что Италии грозило вторжение общего большого врага в лице Брута и Кассия.

Получив урок, встревоженный, но не отчаявшийся Октавиан решил, что лучший для него вариант — не вставать на пути Антония, пока не истечет срок его консульства, чего ждать оставалось уже недолго. В следующем году, рассчитывал Октавиан, Гирций и Панса смогут узаконить его по-

ложение. Как консулы они будут вправе ввести его незаконно набранные формирования и его самого в состав римского войска. Цицерон с помощью своего влияния и красноречия облегчит ему путь — если Октавиану удастся найти новые аргументы, что это нужно во имя республики. Если же все сложится наихудшим образом, Октавиан временно объединит силы с Децимом Брутом, хитроумным заговорщиком, с которым прошлым летом ехал в одной колеснице.

Выжидая, как пойдут события, Октавиан расположился вблизи провинции Децима и утешался новыми поступлениями денег из своих тайных, но щедрых источников.

Антоний запросто вошел в Рим в конце ноября, готовый сурово обойтись со всяким, кто встанет на его пути. Конницу он оставил за стенами города, зато пеших легионеров, вооруженных до зубов, поставил круглосуточно охранять свой дом, словно находился в лагере на вражеской территории, ввел пароли, пропуска и регулярную смену караула. На 24 ноября консул созвал заседание сената — обсудить мятеж Октавиана и его попытки подкупом добиться неповиновения государственных войск. Доказательств было достаточно, и в исходе сомневаться не приходилось. Под мечами легионеров у сената не останется выбора, кроме как проголосовать за предложение объявить Октавиана врагом государства, и тогда любой гражданин сможет поднять на него руку. Наказание для такого преступника заключалось в следующем: его нагого прибивали к кресту и забивали насмерть палками.

Молодому человеку по-прежнему неслыханно везло. Решающее заседание сената перенесли, потому что один из полков Антония, отправленный им к восточному побережью, взбунтовался и перешел к Октавиану. Это был непобедимый легион Марса, названный в честь бога войны. Его солдаты и командиры свернули с Северной дороги и отправились на запад, к Риму. Антоний повел им наперехват конницу — задержать их, если они двинутся в столицу. К мя-

тежникам консул обратился, стоя у ворот Альбы — с позиции очень неудобной. Попытки убедить их вернуться к исполнению службы были встречены градом стрел с городской стены, и консулу пришлось с позором отступить. Чтобы взять их осадой, потребовалось бы много месяцев, а времени не оставалось.

Антоний вернулся в Рим, явно намереваясь заставить сенат проголосовать против Октавиана. Но как раз когда он собирался явиться на заседание, проходившее на Капитолии ночью 28 ноября при свете факелов, пришла новость, что еще один легион, Четвертый, последовал вслед за легионом Марса и объявил о переходе к Октавиану. Соотношение сил двух цезарианских вождей переменялось. Настала очередь Антония бояться крушения своих надежд. Сбравшись с духом, он пришел в сенат и перевел разговор на обсуждение таких вопросов, как лишение Брута и Кассия относительно незначительных провинций — Крита и Кирены, отданных им в качестве подачки и лежавших в стороне от надвигающихся катаклизмов. Консул позаботился также, чтобы его брат, претор Гай Антоний, был назначен наместником Македонии и чтобы ему дали задание — не дать Бруту узурпировать эту должность. О каких-либо мерах по осуждению Октавиана консул не упоминал.

На следующий день Антоний пересчитал, что осталось от его войска под Тибуром (современный Тиволи), в нескольких милях к западу от города. Пока он приводил солдат к присяге, к нему явились многие сенаторы и всадники, желая заверить в поддержке. Консул воспользовался возможностью: показав неслыханную сообразительность, он и их заставил принести клятву, что они никогда не перестанут хранить ему верность. Хуже для будущего республиканской конституции ничего и придумать было нельзя — действующий консул, командующий войском, требует от сенаторов клясться в верности ему лично, а не сенату и народу римскому.

Антонию пришлось перестраиваться прямо на ходу. Теперь он буквально повернулся к Риму спиной и повел войска на север, отправив вперед гонцов — предупредить Децима, чтобы ушел с наместничества и оставил свои легионы.

Некоторое время Октавиан снова мог считать себя в безопасности. Но настоящая война была еще впереди. Самая кровавая стадия столкновения, которое он столь опрометчиво спровоцировал, только начиналась.

VIII

Цицерон играет с огнем

Убедившись, что Антоний не вернется в Рим, пока не истечет срок консульства, Цицерон выбрался из убежища в Арпине и в середине декабря появился в столице — как раз вовремя, чтобы произнести одну за другой две самые важные в его жизни речи. Первую перед жадно внимающим сенатом, вторую — на заполненном толпой Форуме. Оратор просил целиком и полностью поддержать Октавиана и Децима против Антония, которого называл убийцей (*percussor*), причем без всякой иронии. На сенаторских скамьях сидели теперь друзья и родственники убийц Юлия Цезаря, а Цицерон торжественно требовал разделаться с Антонием как с врагом государства — как он, Цицерон, почти двадцать лет назад разделался с мятежником Катилиной.

Тучи войны продолжали сгущаться.

Децим Брут дерзко отверг требование консула покинуть пост наместника. Сражаться он отказался и заперся в укрепленном городе Мутине (современная Модена) в долине реки По. У него были несколько ненадежных легионов, множество гладиаторов и огромные запасы солонины на зиму.

Антоний, в распоряжении которого имелись четыре легиона, несколько тысяч молодых новобранцев и отборные телохранители, воздвиг на расстоянии полета стрелы от городских стен огромное кольцо собственных укреплений.

Октавиан же со своими четырьмя легионами опытных воинов и новобранцами, которых хватило бы еще на один легион, смирился с необходимостью уйти в Арреций на зимние квартиры и дожждаться марта или апреля — когда подойдут новые войска, набранные к тому времени Гирцием и Пансой, заступавшими на консульство. Все трое планировали начать массированное наступление на ведущие осаду силы Антония, с тем чтобы Децим вышел из города и разгромил его окончательно.

Между тем на другом конце двух альпийских цепей стояли бóльшая часть галльских легионов, множество вспомогательных войск и конница — нетерпеливо ожидая, кто же выйдет победителем. Сражаться никто из них не хотел. Равным образом никто из военачальников — ни Планк (колеблющийся республиканец), ни Лепид (аристократ-цезарианец) не собирались присоединиться к какой-либо из сторон, не зная, каков будет исход. Оба готовились примкнуть к победителю. На том этапе, когда Цицерон обращался к сенату, могло показаться, что Антоний допустил серьезную ошибку, откладывая наступление до тех пор, пока его войска уже не могли перейти по горным тропам из-за выпавшего снега. Если бы консул не протянул время, он мог бы обойти Децима и присоединиться к другой стороне, достаточно мощной, чтобы не сомневаться в верности испанских и галльских союзников, и таким образом, как главнокомандующий, имел бы в распоряжении не меньше семнадцати легионов. А так еще до весны его противнику в Северной Италии предстояло заполнить большое численное преимущество.

Гирцию и Пансе зима принесет куда меньше проблем. Они поведут к Мутине войска по хорошим римским доро-

гам. Имея в распоряжении всю Центральную и Южную Италию, к февралю они легко наберут достаточно новых легионов, чтобы, соединившись с войсками Октавиана и Децима, получить над скромными силами Антония тройной численный перевес. Преданный Антонию Вентидий Бальб пытался набрать солдат в Северной Италии, но Децим попал туда раньше, и, с точки зрения находившихся в столице, Бальб имел очень слабые шансы. Альпы были закрыты, Кассий и Брут быстро захватывали земли на востоке; у Антония оставался один путь: разбивать своих противников по частям, пока они не объединились.

Столичные кабинетные стратеги предпочли в конце концов поддержать Цицерона — не потому, что стали вдруг отважными патриотами, а потому, что пришли к такому же, как и он, выводу: Антоний находится в очень невыгодном положении. Октавиан скорее всего был не столь хорошо информирован. Его советники, несомненно, верно оценивали его возможности в сложившейся военной ситуации, но у них в отличие от оптиматских вождей в Риме не было прямого доступа к новостям — ни из официальных источников, ни от Брута и Кассия. Именно потому эти самые вожди постарались утаить от Октавиана, как многого добились к концу года главные заговорщики. И только когда его солдаты перехватили письма от Антония, он понял, что несколько должностных лиц, занимающихся набором войска для новых консулов, специально затягивали время в интересах Антония.

В это время молодой полководец мог не опасаться за свою жизнь — разве что ему очень сильно не повезет в первом же бою, — но перспектива единолично возглавить борьбу против Антония временно отдалилась. Зато теперь он заручился поддержкой в политических верхах: его с большим энтузиазмом поддерживал Цицерон; правда, неизвестно было, насколько далеко зайдет он в своей поддержке.

Октавиан уступил требованию Цицерона — не препятствовать назначению трибуном Публия Сервилия Каски, одного из главных заговорщиков; впрочем, сенатор едва ли ожидал, что Октавиан согласится с его дальнейшими условиями — «подружиться с тираноубийцами».

Приблизительно тогда же, на рубеже 44 и 43 годов до нашей эры, Октавиан заключил помолвку — исключительно по политическим соображениям. Невеста была одной из многочисленных внучек Сервилии, тоже, по совпадению, Сервилия. Отец ее, Публий Сервилий Изаурик, поддерживал некогда Катона, но сильно выгадал, вовремя перейдя на другую сторону и ставши в 48 году до нашей эры, в год битвы при Фарсале, консулом вместе с Юлием Цезарем. После убийства Цезаря Изаурик потихоньку перебрался в лагерь оптиматов как умеренный сторонник, который при соответствующих обстоятельствах может переменитьсь обратно. Таким образом в качестве будущего тестя он в политическом отношении устраивал Октавиана; в то же время его родственные связи с аристократами (Изаурик приходился зятем старшей Сервилии) означали, что невеста доводится родней Бруту, Кассию и Лепиду.

Юная Сервилия была, видимо, совсем ребенком, иначе Октавиану пришлось бы жениться тогда же, чтобы убедить колеблющихся оптиматов, что он отплатит за их поддержку, оказанную, когда Цицерон высказался в сенате в его пользу. В первой речи в защиту своего нового протеже, произнесенной 20 декабря, Цицерон изошрялся в гиперболических фигурах, описывая Октавиана как молодого человека неслыханных, почти божественных разума и отваги. Среди близких друзей Цицерон, однако, не скрывал: в его долгосрочных планах самому Октавиану отводится второстепенное место, а намерениям юноши отомстить за Цезаря — и вовсе никакого. Сенатор шутил — впоследствии шутка обернулась против него же, — что мальчика следует похвалить, возвысить, а потом убрать подальше.

Октавиану открывались куда лучшие перспективы — в начале декабря, сразу после отъезда Антония на север. Задержавшись, только чтобы собрать оставленных консулом слонов, молодой человек поспешил из Арреция на юг приветствовать перешедшие на его сторону легионы и выплатить им первоначальное вознаграждение. Он продемонстрировал свой возросший *auctoritas* перед сенаторами, включая тех, которые принесли недавно клятву верности Антонию, а теперь отыскивали причины ей изменить. 20 декабря на предварительном слушании сенаторы одобрили решение Децима противостоять консулу и выразили одобрение Октавиану по поводу перехода к нему легионов, а также пообещали ему в наступающем году практическую поддержку. Затем излишне самонадеянный Цицерон обратился на Форуме к толпе, чтобы рассказать о происходившем на заседании. Он объявил следующее: приняв его, Цицерона, предложение проголосовать в поддержку Октавиана, сенат тем самым признал Антония врагом государства. Если бы отважный молодой человек не собрал войско, чтобы защитить Рим, Антоний всех бы поубивал; пусть же народ готовится к борьбе за свободы, поддерживаемый вселенными Октавианом надеждами. Дескать, своим рвением, усердием и наследственными деньгами Октавиан спас государство и теперь защищает свободу римлян.

Таким образом была подготовлена площадка для активного сопротивления, которому предстояло начаться 1 января, когда вместо отсутствующих Антония и Долабеллы станут консулами умеренные цезарианцы Панса и Гирций, а главный голос в правительстве будет принадлежать Цицерону.

Однако на офицеров и солдат Октавиана эти увертки и проволочки сената не подействовали. Военных беспокоило, что их молодой предводитель не получил пока официального звания, которое (как они верно рассуждали) имело большое значение для выплаты обещанных Октавианом

особых вознаграждений. Они предложили назначить из их числа ликторов — сопровождать его с фасциями (атрибутом высших магистратов — связками прутьев с воткнутыми в них секирами) — в соответствии с новым положением Октавиана. Он передал этот вопрос на рассмотрение сената и отверг предложение солдат провести в его поддержку массовую демонстрацию, рассудив, что теперешнее проявление скромности сослужит в будущем куда лучшую службу.

Октавиан продолжал набираться опыта. Два новых легиона знали, что нужно делать. Они весьма эффектно продемонстрировали свои возможности, устроив нечто вроде мирных публичных состязаний — «бой» между равносильными противниками в полном снаряжении. Убитых, конечно, не было, но у зрителей-аристократов не осталось сомнений: под командованием молодого полководца легионеры будут сражаться яростно и успешно. Политики приняли вызов. На поистине марафонском — четырехдневном! — заседании сената, начавшемся 1 января, состоялось обсуждение мастерски сформулированного предложения Цицерона: сделать Октавиана сенатором, причем такого ранга, как если бы он прослужил год на должности претора. Это давало ему возможность, как пропретору, пользоваться властью полководца соответствующего ранга, но поскольку Октавиану и его войску предстояло сражаться против Антония в объединенном консульском войске, по должности он оставался ниже, чем любой из консулов, и в соответствии с воинской дисциплиной подчинялся их приказам.

Эта уловка давала лишь иллюзию власти, но не власть. Соглашаясь, Октавиан сильно поднимался в общественном положении над большинством людей, зато фактически переставал быть независимым полководцем; однако при сложившихся обстоятельствах, — и оптиматы это понимали, — отказаться он не мог, не потеряв репутации защитника республики от тирании. Октавиану оставалось уте-

шаться мыслью, что он станет самым молодым в истории Рима сенатором. Сенат, ни много ни мало, решил поставить на Форуме золоченую статую Октавиана и, что еще важнее, обязался выплатить двум легионам, которые перешли к нему от Антония, огромное вознаграждение, обещанное ранее Октавианом из собственных средств. Оратор еще подсластил пилюлю восхвалениями: «этот божественный юноша» («*divinus adulescens*») — Цицерон сам сделал себя заложником собственной игры, сказав сенаторам: «...мне известны его чувства... Ручаюсь своим словом, что Гай Цезарь всегда будет столь же честным гражданином, как и теперь». Что примечательно — Цицерон теперь называет Октавиана именем, взятым в честь приемного отца.

Лепид тоже получил признание за заслуги перед государством, в особенности за соглашение с Секстом Помпеем, благодаря чему мятежный полководец вернулся в лоно республики как раз вовремя, чтобы перевесить чашу весов не в пользу цезарианцев, которых он ненавидел как врагов покойного отца, расхитивших его имущество. В случае с Лепидом и Октавианом для великодушия сената и приторных речей Цицерона имелись сильные скрытые мотивы. Цицерон был не единственный из оптиматов, кто сомневался в верности бывшего начальника конницы, но ему хватило пронизательности понять: обвинение в адрес Лепида выйдет себе дороже. И Цицерон убедил сенаторов, что Лепиду, отличавшемуся неслыханным тщеславием, следует оказать редкую честь — воздвигнуть на Форуме его конную статую за счет государства.

Сенат также распорядился начать набор легионеров в консульское войско, но отказался признать Антония врагом государства, как того требовал Цицерон. Все хорошо знали нрав экс-консула и не были уверены, что с Антонием уже покончено. У него оставались среди сенаторов влиятельные сторонники, к ним не в последнюю очередь отно-

сился Фуфий Кален, тесть нового консула Пансы. Кален укрыл жену Антония Фульвию вместе с детьми у себя в доме. Когда Панса предоставил ему первое слово, Кален осмотрительно предложил отправить к Антонию посланника и попытаться решить вопрос миром. Все присутствующие отлично помнили, что произошло в прошлый раз, когда другому экс-консулу пришлось выбирать: полностью подчиниться или, перейдя Рубикон, двинуться на Рим.

Цицерон, который в письмах часто осуждал Антония за то, что тот «боится мира», теперь неистово обрушился на тех, кому понравилось предложение Калена, за то, что они «боятся войны». Правда, он не опустился до брани, отличающей его так называемую «Вторую филиппику» — поносящую Антония в столь оскорбительной форме, что автор мудро не стал произносить ее с трибуны, а распространил в рукописи среди друзей. В этой речи Цицерон обвиняет Антония в том, что в юности тот был «всем доступной шлюхой» («*vulgare scortum*») и продавал себя за определенную немалую плату, а потом в том же качестве «вступил в брак» с неким немолодым человеком. В речи, произнесенной 20 декабря, сенатор перенес свои нападки на Фульвию.

Когда в Брундизии Антоний наказывал легионы, заявил Цицерон, и по его приказу отважным воинам перерезали глотки, то кровь даже обрызгала уста его супруги, самой жестокой и алчной женщины.

Вряд ли в этих заявлениях была хоть крупинка правды.

Сам Цицерон понимал, что нужны аргументы более правдоподобные, однако и дальше не удержался от колкостей в адрес Антония по поводу его предполагаемого распутства и несомненной склонности к пьянству. По мнению сенатора, отправить к его врагу посланника означало бы затянуть ход войны в пользу Антония — он может успеть измором взять Децима в Мутине, прежде чем осаждающих разобьют или прогонят.

Цицерону стал возражать Луций Пизон, тесть Цезаря, у которого было куда больше, чем у Цицерона, моральных прав бороться против игр Антония с законом. Именно Пизон летом прямо в лицо критиковал Антония, в то время как Цицерон готовился бежать за границу.

Пизон, к замешательству Цицерона, заявил: допуская такое противоречие, сенат роняет законы в глазах народа: ведь получается, что сенат принимает сторону Октавиана, незаконно набравшего войско, и осуждает назначенного в законодательном порядке проконсула Галлии, действующего в соответствии с решением народа, — ведь Антоний всего лишь хочет забрать свою провинцию у бывшего правителя, срок наместничества которого уже истек. В довершение всего, сказал Пизон, Цицерон теперь пытается объявить прославленного экс-консула врагом государства, лишив его даже права на судебное разбирательство. В ответ на аргумент, что Антоний набрал нужные ему голоса путем запугивания, Пизон предложил: пусть Октавиан передаст сенату два легиона, отделившиеся от войска Антония; а если еще и приказать Дециму вернуться в Рим с его легионами, которые сейчас в окружении, у сената будет достаточно большая армия, и он сможет принимать любые решения, никого не боясь и ни перед кем не заискивая.

Необычные предложения Пизона были совершенно неосуществимы. Однако на сенаторов подействовал его основной довод: нельзя ставить Антония в такое положение, когда он будет вынужден, сам того не желая, вести военные действия против сената ради политического — и физического — выживания. Именно этот аргумент и помог сломить жесткую линию Цицерона. А еще — слезы матери Антония и его жены (оклеветанной Цицероном Фульвии). 3 января, в ночь перед окончательным голосованием, назначенным на четвертое число, они всю ночь бегали по домам сенаторов, умоляя их за Антония. Результатом было

компромиссное решение. Сенат посылал троих представителей — в том числе Пизона и Филиппа, отчима Октавиана, — к Антонию, чтобы заставить его выполнить решение сената: снять осаду с Мутины и вывести войска из оспариваемой провинции. Решение звучало достаточно жестко, но, как понимал Цицерон, настоящей задачей посланцев было дать Антонию последнюю возможность отказаться от противостояния, не нанося особого ущерба престижу обеих сторон.

Эти действия, разумеется, оттягивали признание Антония врагом государства. Сообщая народу на Форуме о решении сената, Цицерон уверил всех, что посольство потерпит неудачу. И он оказался прав — но не из-за упрямства Антония. Бывший консул уже продемонстрировал государственное мышление, когда, желая предотвратить гражданскую войну, предложил отказаться от своих законных притязаний на пост правителя Северной Италии. Когда в начале февраля Пизон и Филипп вернулись в Рим — третий посланник умер, не перенеся трудного пути, — они считали, что нашли приемлемые условия для соглашения. Цицерон был непреклонен. Взяв на себя оппозиционную роль, подобно Катону по отношению к Юлию Цезарю, он воспользовался своим даром обличения и не оставил никаких шансов на мирный исход. Бесхребетный сенат вынес постановление: консулам и Октавиану можно принимать для защиты республики любые меры.

Цицерон решил, что кончилась полоса его политических неудач (относительных) — впервые с тех пор, как двадцать лет назад, в год рождения Октавиана, он покончил с мятежом Катилины.

Теперь Римом правили не консулы, медлительные Гирций и Панса, а Цицерон — признанный вождь твердых, негибких оптиматов. В сенате, где теперь почти не осталось опытных политиков — следствие страшных расправ с аристократами во время предыдущей гражданской вой-

ны, — Цицерон больше чем на голову возвышался над остальными — по уму, энергии, убежденности, красноречию и опыту закулисных политических интриг.

Свое соглашение с Октавианом сенатор воспринимал как решающий удар по антиреспубликанским устремлениям череды известных полководцев, чьи подвиги до сих пор мешали полному признанию его собственных заслуг, признанию, которого он так жаждал. На самом же деле этот странный союз в конечном итоге приведет к абсолютно противоположным результатам. Он незаслуженно вознес юношу на такую высоту, что Октавиан мог теперь уничтожить республику, а не спасать.

Судя по условиям Антония, хотя и изложенным не в духе примирения, он старался избежать полномасштабной гражданской войны. Не могли же его противники-оптиматы ожидать, что он просто придет в Рим из Мутины, не имея твердых гарантий безопасности и для него самого, и для его легионеров. Сенат неизменно старался воспользоваться малейшей слабостью как врагов, так и друзей. Заявление Антония посланникам сената — что он намерен казнить Децима, единственного из убийц, в качестве искупления позора, легшего на Рим из-за убийства Цезаря, — было в какой-то степени сделано напоказ. Кроме того, экс-консул хотел напомнить: безжалостное преследование всех заговорщиков — а именно такую цель ставил Октавиан — выльется в гражданскую войну. Другим убийцам Антоний фактически протянул ветвь мира, в особенности Бруту и Кассию. Он сказал им, что, пока занимает свой пятилетний пост в Галлии, они могут вернуться в Рим и баллотироваться на консульство — после того как откажутся от провинций, которые, однако, получают обратно по истечении их консульского года.

То был хорошо продуманный пакет мирных предложений, в котором каждый мог что-то найти для себя — кроме злосчастного Децима. Древнему миру было отлично зна-

комо понятие козла отпущения, в соответствии с которым одного человека можно принести в жертву ради блага государства. Большое место здесь занимали религиозные чувства. Осквернение нравственности, вследствие предательского убийства, как в случае Цезаря, бывшего не просто главой государства, но еще и верховным жрецом, в тогдашнем понятии искупалось исключительно соответствующим ритуалом, когда богам предлагалась жертва от имени всего народа. Пусть заговорщики утверждали, что убили Цезаря ради высшего блага, их представления о том, что есть благо для государства, явно не разделяли большая часть солдат и горожан низших классов. Они считали Цезаря героем, почти богом. И не могло быть для них настоящего мира, пока его дух не успокоится или даже не будет отмщен.

Принятие мирных предложений означало бы для Рима прекрасную возможность восстановить республику как живущий по принятым законам организм, подчиняющийся традиционным нормам поведения, согласно которым яростная конкуренция между аристократами естественна и желательна. Правда, позиция Антония в Галлии была двусмысленной и несла в себе угрозу, но он всегда старался действовать по букве закона, хотя и нарушал иногда его дух. Это могло привести к проблемам в будущем, а могло и не привести. А пока, если бы солдаты получили то, что им причиталось, и вернулись к нормальной службе или вышли в отставку, страна обрела бы не меньше пяти лет благословенного мира, а не продолжение гражданской войны.

Почему же Цицерон столь решительно захлопнул последнюю лазейку для мирного решения? Видимо, он просто плохо просчитал ход событий, мало учел человеческие ошибки и фактор случайности и еще — не обратил внимания на предостережения людей, которых считал в умственном отношении ниже себя. Презрение Цицерона к мирным инициативам было настолько велико, что он написал Кассию:

«Нет ничего отвратительней или бесчестней, чем Пизон и Филипп... они привезли нам невыполнимые требования».

Трудно высказаться глупее, чем высказался Цицерон в письме Кассию в середине февраля:

«Если я не ошибаюсь, то исход войны зависит от Децима Брута. Если он, как мы надеемся, вырвется из Мутины, вряд ли война продолжится».

Цицерон сделал все от него зависящее для развязывания гражданской войны, а теперь писал самому сильному из своих возможных союзников, что тому незачем спешить в Рим, поскольку военный почин Антония скорее всего обернется для последнего разочарованием. Подобное высказывание из уст человека, полагающего, что у него самая умная голова и самый острый в Риме язык, поражает наивностью и неосторожностью. Неужели он не мог представить, как начнут развиваться события, когда две или три недели спустя в Сирии Кассий прочтет его письмо и обнаружит, что его помощь в дальнейшем не потребуется, да и теперь, похоже, не нужна. Неизвестно, о чем думал Цицерон, когда писал это письмо, но Кассий, получив его, поступил так, как поступил бы в таких обстоятельствах любой уважающий себя римский аристократ. Он решил использовать новоприобретенную незаконную власть, чтобы с помощью запугивания заставить богатые восточные города передавать ему деньги — для выплаты войскам и личного обогащения.

Цицерон не мог сказать, что не знает о происходящем на востоке. В январе слухи об успехах Брута и Кассия вытеснили из светских салонов животрепещущую тему мутинской осады. В равновесии военных сил произошел решающий сдвиг, который и заставил сенаторов на заседании в начале февраля поддержать политику Цицерона в противовес более осмотрительному решению, принятому в начале января, — отправить к Антонию представителей сена-

та. Слухи полностью подтвердились на второй неделе февраля, когда Брут прислал в Рим донесение, в котором нагло и невозмутимо рассказывал о своих успехах — как если бы он все это время действовал в рамках проконсульской власти.

Выяснилось, что Гортензий, ушедший в отставку наместник Македонии, большой поклонник Брута. Антоний с помощью народного собрания назначил в Македонию своего брата Гая; но когда Гай в начале января высадился в Диррахии, его встретила не приветственная делегация, а враждебно настроенные легионы под командованием Брута, которому Гортензий полностью передал полномочия. Оказавшись перед безнадежно превосходящими силами противника — едва ли Антоний дал ему много людей, — Гай устремился в гарнизонный поселок Аполлонию, откуда девять месяцев назад вышел Октавиан. Затем, увидев, что сопротивление бесполезно, злосчастный Гай сдался Бруту, который к тому времени уже контролировал Иллирик и успел прибавить себе еще три легиона.

Кассий достиг еще более потрясающих успехов, хотя официально их пока не подтвердили. Прибыв с небольшим флотом в Сирию, он узнал, что шесть легионов осаждают город Апамею, защищаемую одним легионом под командованием Цецилия Басса.

Кассий проявил неподражаемое нахальство: собрал командиров враждебных сторон и ухитрился убедить и осаждаемых, и осажденных прекратить противостояние и под его началом послужить республике. Потом он узнал, что Клеопатра отправила из Египта четыре легиона — помочь Долабелле отстаивать законные права на должность наместника Сирии. Кассий повел войско в Палестину им наперехват.

Встретившись с многочисленным противником вдалеке от места обычной дислокации и не лучше других зная о последних событиях в Италии, эти четыре легиона решили не драться с семью сирийскими, а присоединиться к ним.

Таким образом, не дав ни единого сражения, Кассий получил войско, состоявшее из одиннадцати легионов. То есть в два с лишним раза больше, чем любая из армий его противников — Антония или Октавиана.

Не столь большие, но очень важные для Октавиана перемены в расстановке сил произошли и в Северной Италии. Гирций в качестве консула приказал Октавиану передать ему командование над двумя отделившимися от войска Антония легионами — легионом Марса и Пятым. Молодому полководцу было, наверное, очень горько смотреть, как они покидают его лагерь. Оставалось одно — подчиниться приказу; но он наверняка успел договориться о взаимной поддержке с легионерами, которых такой оборот событий не мог не встревожить; ведь они совсем недавно перешли к Октавиану, рискуя жизнью, службой и приличным вознаграждением.

Меж тем легионы Децима сильно страдали в Мутине от нехватки продовольствия. Октавиан и Гирций двинулись к ним, чтобы помочь осажденным. Они отобрали у Антония Бононию (современная Болонья), но не смогли форсировать реку, отделяющую их от осажденного города. Антоний так плотно обложил Мутину, что потенциальные освободители не могли сообщить осажденным о своем приближении. Гирций и Октавиан пытались просигналить Дециму с вершины дерева, но ничего не получилось, и тогда они нашли более остроумный способ. На тончайшей свинцовой пластине нацарапали письмо и свернули в трубочку. Нашли хорошего пловца, и он ночью переплыл реку под водой; если бы его перехватили враги, гонец просто бы отправил ношу на дно. Неизвестно, какое участие принимал в этом Октавиан, но он, несомненно, продолжал набираться опыта.

Тем временем в Риме сенат, получив донесение Брута, почуял близкую победу и на радостях подтвердил его пол-

номочия командующего войсками в Македонии, Иллирике и Греции. Наметился и некоторый сдвиг в сторону примирения — благодаря предложению послать к Антонию большее посольство с участием Цицерона, но замысел потерпел неудачу, потому что Цицерон вдруг передумал и ехать отказался.

Вскоре после этого пришло известие, ужаснувшее почти всех сенаторов: Долабелла по дороге в Сирию пытал и казнил Требония, наместника Азии. Требоний, тот самый, который в мартовские иды задержал Антония разговором у дверей, был верным союзником Брута и Кассия, но согласился сотрудничать с Долабеллой в вопросах снабжения его войска, когда оно проходило через Азию. Речь ведь шла о голодных римских солдатах. Долабелла оплатил за услугу: ночью обманом схватил Требония, высек, распял и так продержал, пока у несчастного не сломалась шея; в конце концов Долабелла отрубил ему голову, и солдаты гоняли ее по улицам.

Сенат объявил Долабеллу врагом, и теперь его мог убить любой римлянин. Неодобрение навлек на себя и Антоний, который переслал через реку письмо для Октавиана и Гирция с выражениями радости по поводу смерти Требония; в письме он заявлял, что имеет от Лепида и Планка — и от Долабеллы — твердое обещание заключить с ним союз. Как понял это письмо Октавиан, можно только догадываться, но благодаря ему он, видимо, задумался о собственном затруднительном положении. Если правда, что Лепид и Планк полностью готовы поддержать Антония, то ему, Октавиану, следует быть поосторожнее, чтобы не оказаться в роли вождя цезарианцев, шагающего не в ногу с прочими — в особенности теперь, когда он потерял десять тысяч лучших легионеров и остался с людьми, уже показавшими нежелание сражаться против Антония.

Несмотря на трудности сообщения, Октавиан в течение зимы от случая к случаю тайно обменивался письмами с

другими полководцами. Ему очень хотелось показать им свою дружбу, а им, в свою очередь, хотелось, чтобы он поддержал действия, которые они захотят — или будут вынуждены — предпринять, когда окончится осада. Гирций переслал копию письма Антония Цицерону, и тот зачитал его в сенате, пересыпая по-деловому короткие фразы Антония собственными цветистыми комментариями. То было не лучшее его выступление; слишком уж много высказываний Антония касалось поджигательской политики сенатора, и Цицерону не удалось их достойно парировать, несмотря на резкий сарказм и риторические изыски.

20 марта Рим получил подтверждение слов Антония о том, что его поддержат галльские и испанские легионы. Лепид и Планк прислали официальные письма, в которых требовали разрешить мутинское противостояние мирным путем — пока не поздно. Сенат не желал об этом слушать. Недавние успехи Кассия, а также Брута дали оптиматам преимущество.

Цицерон настроил Лепиду ядовитое письмо, в котором советовал не вмешиваться. Панса как раз вышел из Рима с четырьмя вновь набранными легионами, чтобы присоединиться к Гирцию и Октавиану; через несколько недель консульское войско, насчитывающее более шестидесяти тысяч солдат, да еще пятнадцать тысяч осажденных солдат Децима вступят в решающую схватку с двадцатипятитысячным войском Антония.

Мало кто сомневался в исходе. К середине апреля, когда Пансе оставалось пройти по Эмилиевой дороге последние мили, Цицерон написал все еще находившемуся в Македонии Бруту и посоветовал провести карательную экспедицию в Азию — если Долабелла еще там. Сначала Кассия, потом Лепида, а теперь Брута отговаривали от участия в локальной войне, начатой по настоянию Цицерона сенатом против законно назначенного проконсула. Быть может,

в течение двух месяцев, когда Цицерон отправлял эти письма — с середины февраля до середины апреля, — он просто размышлял вслух и не имел никаких скрытых мотивов? Каждое из них было написано в ответ на определенные изменения в политической ситуации, но все вместе они заключают одну главную мысль, пусть даже выраженную осторожно и неявно: «Держись подальше!»

Весьма вероятно — если не сказать больше, — что Цицерон намеренно старался удержать их подальше от событий как возможных соперников, которые после победы потребуют свою долю вожденной славы. Это вполне согласуется с тягой, питаемой им к общественному признанию. Однако на кону стояло куда больше, чем слава. Все три его корреспондента были профессиональными политиками и отлично понимали, с каким препятствием столкнулся Антоний, когда попытался избежать крайностей и не допустить войны. Вмешательство Октавиана вынудило его избрать по отношению к убийцам более жесткую позицию, чем он намеревался. А союз Октавиана и Цицерона, хотя и преследовал благие цели, практически означал заговор против законно избранного консула, а значит, предательство по отношению к республике.

Голова Цицерона стала слишком возвышаться; следовало позаботиться, чтобы она не слетела с плеч. Сильно рискуя, сенатор не сомневался, что заслуживает соответствующего вознаграждения. А стоит только Лепиду использовать свои легионы для сохранения мира или Бруту и Кассию вернуться с превосходящими силами в Италию — исход достигшего высшей точки мутинского конфликта уже не будет зависеть от Цицерона.

Некогда Цицерона отправили в унижительное изгнание за то, что он без суда казнил своих политических врагов, хотя и был тогда консулом. Не будучи теперь должностным лицом, Цицерон от всей души желал гибели троим тако-

вым: Антонию и его братьям Луцию и Гаю — а заодно всем, кто поддерживал их силой оружия.

Если зятья Сервилии объединятся и ради избежания гражданской войны пойдут Антонию навстречу, как поступил некогда сам Антоний, то последний, смертельный враг Цицерона, останется в живых, и сенатору придется вечно опасаться за собственную жизнь. А вот если Брут, Лепид и Кассий будут держаться в стороне, то после окончательной победы Цицерон, пользуясь влиянием в сенате, погубит новых политических соперников без всякого суда. Он даже мог бы надеяться, что волна всеобщей безграничной благодарности вознесет его, двукратного «спасителя отечества», на вершину политической карьеры, даровав ему второе консульство.

Сенат, во многом разделявший убежденность Цицерона, послал указания наместникам и полководцам восточной части страны до дальнейшего распоряжения подчиняться приказам Брута (а затем и Кассия).

Сенаторы рассудили, что если Октавиан и консулы почему-либо не смогут одолеть Антония, Брут и Кассий приведут хотя бы часть своего стотысячного — по самым скромным оценкам — войска для нанесения решающего *coup de grace*. Брут и в самом деле писал Кассию, предлагая вместе вернуться в Италию, но Кассий в ответ пригласил его на восток. «Тощий и бледный» убийца уже начал выжимать с помощью контрибуций деньги у городов и островов и убедил Брута, никогда не бывшего настоящим полководцем, предоставить сенат самому себе.

Напрасно Цицерон месяц или два спустя стал забрасывать их все более отчаянными и жалобными призывами о помощи. Кассий и Брут словно оглохли. Разве не сам он дал им знать в письменной форме, что их вмешательство не так уж и нужно? Полководцы хорошо знали, каково соотношение втянутых в борьбу сил. Не глупо ли будет с их сто-

роны, только потому, что Цицерон струхнул, вторгнуться с востока в страну и поставить ее с ног на голову? В любом случае они не могли допустить, чтобы у них в тылу околачивался Долабелла. К тому же следовало позаботиться и о своих семьях: там, на востоке, оставалось еще много сокровищ.

А Рим — подождет.

IX

Рим меняет хозяина

Если верить первому биографу Октавиана Светонию, первый военный опыт молодого полководца оказался неудачным. Он участвовал в двух сражениях, с недельным перерывом. Первое произошло 14 апреля у селения Торжище Галлов на Эмилиевой дороге: колонна Пансы попала в устроенную Антонием засаду, и Гирций поспешил ему на помощь. Второе — когда Октавиан и Гирций начали наступление на Антония под Мутиной. Светоний приводит слова Антония о том, как Октавиан бежал и появился только на следующий день, без коня и без плаща. Однако автор справедливо прославленной книги «Жизнь двенадцати цезарей» добавляет: «Все известно, что во втором столкновении он был не только полководцем, но и солдатом, и в гуще битвы, когда серьезно ранили знаменосца, он сам некоторое время носил орла».

Проблема современных историков в том, что существует несколько разных описаний этих двух сражений, и невозможно скомпилировать связное повествование, ничего не домысливая, особенно относительно роли и поведения Октавиана. Вправду ли он убежал? Или, как склонны полагать многие историки, стал жертвой злобной клеветы?

Нельзя полагаться на бездоказательные слова Антония; и неосмотрительно принимать за чистую монету заявление, сделанное в сенате Цицероном вскоре после битвы — что юноша в первый же день отважно и умело защищал главный лагерь, имея в распоряжении лишь несколько когорт. В интересах Антония было выставить Октавиана трусом; в интересах Цицерона было провозгласить его героем. Вероятно, ближе прочих находится к голой правде историк Кассий Дион, живший два с половиной века спустя после описываемых событий и опиравшийся на утерянные ныне источники. Он пишет, что войска объявили Октавиана императором, хотя в первый день тот вообще не участвовал в сражении.

К счастью, в огромной сокровищнице, архиве переписки Цицерона, сохранился рассказ очевидца, написанный неким старшим офицером на следующий день после первого сражения. Причин сомневаться в подлинности нет; недостаток документа в том, что автор, Сервий Сульпиций Гальба, один из убийц Цезаря, не упоминает ничего о роли Октавиана. По приказу Гирция Гальба проскакал сотню миль, чтобы встретить Пансу с его колонной, сообщить ему о положении дел под Мутиной и проводить к месту соединения войск. Вечером 13 апреля, когда войско Пансы проходило через опасное ущелье в Апеннинах, на последнем этапе пути их встречали легион Марса и две преторианские когорты (одной из них и командовал Октавиан) — по всей видимости, чтобы не дать Антонию перехватить и уничтожить четыре легиона неопытных новобранцев.

Легион Марса, в котором Антоний провел частичную децимацию, рвался отомстить солдатам Антония, которых считал предателями за то, что те остались верны своему полководцу. В результате, когда рассвело и впереди по обеим сторонам узкой дороги заблестели в тростниках доспехи и копья, легион Марса, не дожидаясь команды, бросился на врага, хотя то была явная ловушка. Панса, не в силах их

остановить, приказал двум другим легионам догнать их и поддержать. Однако конница Антония подроспела раньше и окружила легионеров Марса.

Гальба, бывший командир легиона Марса, поскакал вперед, к ним навстречу, но вместе со многими другими вынужден был отступить к временному лагерю, который предположительно охраняли новобранцы из резерва. Солдаты Антония пытались лагерь взять, но не смогли, хотя и потеряли много человек. Речь идет не о том лагере, который, по словам Цицерона, защищал Октавиан; тот находился в нескольких милях и совсем в другом направлении. Именно оттуда шел Гирций с двумя опытными легионами. Эти свежие войска обрушились на людей Антония, преждевременно праздновавших победу, и многих убили; остальные дрогнули, отступили и спрятались среди болот. Некоторым удалось бежать, держась за лошадиные хвосты. Если Октавиану и вправду пришлось защищать главный лагерь, то лишь от небольшого отряда, который Антоний мог послать в качестве отвлекающего маневра, когда готовил засаду.

В сражении при Торжише Галлов обе стороны понесли большие потери. Если бы так пошло и дальше, то есть велись бы бои на выживание, Антонию первому не хватило бы солдат. И потому он стянул все силы к осадному кольцу вокруг Мутины, зная, что людям Децима скоро предстоит выбирать: сдаться или погибнуть от голода. В стане его врагов Гирций уже объявил о победе, поскольку противник оставил поле боя; однако Пансу привезли в Бононию раненого копьем, и рана оказалась смертельной. Октавиан теперь был вторым после главнокомандующего.

В первых достигших Рима известиях об этом бестолковом сражении говорилось о победе Антония. Антоний, видимо, отправил гонца до прибытия Гирция, и гонец скакал с такой скоростью, что посланцы, везшие правдивые вести, не смогли его опередить.

В столице началась паника. Люди бежали из города. Ходили разговоры, что оборону возглавит Цицерон — возможно, в качестве диктатора. Цицерону недолго пришлось опровергать слухи: 20 апреля прибыли другие гонцы с совершенно иными вестями: Антоний получил сильнейший удар и уже, наверное, не оправится. Горожане, которым теперь не грозило вторжение ни с северо-запада, ни с востока, решили, что обязаны этим Цицерону. К его дому явилась огромная толпа; сопровождаемый бурными аплодисментами, он отправился на Капитолий, где римляне чествовали его как своего спасителя.

«Я не тщеславен, — писал Цицерон Бруту на следующий день с напыщенностью и самовлюбленностью поистине умиляющими. — Мне и незачем, я тронут тем, сколь единодушно все сословия Рима приветствуют меня».

В тот же день, 21 апреля, Гирций и Октавиан (Цицерон об этом не знал) выжали войска Антония из укреплений, разбили их в рукопашном бою под стенами Мутины и пытались взять их главный лагерь. Гирция убили прямо перед шатром Антония, и Октавиан сделал вылазку, чтобы вынести его тело. Неизвестно, какая из сторон понесла бóльшие потери, но из войска Антония дезертировали остатки двух легионов.

Экс-консул созвал оставшихся командиров на военный совет. Большинство высказались за продолжение осады, в убеждении, что Мутина вот-вот сдастся, но Антоний, видя полное численное превосходство противника, решил отойти, пока его войско полностью не разбили. Пусть даже ему удастся убежать самому; Лепид не станет помогать простому беглецу.

Бедствия выявили лучшие стороны Антония. Он отправился в Галлию с теми из своих людей, кто мог идти. Спеша уйти от погони, Антоний повел их на запад, в пустынные горы, которые им пришлось перевалить, чтобы выб-

раться на пути, ведущие к средиземноморскому побережью. Не требуя никаких особых привилегий, Антоний ел и спал, как простой солдат: ел неведомые корешки, что они находили в расщелинах, пил болотную воду.

Что же касается потрепанного, но победившего консульского войска, то главнокомандующим временно оказался Октавиан. Один консул погиб, другой умирал. Цицерон проявил большую мудрость, убеждая сенат присвоить его протезе пропреторское звание. Получалось, что Октавиан, несмотря на молодость и прискорбно малый на тот момент опыт полководца, стал выше любого командира в лагере, способного держать оружие. Поскольку лежавший на смертном одре в Бононии Панса еще был в состоянии говорить, Октавиан имел возможность принять командование постепенно: сначала на время, потом окончательно.

Благодаря мутинским событиям он получил два важных урока. Первый: чтобы добиться расположения солдат, во все не обязательно строить из себя героя — это всегда успеется. Главное — уцелеть и быть на той стороне, где победа. Второй урок Октавиан получил от Пансы. Умиравший консул позвал его к своему ложу и рассказал о том, чего юноша, вероятно, до конца не понимал: о причинах, лежащих за политическими решениями сената, и о том, какие они с Гирцием предпринимали маневры, чтобы верх одержали не оптиматы, а цезарианцы.

Оптиматское большинство среди аристократов, подчеркнул Панса, так сильно боится Антония и Октавиана, что пытается уничтожить их по очереди, а не сражаться с обоими одновременно, ибо таким образом подтолкнет их друг к другу. Сенаторы, которые просто в восторге от их постоянной вражды, поманили Октавиана лестными, но дешевыми почестями и заставили служить под началом у консулов, да еще намеренно ослабили его позиции, отобрав два лучших легиона.

Еще Панса добавил, что и он сам, и Гирций подчинились решениям сената не для того, чтобы по воле оптиматов покончить с Антонием, а чтобы осуществить собственные цели: заставить бывшего консула вернуться к союзу с Октавианом. Таково желание всех, кто, подобно самим консулам, считает для себя делом чести выплатить долг благодарности по отношению к Цезарю.

Предупредив молодого человека, что командиры в его новых легионах шпионят в пользу сената, Панса, уже почти на последнем издыхании, скорее всего при свидетелях, вернул Октавиану командование над двумя легионами, отнятыми у него ранее, а также над теми, которые он сам пожелает.

Нельзя считать доказанным, что подобный разговор, описанный древними историками, и в самом деле имел место по той же причине, по которой следует с осторожностью относиться к «дословной передаче» в их трудах политических выступлений — это лишь технический прием, используемый для увеличения объема повествования. Однако как раз это сообщение греческого историка Аппиана звучит по своей сути вполне правдоподобно; его можно принять как изложение мотивов и фактов, пусть даже конкретные слова выдуманы много позже описываемых событий.

Затянувшаяся агония Пансы тоже работала на Октавиана — ведь умри Панса сразу, Децим Брут от имени сената мог взять под командование все войско или его часть. Децим занимал более высокое положение — и как наместник провинции (наместничество его по настоянию Цицерона недавно подтвердил сенат), и как консул-десигнат на следующий год. Он не мог сразу броситься в погоню за Антонием: его солдаты ослабли от голода и давно не тренировались. Конницы у них не было, потому что коней пришлось съесть. Потому-то Децим поспешил в Бононию посоветоваться с Пансой, который, насколько Децим знал, был главнокомандующим. Новость о смерти консула он услышал уже в пути.

Децим надеялся, что Панса прикажет Октавиану с войском догнать Антония и помешать ему соединиться с Лепидом, но, когда он встретился с Октавианом, юноша уже принял постоянное командование над всем консульским войском и не намеревался помогать одному из убийц своего приемного отца. Отныне это было не в интересах Октавиана, особенно после того, что рассказал ему Панса. Ведь теперь именно он, а не Антоний и не Децим, командовал самой большой в Италии армией — восемь легионов — даже после того, как расстался с некоторыми частями, в чьей преданности сомневался. Тщетно Децим убеждал Октавиана, что если действовать быстро и превосходящими силами, то можно отрезать Антония от возможных союзников и лишить его надежды на получение продовольствия — и таким образом заставить сдаться без боя.

Децим больше всего опасался, что если Антоний успеет соединиться с Лепидом, то оптиматам снова придется вести гражданскую войну и теперь военные действия не сведутся к ограниченному региону на севере Италии. Он быстро понял: Октавиан, не слишком распространяясь о своих намерениях, пересмотрит план действий, а Антония придется догонять самому. К тому времени, когда Децим мог начать погоню — в его распоряжении было три не полностью еще оправившихся легиона, — Антоний опережал его на два дня.

Децим, хотя и успел увидеть убегающего противника, пошел по неверному следу, оставленному конными частями Антония, которые тот именно с такой целью и послал.

Меньше чем через неделю вести о позорном бегстве Антония от Мутины достигли Рима, и среди сенаторов-оптиматов воцарилось ликование. Они победили! Или так думали. Хотя сенаторы и проголосовали благополучно за торжественные похороны для обоих консулов, они как-то позабыли о том, что их гибель изменила соотношение сил Октавиана и Децима. Сенат назначил Дециму триумф и пе-

редал ему верховное командование над консульским войском. Октавиан остался в стороне. Цицерон пытался убедить сенат, что молодого человека следует удостоить хотя бы орации — чести гораздо меньшей, чем триумф, — но, к несомненному удовлетворению отсутствовавшего Брута, предложение не прошло. Брут полагал — и недвусмысленно выражал это мнение в письмах к Цицерону и Аттику и, вероятно, другим своим единомышленникам в Риме, — что Октавиан уже и так получил слишком много почестей и предлагать ему еще — значит проявлять опасное раболепство.

Самым недалевидным решением сената стала отмена прежнего постановления — заплатить тем войскам Октавиана, которым были обещаны крупные вознаграждения за дезертирство от Антония. Сенаторы вдвое уменьшили сумму выплат, не потрудившись объяснить солдатам причину. Причина, возможно, заключалась в нехватке денег, вызванной сокращением некогда огромного потока налогов из восточной, более богатой части страны, потока, который теперь шел в сундуки Брута и Кассия. Далее, в пику Октавиану, сенат отказался выплачивать вознаграждение и всем прочим его войскам — шаг, явно рассчитанный на то, чтобы вызвать разногласия между служившими под началом Октавиана легионами и таким образом ослабить его авторитет. Уменьшенное же вознаграждение обещали выплатить непосредственно солдатам через специальную комиссию, в которую не было доступа ни Октавиану, ни Дециму.

Оптиматы не только сбросили со счетов Октавиана, они поступили куда суровее по отношению к Антонию. Полагая, что поимка и казнь экс-консула — лишь вопрос времени, они набрались смелости и объявили его в сенате врагом государства. Им даже в голову не пришло, что старый враг сможет отомстить за это последнее унижение. Ведь Антоний был гораздо удачливей и умней, чем им казалось. За время долгого отступления у Антония прибавилось три све-

жих легиона, набранных ранее его офицером Вентидием. Вентидий не успел привести их вовремя к Мутине, зато теперь онигодились вдвойне.

Изможденные люди Антония вышли на побережье примерно в тридцати милях от Генуи, на современную итальянскую Ривьеру. Отсюда они прошли уже не столь трудными тропами по Французской Ривьере и приблизились к городу Юлиев Форум (современный Фрежю). Здесь, на равнине, сформированной извилистой рекой Аргентей, они раскинули лагерь — в нескольких милях от штаба Лепида. Лепид не предложил им никакой помощи. Он знал, какое бедствие свалилось на бывшего союзника, и предпочел бы его прогнать. Лепиду не хотелось сражаться с победоносной консульской армией, если ее, как он предполагал, поддержат семнадцать легионов под командованием его свояков Брута и Кассия.

Антоний оказался вполне на высоте. В официальном гостеприимстве ему отказали; Антония тайком пропустил в лагерь его старый товарищ. Экс-консул пришел один, без оружия, грязный и небритый. Воины собрались вокруг него — вначале просто из любопытства. Некоторые служили под его командованием в Галлии. Антоний считался лучшим в Риме полководцем, несмотря на поражение под Мутиной. Он говорил с солдатами мужественно, и они не остались равнодушны. Прежде чем Лепид сообразил, что происходит, сотни солдат уже пообещали Антонию поддержку и еще тысячи собирались последовать их примеру. Когда среди шумной толпы легионеров Антоний и Лепид встретились лицом к лицу, Лепид еще пытался сделать хорошую мину. Полководцы обменялись дружеским приветствием. К вечеру Антоний уже стал хозяином положения и принял командование над войском, которое добавил к своему, великодушно назначив недавнего соперника на должность заместителя.

Снова близилась гражданская война — как и предсказывал Децим. Он написал Цицерону письмо, в котором обвинял Октавиана, что тот не захотел выполнить его требования. Этого мальчишку ничего не заставишь делать, жаловался Брут, ему нельзя приказать.

Если Антоний отправился за спасением к Лепиду, то Децим — к Планку, наместнику Косматой Галлии. И приняли его тоже не слишком радостно. Планк, заявивший о своей верности сенату, отошел подальше от Лепида, поднявшись в высокие альпийские долины у современного Гренобля. У Децима уже не хватало сил атаковать Антония, и он несколько недель поднимался со своими уже ничего не понимающими солдатами по горным дорогам, чтобы присоединиться к Планку. Трудно сказать, с какой целью; вероятно, не хотел попасться на пути Антония, если тот, обуреваемый жаждой мести, вернется в Италию раньше, чем туда придут Брут и Кассий.

От Цицерона или из других источников Децим с Планком узнали, что Брут и Кассий не спешат возвращаться с востока, где продолжают собирать войско и облагать податями жителей провинций — совершенно безжалостно; кое-где родителям приходилось продавать в рабство детей, чтобы выплатить налоги и самим не попасть в рабство. Планк, весьма щедрый на письма, в которых было много красивых фраз, но мало сведений, поддерживал любезную переписку с самыми влиятельными людьми своего времени. Он не спеша приспособился к переменам в политической ситуации на Апеннинском полуострове и в какой-то момент решил, что выгоднее всего поддержать Антония. Децим находился в окружении большего войска, и потому ему пришлось расстаться с собственным. Планк отпустил Децима с небольшой свитой, но когда тот пробирался через Альпы в Македонию, его схватили местные жители, галлы, и казнили, чтобы сделать приятное Антонию.

Поздняя весна дала Октавиану передышку для раздумий — или же для мудрого бездействия. Он застрял на севере Италии, не поддаваясь попыткам сената заставить его выполнять приказы и на всякий случай держа в готовности немалое войско. Лагерь Октавиана стал чем-то вроде политического центра: те, кто полагал полезным снискать расположение восходящего вождя, долгими днями ехали из Рима, чтобы выказать ему уважение. Приезжали и уезжали гонцы от Антония, Планка, Цицерона и многих других. Поллион, знаменитый наместник Дальней Испании, присоединился с двумя легионами к Антонию, потому что особого выбора у него не было. В зрелые годы он напишет известный труд по истории своей эпохи, который широко исследовался историками античности; до нашего времени, увы, дошли только ссылки на него в других трудах.

Октавиан воспользовался передышкой, чтобы взвесить имеющиеся у него возможности, и пришел к четкому решению: выдвинуть свою кандидатуру на пост консула — после смерти Гирция и Пансы оба места были свободны. Выборы пока не проводились, частично из-за юридических сложностей, связанных с назначением интеррекса (каковым должен быть старший патриций), то есть временно главы государства, контролирующего проведение выборов. Это промедление, вызванное религиозными и политическими мотивами, тоже работало в пользу Октавиана. Он не мог стать серьезным претендентом во время стремительного бегства Антония, когда все ожидали триумфального возвращения Брута и Кассия. Теперь Октавиан занимал сильную позицию, с которой он мог диктовать свои условия — если бы захотел.

Основные скрытые факторы, действовавшие в сложный период после мутинских событий, когда сенат еще думал, что способен полностью восстановить былую власть, теперь во многом прояснились. Антоний и его союзники на запа-

де могли отныне рассчитывать на поддержку целых двадцати пяти, а то и больше, легионов, в то время как у Брута и Кассия их насчитывалось семнадцать. Обе стороны продолжали торопливо набирать войска, и потому обе цифры постоянно росли. Восточные легионы стояли большей частью слишком далеко и могли полностью переправиться из-за Адриатики не раньше следующего года, тогда как Антонию оставалось только перегруппировать силы, чтобы вывести их из Галлии.

Свой путь к консульству Октавиан начал с негласного сближения с Цицероном и просьб о помощи. Можно строить догадки о том, что именно он предложил сенатору взамен, но его предложение, несомненно, как нельзя лучше соответствовало амбициям и тщеславию старого политика. Быть может, Цицерона соблазнила возможность разделить с молодым полководцем консульскую власть? Как его старший коллега, Цицерон занимался бы повседневным управлением страной, а Октавиан продолжил бы дело приемного отца. Правда, прославляя память Цезаря, Октавиан одновременно готовил бы решительное наступление на его убийц.

То была чаша с отравленным вином. Цицерон, к его чести, ее отверг. Он ничего не желал столь сильно, как второго консульства, и не однажды за свою непростую карьеру прибегал к обману и уловкам, и все же такое было бы уж слишком. Даже он, с его ораторским талантом, не смог бы замаскировать тот факт, что, продвигая кандидатуру Октавиана вместе с собственной, он поднимется на вершину республиканской власти как соглашатель, показавший неуважение к сенату тем, что вопреки закону опирается на армию, само существование которой теперь несет угрозу целостности государства. Возможно, в тот момент Цицерон признался себе: его хитрая политика — натравливать двух главных цезарианцев друг на друга — потерпела полный

крах. Победить ему не дало особое стечение обстоятельств, но то было слабое утешение.

В середине мая Брут написал о своих опасениях Цицерону: если Октавиану предстоит сделаться консулом, он может вознестись слишком высоко — иными словами, объявит себя царем, как собирался Цезарь. «Я страшусь этого юноши», — пишет Брут в заключение, сообщив о достигшем его слухе, что Цицерон уже избран консулом. Слух был ложный. Меньше месяца спустя Цицерон проникся сомнениями Брута по поводу надежности Октавиана, если судить по письму, написанному им Дециму, который, может, и дожил до получения письма, но ответа не сохранилось.

«Что проку? — в отчаянии спрашивал Цицерон, подразумевая свои прежние шаги по отношению к Октавиану. — Поверь мне как человеку, не склонному себя недооценивать, когда я говорю, что остался совершенно в стороне. Сенат был моим орудием, но орудие развалилось у меня в руках».

25 июля Цицерон посетил Сервилию, по ее приглашению. На этот раз общество было не столь избранное. Присутствовал Каска, один из убийц; Октавиан не стал возражать против его назначения на должность трибуна — в знак того, что поддерживает республику. Сервилия задала Цицерону два вопроса: следует ли отозвать ее сына в Италию и, если он приедет, не будет ли возвращение ему во вред? Цицерон без обиняков заявил: если Брут вернется как можно скорее, чтобы спасти гибнущую страну, он только прибавит себе славы. Сенатор напрасно сотрясал воздух. Ответ Сервилии до нас не дошел, но она, понятно, не посоветовала бы сыну вернуться, если бы считала это опасным.

В последнем сохранившемся письме, сообщая о разговоре Бруту, Цицерон написал и о своем прискорбном провале: он не смог удержать Октавиана на прямой и узкой тропе республиканской добродетели.

Октавиан к тому времени махнул на него рукой. Цицерон, даже если бы и хотел, уже не мог принести ему голоса большинства сенаторов. В июле выяснилось, что хваленый союз юноши и престарелого политика — притворство. В сенат явились четыреста легионеров Октавиана под командованием центурионов.

Они были без оружия и поначалу держались почтительно, но угроза почувствовалась сразу, как только они попросили выплатить им все обещанные деньги и сделать их молодого командующего консулом. Подобная наглость разгневала сенаторов, и у некоторых хватило смелости — или глупости — этого не скрывать. Глава посольства центурион Корнелий вышел из зала и вернулся, вооруженный мечом. Откинув назад плащ и поглаживая эфес, он сказал: «Если вы не решите, вот кто решит!»

Возвращение посольства в Бононию с пустыми руками было тем самым сигналом, которого Октавиан ждал, чтобы отправиться в Рим — второй раз за несколько месяцев. Он уже сказал солдатам, что сенат замыслил посылать их в один поход за другим, пока всех не перебьют, — тогда, мол, и платить будет не нужно. Легионеры поверили и потребовали, чтобы командующий вел их в столицу, с оружием — отстаивать свои законные права. И как Юлий Цезарь шесть лет назад, его наследник перешел Рубикон... только за ним шел не один легион, а восемь. Сенат послал Октавиану сообщение: он может выдвинуться на консульство *in absentia**. Слишком поздно. Сенаторы отправили ему под охраной и уже не так спешно несколько повозок с деньгами — откупиться от его солдат. Октавиан послал вперед конный отряд — отвести повозки с дороги, боясь, как бы солдаты не бросились на сундуки с деньгами.

Когда оптиматы уже решили, что все потеряно, в римский порт Остию прибыли два легиона из Африки; их на-

* *In absentia* (лат.) — в отсутствие, заочно.

брали два месяца назад, в последней надежде, мало на них рассчитывая. Один легион в столице уже стоял. Вначале казалось, что этого хватит для защиты Рима от вторжения. Пока Октавиан обсуждал с посланцами сената условия, пришло новое известие: все прежние свои решения в пользу Октавиана сенат отменил. Озадаченные посланцы вернулись обратно, а он, снявшись с лагеря, устремился в Рим с еще большей скоростью. Октавиан боялся за мать и сестру: он узнал, что их разыскивают, чтобы взять в качестве заложников.

Октавиан ехал впереди войска. Он вошел в Рим в сопровождении только охраны; конных солдат он отправил вперед — предупредить горожан, что не причинит им вреда. Три легиона, охранявших столицу, перешли к нему, а один из командиров, Корнут, покончил с собой, упав на меч. Жители выбегали из домов и целыми толпами шли приветствовать Октавиана. Он направился напрямик в храм Весты, где прятались его мать и сестра Октавия. В этот волнующий миг они обнялись с облегчением и радостью. Сенаторы, которые теперь опасались за свою безопасность, спешили к Октавиану, желая выказать ему расположение.

Цицерон, предусмотрительно договорившись о встрече через посредников, уверил Октавиана, что лично предлагал сенату его кандидатуру на должность консула. День у обоих выдался тяжелый. Октавиан не без иронии заметил, что из всех друзей Цицерон пришел к нему последним.

Через двадцать четыре часа разыгрался настоящий фарс. Прошел слух: Четвертый и Марсов легионы, которые ранее отделились от войска Антония, снова перешли на другую сторону — на сей раз на сторону сената, так как не хотят идти против отечества. Ночью собрался сенат и отправил магистрата Аквиллия Красса в Пиценум — набрать еще легионеров. Цицерон приветствовал сенаторов у дверей, а узнав, что слух ложный, быстро сел в носилки и удалился.

Октавиан, когда ему рассказали, посмеялся, но на всякий случай переместил свое войско на открытое пространство за стенами города, на Марсово поле. К нему привели Аквиллия Красса, который пытался проскочить, переодевшись рабом, и Октавиан его помиловал, во всяком случае, до поры.

Теперь, когда город был в его руках, Октавиан продемонстрировал приверженность — ставшую потом для него характерной — букве республиканского закона, хотя он часто нарушал его дух. Чтобы заплатить своим войскам, он залез в государственную казну; ведь сенат некогда проголосовал за эти выплаты, пусть даже потом решение отменили. Затем Октавиан демонстративно вышел из города, показывая тем самым: выборы происходят без всякого давления. Октавиана и его двоюродного брата Квинта Педия выбрали консулами. Они вступили в должность 19 августа, за месяц до того, как Октавиану исполнилось двадцать. Пишут, что когда он опять вошел в Рим и стал приносить богам благодарственную жертву, над ним показались двенадцать коршунов, как некогда над Ромулом, легендарным основателем Рима.

Октавиан начал быстро укреплять позиции и готовить почву для планируемого союза с другими цезарианцами, чьи силы были собраны на границах Италии. Он укрепил усыновление, проведя его согласно закону через куриатские комиции. Отныне никто не мог сомневаться в его праве носить имя Цезаря, и, кроме того, Октавиан становился патроном большого количества вольноотпущенников своего приемного отца, среди которых было немало богатых. В их обязанности входило помогать Октавиану деньгами как своему патрону.

В качестве консула Октавиан председательствовал на заседаниях суда, где заочно осуждались все, имевшие отношение к заговору против Цезаря — не только те, кто вонзил в него кинжал, но и те, кто просто знал о заговоре, —

даже если в иды марта в Риме их не было. Всех признали виновными. Только один судья нашел в себе смелость проголосовать за оправдание; тогда он уцелел, но позже был проскрибирован, и его постигла та же участь, что и убийц. Далее сенат в угоду Октавиану отменил постановления, в которых Антоний, Лепид, Планк и Долабелла объявлялись врагами. Правда, в последнем случае это уже не имело смысла: Долабелла покончил с собой, попав в плен к Кассию; он боялся, что Кассий замучает его до смерти, как сам он замучил Требония.

В течение четырех месяцев после мутинских событий Октавиан вел сложную и опасную игру, и вел с немалым для его возраста искусством и не меньшей отвагой. Требовалось большое мужество, чтобы после бегства Антония и до его объединения с Лепидом вот так открыто бросить вызов сенату. Если бы войско Антония разгромили, у Октавиана не осталось бы вероятных союзников, даже Цицерона. Рональд Сайм по этому поводу замечает: «Если бы Кассий и Брут явились в Италию со своими семнадцатью легионами, его «отец» Цицерон без малейших угрызений совести объявил бы юношу врагом государства». Октавиан к тому времени уже исчерпал бы свою полезность: восстановил республику на условиях, приемлемых для Цицерона и Брута; самому Октавиану пришлось бы довольствоваться ролью, устраивающей этих двоих. Учитывая их характеры и характер Октавиана, подобную ситуацию разрешила бы только его смерть. Тот же Кассий его бы и убил. И Октавиана не спасли бы его восемь легионов, даже самых преданных.

Октавиана предупреждал не только Панса, но и сам Антоний — в письме, которое написал ему и Гирцию во время осады и которое Цицерон читал сенату. Антоний сравнивал Цицерона с ланистой, заставляющим две группы гладиаторов сражаться друг с другом, даже если они — части одного отряда. «Ему удалось обмануть тебя теми же искус-

ными речами, какими он обманул Цезаря». Теперь-то Октавиан убедился в правоте Антония. Он написал письма и Антонию, и Лепиду и поздравил их с тем, что больше они не носят клеймо врагов государства. Два старших полководца, уже находившихся в пути, поздравили его с консульством и заверили в своей дружбе и поддержке. Лепид и Антоний нуждались в Октавиане почти так же, как он в них.

На исходе лета молодой консул отправился на север — вместе с теперь уже законным и хорошо оплачиваемым войском — чтобы совершить следующий важный шаг к самой вершине.

Х

Трое правят миром

Октавиан не желал идти на риск; не желал этого и Антоний. Их представители разработали для переговоров сложную процедуру: каждому из полководцев предстояло выдвинуться с пятью легионами на противоположные стороны реки Лавиний у Мутины и встать недалеко от берегов на виду друг у друга. Ранним осенним утром, выполнив этот непростой и небыстрый маневр с участием пятидесяти тысяч человек, два полководца — каждый в сопровождении трехсот охранников — приблизились к мостам, ведущим на небольшой островок посреди реки, и стали ждать, пока Лепид и его люди обыщут остров на предмет спрятанного оружия. Закончив проверку, Лепид махнул своим красным плащом, и по этому сигналу Антоний и Октавиан двинулись по мостам, оставив сопровождающих за пределами слышимости.

Октавиан, хотя и самый молодой, занял, как действующий консул, место посередине. Антоний и Лепид уселись

по бокам, и весь остаток дня они провели, обсуждая дела; надо полагать, еды и вина у них было припасено в изобилии. На следующее утро так же, под защитой своих легионов, они возобновили совет, и весь день прошел в ожесточенных спорах; каждому пришлось в той или иной степени отойти от первоначальных позиций. Можно не сомневаться, что Лепид, присутствовавший скорее на птичьих правах, поддерживал не Октавиана, а своего нового командира. К утру третьего дня судьба Римской державы была решена на пять лет вперед — на больший срок не получалось.

Их главное решение, которое определяло все остальные, заключалось в установлении на следующие пять лет диктатуры трех. Этого названия они не употребляли, поскольку пост диктатора был недавно упразднен и проклят — самим же Антонием. Они назвали себя *Tresviri Rei Publicae Constituendae* — «Союз трех для укрепления республики». Название было эвфемистическим и двусмысленным: в таком контексте слово «*constituendae*» могло означать и «укрепить» старую республику, и «установить заново» — в исправленном виде. В историю этот период вошел под названием Второго триумvirата, что не совсем верно, так как подобный союз трех вождей был в своем роде первым и кардинально отличался от так называемого Первого триумvirата — Помпей, Красс и Цезарь, существовавшего шестнадцать лет назад.

Если Первый триумvirат был, по сути, неофициальным союзом, созданным, чтобы двигать в своих интересах рычагами власти, то Второй станет настоящим правительством государства. Теперь уже никто не сделает ничего ему наперекор — ни магистраты, ни сенат; никто даже не посмеет возражать против его декретов. Всякий, кто станет перечить, по крайней мере поначалу, подвергнет риску свою голову, которую могут отрубить и выставить на Форуме. Многим даже не дадут шанса покориться новым хозяевам — станут преследовать, словно преступников, назначат награ-

ду за их головы, а того, кто их спрячет, будут карать смертью. Самой известной жертвой триумvirата станет Цицерон. Говорят, что Октавиан два дня отстаивал его жизнь, но сдался, боясь срыва переговоров, ибо Антоний в этом пункте не уступал.

Антоний получил почти все желаемое. В свете *realpolitik** у него было больше легионов, чем у кого-либо другого в стране, и он обладал самой широкой известностью. Для себя он выговорил должность проконсула всей Северной Италии и большей части Галлии; Лепиду целиком досталась Испания и вдобавок ближайшая к Пиренеям часть Галлии.

Октавиан получил лишь утешительный приз в виде провинции Африки (современный Тунис), а также островов Сицилии, Сардинии и Корсики. Чтобы туда попасть, предстояло еще повоевать. Квинт Корнифиций, наместник Африки, как раз отправлял в Рим два легиона — сенату в поддержку; он не собирался признавать власть триумvirата. Сицилию уже захватил Секст Помпей, которого сенат назначил командовать флотом; теперь попытка вторгнуться на соседние острова была бы опасным предприятием.

Октавиана убедили отказаться от консульства в пользу Вентидия, который привел Антонию три свежих легиона, когда судьба его начальника висела на волоске и когда все могли от него отвернуться. Наверняка Антоний и Лепид убедили молодого человека, что положение консула отныне будет ниже, чем положение триумвира, — они прежде всего стремились убить в зародыше всякую возможность того, что Октавиан, как единственный из троих действующий консул, станет требовать для себя особого статуса или привилегий. Они также решили, кому при триумvirате быть консулами в ближайшие несколько лет. На следующий год консульские посты предстояло занять Планку и Лепиду;

* *Realpolitik* (нем.) — реалистическая политика, прагматичная политика, не принимающая во внимание моральных принципов.

в 41 году до нашей эры — брату Антония Луцию и Сервилию Изаурику, а в 40 году до нашей эры — Поллиону и Гнею Домицию Кальвину, который командовал центром цезарианской армии при Фарсале.

Что касается угрозы со стороны Брута и Кассия, то триумвиры решили следующее: Антоний и Октавиан поведут против них большую часть войска и отвоюют восточную часть империи, а Лепид останется в Риме, чтобы защитить запад Италии. В этом ему должны были помочь проскрипции — в живых не следовало оставлять никого, кто мог и хотел восстать против триумvirата. Многие участники мартовского заговора уже нашли убежище у Секста на Сицилии или у Брута и Кассия. Еще многим предстояло быстро последовать примеру беглецов — пока триумвиры не явились в Рим со списками намеченных жертв.

Можно много спорить о том, сколько человек было указано в проскрипциях и скольких из них в результате убили. Аппиан утверждает, что вывешенные на Форуме списки содержали имена трехсот сенаторов и двух тысяч всадников, но это скорее всего преувеличение. Ливий, от трудов которого по этому периоду сохранилось только краткое изложение глав, называет сто двадцать сенаторов. Плутарх в одном из жизнеописаний говорит о двухстах человеках, в другом называет три сотни и не упоминает, какого именно сословия. Если же подсчитывать по древним источникам имена, то их меньше ста. Маловероятно, что Октавиан, с его малым опытом политической деятельности, мог знать и упомянуть в проскрипциях очень уж много людей.

Куда больше горя принесло народу другое решение триумvirов: изгнать жителей восемнадцати городов, чтобы, когда кончится война с Брутом и Кассием, обеспечить жильем своих солдат. Среди этих городов были такие известные центры, как Аримин, Беневент, Капуя, Нуцерия, Регий и Венузия. Они представляли собой своего рода воз-

награждение; с деньгами было туго, и их небольшие запасы предстояло выдавать войскам в качестве обычной платы — перед кампанией и во время военных действий. Многие римские богачи уехали за границу, постаравшись оставить врагам на разграбление как можно меньше. Интенсивный набор войск изъясил из производящих отраслей много молодых людей, а передвижения армий и на западе, и на востоке привели в упадок ремесла и торговлю. Доходы от провинций катастрофически упали; осторожные жители закапывали до лучших времен и деньги, и золотые и серебряные вещи.

Еще одно решение, принятое на берегах Лавиния, касалось личной жизни Октавиана и было вызвано не желанием триумвиров, а настойчивыми требованиями некоторой части войск.

Солдаты-цезарианцы, совершенно не желавшие сражаться друг против друга, требовали гарантий, что Октавиан и Антоний не разойдутся, как уже однажды разошлись. Они настояли, чтобы эти двое связали себя узами родства. Поскольку Антоний уже был женат на Фульвии, единственной кандидатурой оставался Октавиан. Он согласился разорвать заключенную прошлой зимой помолвку с младшей Сервилией, на которой так и не успел жениться, и пообещал заключить брак с Клодией, дочерью Фульвии от ее первого мужа Клодия, старинного врага Цицерона. Светоний описывает ее как «*vixdum nubilis*» — едва достигшую брачного возраста. Брак был недолог; Фульвия в качестве тещи оказалась сущей ведьмой.

Неизвестно, дожила ли родная мать Октавиана до этой перемены в матримониальном положении сына. Атия умерла, когда Октавиан был консулом, то есть в те четырнадцать недель, которые прошли со дня выборов 19 августа, до его официального отказа от должности 27 ноября. Возможно, ее кончину приблизила необходимость прятаться от врагов сына, которые хотели сделать из нее заложницу.

Пользуясь властью триумвира, Октавиан устроил публичные похороны, на которые собрались цезарианцы всех толков, чтобы почтить память племянницы великого Цезаря. Отчим Октавиана Филипп пережил Атию на несколько лет.

Карательные отряды отправились в Рим впереди триумвиров, чтобы убить семнадцать человек, перечисленных в первом проскрипционном списке. Этот список не обнародовали, и потому никто в Риме не знал, кого будут преследовать, знали лишь сами исполнители и Педий — второй консул.

Четверых убили прямо дома или на улице. Затем была страшная ночь: вооруженные люди ходили по городу в поисках других жертв. На рассвете, вопреки желанию триумвиров, Педий опубликовал имена преследуемых; ошибочно полагая, что смерть уготована только для семнадцати, он послал глашатаев успокоить остальных горожан. Все это удалось ему нелегко. На следующую ночь он умер от нервного напряжения.

Первым убитым магистратом был трибун Сальвий; именно он 3 января спас Антония, наложив вето на решение сената объявить того врагом; потом Сальвий полностью поддерживал Цицерона. Не зная, помилуют ли его в благодарность за первое или же накажут за второе, Сальвий устроил на всякий случай для друзей прощальный обед. В обеденный зал ворвался карательный отряд с центурионом во главе. Некоторые гости вскочили, словно намереваясь вступить за хозяина — а может, просто бежать, — но центурион приказал им сесть и молчать. Он схватил Сальвия за волосы, бросил поперек стола и отрубил ему голову. Перед тем как уйти и унести голову, он велел гостям оставаться на месте, а не то, мол, их постигнет та же участь. И гости до поздней ночи оставались на ложах вокруг обезглавленного тела хозяина.

Триумвиры вошли в Рим по очереди — каждый на следующий день и каждый в сопровождении одного легиона и

одной преторианской когорты; первым, как консул, вошел Октавиан. Когда все трое вступили в город, трибун Публий Тиций созвал на 27 декабря народное собрание и на окруженном солдатами Форуме предложил гражданам принять решение о вручении полномочий триумвирату. Закон приняли быстро — не дав времени ни на обдумывание, ни тем более на обсуждение. Вывесили новые проскрипционные списки; все выходы из города охранялись. За голову каждой жертвы была объявлена награда: сто тысяч сестерциев; рабам пообещали свободу и сорок тысяч сестерциев.

Полководцы Цезаря решили, воспользовавшись случаем, уладить старые семейные распри. Павел, брат Лепида, попал в списки вместе с Луцием Цезарем, дядей Антония. Планк осудил своего брата Плоция, а Поллион решил отомстить тестю. Еще один приговоренный, по слухам, был раньше наставником Октавиана. Павлу явно позволили скрыться, но Луция Цезаря спасло только вмешательство матери самого Антония — Юлии. Она заслонила старика от солдат, пытавшихся ворваться в ее дом, а после явилась на Форум, где сидели триумвиры, верша расправу и выплачивая вознаграждения, и стала выговаривать сыну. Антоний неохотно согласился сохранить жизнь своему дяде, который как-то раз поспорил с ним в сенате.

Появлялись новые проскрипционные списки. Многие начали понимать, что их ждет, еще до того, как их имена оказались в списках. Они следовали за теми, кто уже бежал из столицы. Прятались в канализации, в колодцах, дымовых трубах, на чердаках. Одни погибали с оружием в руках, другие не пытались защититься. Некоторых спасали их рабы, других предавали жены. Люди топились в Тибре, бросались с высоких стен, сжигали себя. Самые упорные или удачливые ускользали благодаря женам, детям, родственникам или рабам. Жены погибали, спасая мужей. Рабы надевали одежду хозяев и умирали вместо них.

Вдова некоего Лигурия пошла на Форум, куда понесли отсеченную голову ее супруга, и стала требовать, чтобы ее тоже казнили — ведь она прятала мужа. Палачи делали вид, что не замечают ее, и она ушла, а потом уморила себя голодом. Восьмидесятилетний сенатор Стаций, который в союзнической войне сражался с самнитами, попал в списки, как и многие другие, не за преступления, а из-за богатства. Он распахнул двери своего дома и стал раздавать прохожим все, что они могли унести. Когда из дома все забрали, он заперся внутри и поджег его; Стаций сгорел и сам и стал невольным виновником пожара в целом квартале.

В городе Регии, расположенном напротив острова Сицилии, приговоренные объединились с другими горожанами — то был один из городов, предназначенных для ветеранов. Под предводительством некоего Ветулина эти люди побивали посланных за ними центурионов, а потом через Мессинский пролив отправились к Сексту Помпею. Ветулина превзошел Гирций (возможно, родственник покойного консула), который убежал из Рима вместе со слугами и собрал целое войско из таких же беглецов и сочувствующих и с ними напал на несколько городов. Триумвирам пришлось выслать против Гирция войско, но он избежал сражения и тоже переправился на Сицилию вместе со своими людьми. Находчивее всех поступил Помпоний: он оделся как претор, рабов нарядил в платье ликторов, прошествовал так на корабль одного из триумвиров под видом официального посланника к Сексту и спокойно себе отплыл.

Цицерон вполне мог спастись. Когда его предупредили, что он попал в списки, сенатор уехал с тускуланской виллы и в Астуре сел на корабль, намереваясь отплыть к Бруту на восток. Попав в шторм и не вынеся морской болезни, он остановился в Кайете, неподалеку от Формии, на восточном побережье — переночевать на тамошней своей вилле. На следующий день, когда рабы несли Цицерона в

носилках к морю, их нагнали солдаты во главе с Попилием, которого Цицерон некогда успешно защищал от обвинения в отцеубийстве. Рабы собрались защищать хозяина, но старый философ приказал им опустить носилки и сам подставил шею. Палач отрубил голову только с третьего удара. Он отсек Цицерону и правую руку, которой сенатор писал «филиппики». Говорят, перед тем как Антоний выставил эти страшные трофеи на Форуме, где Цицерон произносил свои великие речи, Фульвия проткнула язык оратора булавками.

В первый же день следующего, 42 года до нашей эры стало ясно: триумвирам недостаточно, что сенат без голосования принял предложенные ими изменения в законе. От всех сенаторов и магистратов потребовали дать торжественную клятву: соблюдать все декреты, изданные Юлием Цезарем во время его диктаторства. Никто не отказался. Чтобы урок дошел до всех, триумвират позаботился также об официальном признании Цезаря богом. Этот пункт придумал скорее всего Октавиан — он отныне мог подписываться как *divi filius*, сын бога. Антоний стал первым жрецом нового культа, который предстояло отправлять в храме, выстроенном на Форуме, на месте сожжения тела Цезаря. Позже постановили, что всякий сенатор, не носящий в июле лавровых листьев в честь рождения Цезаря, подвергнется штрафу в миллион сестерциев.

А пока нужно было платить солдатам и кормить их, но триумвирам не хватало средств. Все имущество проскрибированных отходило государству, однако из-за огромного количества распродаж и нехватки у людей денег продать его можно было только по смехотворно низким ценам. К тому же потенциальные покупатели просто боялись за свою жизнь — если в предстоящем столкновении победят Кассий и Брут. Пытаясь покрыть денежный дефицит, триумвиры обложили налогами всех жителей Италии. Эти люди в течение многих лет вообще не платили налогов, живя за счет горемычных жителей провинций. Теперь же всадни-

кам (им по закону полагалось иметь определенное состояние) велели внести в казну полный годовой доход.

Без всякого обсуждения был принят беспрецедентный эдикт; согласно ему тысяча четырехсот самых состоятельных женщин в стране должны были заплатить налог. Никогда еще в истории республики женщин не облагали налогами, хотя иногда, в опасное для страны время, в порыве патриотизма они бросали украшения в корзину для сбора средств. Многие из этих женщин дружили с семьями триумвиров; они пожаловались сестре Октавиана и матери Антония, и те безуспешно пытались за них вступиться. Когда же они обратились к Фульвии, та очень грубо им отказала, чем и вынудила нескольких выступить на Форуме перед триумвирами. Говорила за всех Гортензия, дочь известного оратора. Поскольку у женщин нет политических прав, заявила она, то их нельзя облагать налогами; они, мол, с радостью отдадут драгоценности, когда потребуется защититься от внешних врагов, но не для гражданской войны. Триумвиры приказали ликторам увести женщин с Форума, но толпа разразилась негодующими воплями, и ликторы не посмели. На следующий день список женщин сократили до четырехсот.

Еще большее разорение чинилось меж тем на востоке: алчности Кассия не было предела. Он потребовал с города Тарса (будущей родины святого Павла) полторы тысячи талантов золота. Такую огромную сумму не смогли собрать даже после того, как продали в рабство многих свободных женщин и детей. Местные магистраты начали продавать и мужчин, и некоторые из них предпочли убить себя. Только окончательно убедившись, что с города больше совсем нечего взять, Кассий уступил и увел войска. Потом он захватил и стал терроризировать грозивший мятежом остров Родос — в назидание прочим. После этого потребовал с богатой некогда провинции Азии дань за десять лет вперед.

Октавиан, собираясь захватить острова, доставшиеся на его долю, собрал флот, чтобы напасть на Секста Помпея.

Правда, повести его триумвиру не хватило мужества. Октавиан возложил эту задачу на Сальвидиена, одного из молодых людей, отплывших с ним из Аполлонии после мартовских ид. Секст, у которого было больше кораблей и больше опыта, легко его победил, но Сальвидиен спасся. Октавиан лично отправился в прибрежные города, лежавшие напротив Сицилии, надеясь найти там поддержку против своего врага. Он пообещал жителям Регия и Вибо — двум из восемнадцати городов, предназначенных для его ветеранов, что исключит их из списка, если они ему помогут. Однако ему пришлось спешно уехать, так как Антоний, пытавшийся переправить большую часть легионов в Брундизий для военных действий на востоке, срочно звал его к себе. Действиям Антония препятствовала другая часть республиканского флота под командованием союзников Кассия — Стация Мурка и Домиция Агенобарба (выведенного у Шекспира в пьесе «Антоний и Клеопатра» под именем Энобарба), сына Агенобарба — твердого оптимата, который погиб, сражаясь на стороне Помпея в битве при Фарсале.

Остатков побежденного флота Октавиана — вместе с кораблями, что снарядил Антоний, — для обеспечения задачи хватило, поскольку большая часть республиканских кораблей отправилась перехватить флот, посланный из Александрии Клеопатрой.

Кассий как раз собирался вторгнуться в Египет — наказать Клеопатру за помощь Долабелле и, конечно, поживиться сказочными богатствами страны, — когда получил письмо от Брута; тот убеждал Кассия, что сейчас важнее всего объединиться и противостоять силам триумvirата.

Клеопатра не собиралась спокойно ждать вторжения — оттого, видимо, и заключила союз с Антонием, с которым познакомилась, когда приезжала в Рим к Цезарю.

Хотя ее флот попал в шторм и так и не дошел до Антония, ему навстречу ушло много вражеских кораблей, бла-

годаря чему триумвиры смогли расчистить себе путь через Адриатическое море.

Антоний уже успел отправить в Македонию восемь легионов, но, не имея поддержки, они были бы беспомощны против Брута и Кассия: у тех уже насчитывалось девятнадцать легионов и еще много тысяч солдат, посланных восточными царями; некоторые из правителей тоже приняли участие в походе. Краткая передышка дала Октавиану и Антонию возможность переправить в зону предполагаемых военных действий еще как минимум двадцать легионов. Пока высаживались вновь прибывшие сто тысяч, первым восьми легионам приказали быстро двигаться во Фракию, чтобы удерживать горные перевалы, по которым петляла Эгнациева дорога — главный путь с запада на восток. Октавиану не повезло: он серьезно заболел, и ему пришлось остаться в Диррахии.

Кассий, теперь уже главнокомандующий республиканских сил, не смог пройти по главной дороге и потерял несколько дней: он искал обходные пути с помощью местных проводников, которым его солдаты не доверяли. Идти пришлось по пересохшей местности, запасы воды иссякли, но на пути вовремя попало озеро, и это их спасло.

Норбану Флакку, командиру авангарда цезарианцев, пришлось отступить, чтобы превосходящие силы противника не отрезали его от остального войска триумвиров. В последней надежде сдержать наступление Кассия он занял город Амфиполь. Антоний подоспел к нему с достаточным подкреплением, и республиканцы не прошли.

Однако прежде чем Антоний смог начать полномасштабное наступление, Брут и Кассий успели построить по Эгнациевой дороге неприступные укрепления — там, где их правый фланг прикрывала горная цепь, а левый — тянущиеся на много миль к побережью топи. Прямо за ними был город Филиппы, расположенный всего в десяти милях от порта Неаполя (современная Кавала). Обладая меньшей

численностью, республиканцы воспользовались как тактическим преимуществом расположения предполагаемого поля боя — они стояли выше противника, так и стратегическим — доступом к морю и возможностью подвозить в Неаполь провиант с хранилища на острове Фасосе.

Пришла осень; к зиме положение Антония ухудшится — доставлять припасы морем станет нельзя. Наступать было немислимо, и он решил строить через болота дамбу, намереваясь напасть на Кассия с тыла. Когда Кассий узнал о грозящей ему опасности, то начал возводить линию укреплений, не отставая от строительства дамбы.

Именно тогда Октавиан, который от болезни едва держался на ногах, решил отправиться в носилках на передовую: он боялся, что если хотя бы не покажется войскам, потеряет у солдат всякий авторитет. В бою Октавиан был бы обузой, и он предложил взять на себя оборону лагеря, находившегося напротив легионов Брута.

Кассий старался как можно дольше избегать сражения, но однажды стычка между строителями плотины и строителями укреплений переросла в серьезные боевые действия, в которые втягивалось все больше частей. На другом фланге Брут решил воспользоваться случаем и напал на обороняемый Октавианом лагерь. Его люди ворвались в лагерь и перебили защитников, среди которых были две тысячи спартанцев, набранных по дороге через Грецию. Октавиан таинственным образом куда-то пропал. Потом окажется, что молодой человек просто убежал, так же как в сражении при Торжище Галлов.

Октавиан, по-видимому, прятался неподалеку в болотах, а когда он вернулся, первый бой у Филипп уже кончился. Брут отошел за свои укрепления, Кассий был мертв. Его смерть — еще одна загадка того странного и кровавого октябрьского дня. Антоний выиграл бой у дамбы: он отбросил республиканцев, обратил многих в стремительное бег-

ство и легко захватил лагерь Кассия. Сам Кассий, временно отрезанный от происходящего, не зная, как обстоят дела у Брута, опасался, что битва полностью проиграна. Ничего толком не видя из-за плохого зрения, он послал верхом Титиния — выяснить, что за люди приближаются к ним в облаке пыли — свои или враги? Издали Кассий увидел, как Титиния хватают солдаты, собираясь, как ему показалось, убить. Он позвал своего вольноотпущенника Пиндара, и вдвоем они вошли в шатер, а остальные ждали снаружи. Немного погодя, когда посланный вернулся и сообщил, что это люди Брута и что они на радостях обнимали его, Кассий уже был мертв. Тогда Титиний упал на свой меч.

Что же произошло в шатре? По мнению античных историков, в том числе и Плутарха, Кассий, в отчаянии из-за мнимого поражения, прикрыл себе лицо и приказал Пиндару пронзить его мечом. И тот повинился. Но Плутарх еще добавляет, что поскольку Пиндара после смерти его хозяина никто не видел, он, вероятно, убил Кассия, не дожидаясь приказа. Это, наверное, и есть самое правдоподобное объяснение столь странного происшествия, хотя почти все принимают версию самоубийства, фигурирующую также в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь». Еще один интересный факт, который обычно игнорируют: у Кассия оказалась отсечена голова, хотя, совершая самоубийство — с чьей-то помощью или без, — римляне обычно пронзали себе сердце клинком. Голову Кассию могли отсечь для того, чтобы получить от триумвиров вознаграждение. Таким образом, у Пиндара оказался и второй мотив помимо того, что он не испытывал особой любви к хозяину, которого даже друзья считали грубым и беспощадным.

Мы не знаем, кто еще был рядом с шатром, но если там находились вольноотпущенники вроде Пиндара или рабы, то у них имелись все причины говорить, что Кассий приказал себя убить, поскольку существовал незыблемый закон:

если раб убил хозяина, все остальные его рабы, независимо от пола и возраста, подлежат казни. Пиндар был вольноотпущенник, однако в подобных обстоятельствах кара могла постигнуть и других вольноотпущенников. Ведь убили не простого офицера, а главнокомандующего сто-тысячной армии, находившейся тут же, в радиусе двух миль.

Версия смерти Кассия не более убедительна, чем рассказ Октавиана о причинах его отсутствия в обороняемом им лагере. Его лекарю, Марку Арторию, было якобы видение, что Октавиану следует подняться с ложа и уйти из лагеря. В утраченных мемуарах Октавиан писал, что действовал согласно этому вещему сну: вооружился и сражался на другом конце поля боя.

По совпадению в день первого сражения при Филиппах на море произошел жестокий бой — республиканский флот, возглавляемый Агенобарбом и Мурком, разбил плохо защищенный караван судов, на которых Домиций Кальвин вез в Италию необходимые припасы для войска триумвиров. Кораблей теперь у них оставалось мало, близились холода, подвозить припасы для Антония и Октавиана морем уже было невозможно. Вести об этом несчастье скоро достигли триумвиров, а вот Брута они достигли гораздо позже. Он уже принял общее командование над республиканскими силами, но оказался не в состоянии добиться повиновения многочисленных союзников, часть которых дезертировали или собирались дезертировать.

Брут находился, выражаясь современным языком, на грани нервного срыва. Как-то ночью, месяц или два назад, собираясь вместе с Кассием отправиться в Грецию, Брут сидел в шатре посреди спящего лагеря, погрузившись в раздумья. Ему показалось, будто кто-то вошел в шатер, и он поднял голову. Перед ним стоял странный и страшный призрак. Набравшись смелости, Брут спросил, зачем тот пришел. «Я твой злой гений, — ответил при-

зрак. И, уже исчезая, добавил: — Ты еще увидишь меня при Филиппах».

Так пишет в «Жизнеописаниях» Плутарх. Нет никаких причин считать, что биограф все придумал или что Брут не верил в посещение призрака. Он жил в эпоху суеверий. Даже и в наши времена люди нередко рассказывают о сверхъестественных явлениях, как бы скептически мы к этому ни относились.

Холодным серым утром Кассий на удивление по-современному проанализировал увиденное Брутом. Привидений как таковых, сказал он, не существует; то, что видел его друг, лишь мысленные образы, навеянные непосильными трудами и переживаниями. Кассий не стал перечислять эти переживания, но нам они известны: убийство любовника матери, Юлия Цезаря, ожидание мести со стороны воинов Лепида, бегство из Рима под страхом народной расправы, изгнание из родной земли. Рискуя жизнью и карьерой, Брут незаконно повел за границу римские легионы, командовал ими в бою — для чего его характер совершенно не годился.

В довершение всего Брут недавно получил известие об ужасном самоубийстве жены: она проглотила тлеющий уголь. Когда он покидал Италию, измученная Порция старалась утаить свое горе от расставания с мужем. Но их разлука затянулась, а политические и военные события в стране обернулись против Брута; все это приводило ее в отчаяние. Изо дня в день, пишет Плутарх, Порция рыдала перед изображением сцены из «Илиады» Гомера, где верная Андромаха прощается с Гектором перед его роковой битвой с Ахиллом, принимая из его рук маленького сына. Смерть Порции была еще одним непредвиденным следствием гражданской войны, которую, как вполне можно утверждать, спровоцировал сам же Брут убийством Цезаря. Можно еще добавить, что высказывание Кассия о психическом состоянии Брута, его рассуждение о видимости и

реальности говорит за то, что сам Кассий не спутал бы одно с другим и не расстался бы с жизнью просто по недоразумению.

После смерти товарища Брут продержался за укреплениями еще три недели, а Октавиан и Антоний тщетно пытались его оттуда выманить. К их удивлению, как-то утром в середине ноября он неожиданно вывел свои легионы на открытую местность. С военной точки зрения шаг был совершенно непонятный. К тому времени Брут наверняка знал о том, что республиканский флот лишил триумвиров возможности доставлять припасы морем. Ему следовало какое-то время просто не обращать внимания на оскорбительные крики и выходки обманутых в своих надеждах цезарианцев. Скоро им пришлось бы уйти — добывать на зиму продовольствие. Говорили, что Брут уступил требованиям некоторых офицеров, рвавшихся перейти в наступление, но, видимо, напряженное ожидание оказалось для него слишком тяжелым, и он окончательно сломался.

Чем бы ни объяснялся такой поступок, окончился он полным крахом республиканских сил. Был во время боя такой момент, когда легионы Октавиана едва устояли, зато Антоний пошел в стремительное наступление и выиграл битву. Бруту удалось уйти в горы вместе с остатками четырех легионов, однако положение его было безнадежно. Он покончил с собой, как это сделали некоторые главные оптиматы, включая Марка Ливия, отца будущей супруги Октавиана — Ливии. Многие обладатели известных имен погибли с оружием в руках, как, например, сын Катона, который убил в тот день множество врагов, прежде чем пал, сраженный солдатами противника.

Жертвы проскрипций, когда их вели в цепях на казнь, оскорбляли Октавиана, но приветствовали Антония как достойного победителя. Вероятно, они считали молодого человека малодушным. Вероятно, они были правы.

XI

Закат республики

Разгром войск Брута и Кассия у Филипп принято считать концом республики. Образование Римской империи как огромной монархической державы, управляемой одним человеком, считается в какой-то степени неизбежным следствием недолгого переходного периода — периода Второго триумvirата. Подобная точка зрения возможна лишь в далекой ретроспективе. Непосредственно после сражений при Филиппах Италию до такой степени сотрясали местные гражданские столкновения и социальные раздоры — несмотря на всеобщее стремление к миру (среди тех, кого переселения непосредственно не затронули), что это могло кончиться возвращением к какой-либо форме олигархической республики или же разделением страны на два или больше отдельных государства.

События при Филиппах принято считать поворотным пунктом еще и потому, что письменные источники после них становятся значительно скуднее. Современные историки обычно сразу переходят к битве при Акции в 31 году до нашей эры, когда потерпели окончательное поражение Антоний и Клеопатра.

Пресловутая «римская революция» если и была вообще — в виде восстания рядовых граждан против правительства, — то это, несомненно, произошло, когда земледельцы и городское население в 41 году до нашей эры поднялись одновременно во многих частях Италии, стремясь не допустить захвата их наделов и домов бывшими легионерами. Они боролись с властью триумvirата отчасти во имя республики, в восстановлении которой видели наиболее верное средство удержаться на своей земле.

Восстание провалилось, а у истории нет времени для побежденных.

Применив грубую силу, отслужившие легионеры в конце концов захватили имущество, обещанное им триумвирами. Часто им приходилось перешагивать через трупы бывших владельцев, людей, ничем не заслуживших, чтобы их подвергли столь беспощадному грабежу и низвели до положения бездомных и нищих. Происходил широкомасштабный передел собственности, причем представители низших слоев получали дома и поля не только людей более высокого положения, но иногда и людей такого же, как они сами, сословия. То не была пролетарская революция в марксистском понимании. Солдаты-пролетарии лишь получали от Октавиана и Антония плату по контракту — за военные действия против оптиматов.

Антоний, бесспорный победитель битвы при Филиппах, выбрал более подходящую для него задачу — навести порядок в пребывающих в страхе и разорении восточных землях империи. Он не стал возвращаться с Октавианом в Италию, а сразу поспешил на восток, надеясь собрать деньги для выплаты ветеранам наградных, помимо обещанных земель. Антоний взял с собой восемь легионов, два из которых позаимствовал у своего младшего коллеги, а остальным легионерам предстояло вернуться на родину. Число их сильно увеличилось благодаря сдавшимся солдатам противника. Антоний понимал, что Октавиану с таким количеством людей придется весьма нелегко — у него теперь насчитывалось до ста семидесяти тысяч солдат, гораздо больше, чем нужно. Кормить их и одевать во время зимнего перехода через македонские горные районы, а потом переправлять через Адриатику — та еще головная боль для полководца.

Октавиан, как говорят, добровольно взял на себя эту задачу. Хотя подобную версию, вероятно, придумали позже, с целью подчеркнуть его заботу о ветеранах и замазать не-

приглядную правду: в то время он пользовался куда меньшим авторитетом, чем Антоний.

Если же Октавиан и вправду охотно взялся за подобный труд, это говорит о его удивительной политической зрелости. Дважды его решение чуть не стоило ему жизни: полководцу пришлось столкнуться с разъяренными солдатами — и своими, и Антония. Зато успешно выполнив задачу, Октавиан приобрел такой большой политический капитал, которого не было ни у его предшественников, ни у соперников.

Прежде чем разделить и двинуться каждый своим путем, оба триумвира произвели новый раздел провинций, дабы привести его в соответствие с новым, более высоким статусом Антония и прибавить земель Октавиану — за счет Лепида. Помимо восточной части страны Антоний получил всю Галлию по другую сторону Альп, но согласился, что северная Цизальпинская Галлия отныне перестанет считаться провинцией и будет частью римской Италии и управляться из столицы, как изначально планировал Юлий Цезарь. Октавиан забрал у Лепида Испанию; Лепида подозревали в предательских переговорах с Секстом Помпеем. Судьбу Лепида предстояло решить младшему полководцу. Если окажется, что Лепид виновен — получит мятежную провинцию Африку.

По пути в Рим здоровье Октавиана продолжало ухудшаться. До Рима дошли слухи, что он умер в горах Македонии. Октавиан двигался вперед, хоть и с частыми остановками, затем перенес трудное плавание через Адриатику до Брундизия. Здесь он ненадолго задержался, чтобы набраться сил. Следовало дать знать о себе сенату: многие сенаторы разрывались между ликованием и скорбью — в зависимости от того, верили они в его смерть или выздоровление. Октавиан писал, что возвращается в добром расположении духа и будет вести себя, как и его приемный отец. Это было правдой, во всяком случае, на тот момент. Ведь при поддержке сената провести переселение будет проще.

Октавиан заставил сенаторов, большинство из которых ранее сочувствовали побежденным, праздновать события у Филипп как большую победу Рима; не такое уж суровое наказание для тех, кто только и мечтал, чтобы убийцы Юлия Цезаря расправились с его наследником.

Явившись в Рим ранней весной 41 года до нашей эры, Октавиан имел при себе экземпляр договора с Антонием — подписанный и с печатями. Он показал его двум новым консулам — Сульпицию Изаурику и брату Антония Луцию, а также Лепиду — чтобы заручиться их содействием. Помощь их была незначительной и недолгой. Изаурик, разумеется, злился на Октавиана за то, что тот отверг его дочь Сервилию. Патрицию Лепиду наверняка было противно оправдываться перед молодым выскочкой и стараться вернуть его расположение. Октавиан решил поверить Лепиду, и, таким образом, тот остался в числе триумвиров.

Луций сначала помогал Октавиану вместе со своей невесткой Фульвией. Оба, по-видимому, надеялись, что благодаря недавнему браку Октавиана с Клодией они, как ближайшие члены семьи, разделят с ним власть. Они сильно недооценили характер и решимость молодого человека. Октавиан уже оправился от болезни и не собирался ни с кем делиться властью — разве что по необходимости — и уж точно не с тещей, которая к тому же позволяла себе кричать на зятя. Вскоре и Фульвия, и Луций начали активно ему препятствовать с помощью агента Антония — Мания. Пока они держались в рамках закона, Октавиан ничего поделать не мог, не рискуя окончательно рассориться с Антонием. Однако они стали действовать очень грубо и откровенно, и Октавиан заподозрил, что за их сопротивлением стоит сам Антоний.

Возможно, он был и прав — во всяком случае, Антоний наверняка проинструктировал их, пока он сам в отъезде, защищать его интересы. Ведь он не мог не понимать, что идет на определенный риск, оставляя Октавиану значитель-

но большее, чем у него самого, войско; наверное, тут сыграло роль мнение Антония о полководческих способностях Октавиана — то есть об их отсутствии. Давал ли Антоний Фульвии и Луцию дальнейшие распоряжения о том, как поступать в конкретных обстоятельствах, — сказать трудно, учитывая возможности тогдашней связи; однако и исключить такое предположение нельзя. Оба, разумеется, утверждали, что действуют в интересах Антония, хотя некоторые из его старших легатов, командовавших галльскими легионами, выказывали по этому поводу серьезные сомнения.

Многие современные защитники Антония, такие как Сайм, считают, что нарушить торжественно заключенный договор было не в его характере и принципах; Сайм винит во всем Фульвию. «Она желает одержать верх — если не уничтожить, то хотя бы дискредитировать этого строптивого вождя цезарианцев, — пишет он, — и добыть власть для своего отсутствующего и ничего не подозревающего супруга, власть, которая его едва ли интересует».

При тщательном анализе становится ясно: доказательств участия Антония в интриге нет, как нет и доказательств противоположного, однако его желание избавиться от опасного соперника сомнений не вызывает. В прошлом Октавиан не раз мешал его возвышению и мог помешать снова. Вероятно, Антоний надеялся, что бывший враг потерпит полное поражение с расселением легионеров и окончательно утратит авторитет.

Дело, за которое взялся Октавиан, представляло поистине геркулесов труд. В стране творился хаос. Толпы ветеранов желали немедленно получить все восемнадцать городов, обещанных им в качестве награды. Гражданские власти, вполне естественно, требовали, чтобы это бремя несла вся Италия, и тем, кого лишают земли, следует выплатить компенсацию. Между разоряемыми земледельцами и грабителями-ветеранами компромисс был невозможен.

Противостояние, начавшееся с потасовок и проломленных голов, вылилось в смертельные бои на улицах и в прилегающих к городам полях и садах.

Повсюду царил голод. Земли во многих областях по много лет оставались невозделанными, рыскали в поисках съестного банды убийц; Секст Помпей перехватывал в море корабли, шедшие в Италию с зерном, и устраивал набеги на сушу — забирал все, что удастся найти. Выселенные крестьяне и мелкие землевладельцы отправлялись в столицу, часто ведя с собой большие семьи, чтобы правители видели их ничем не заслуженные бедствия. Почему их согнали с собственных земель точно скот? Жители Рима плакали от жалости, но помочь не могли — они и сами голодали.

Сенаторы тем временем давили на Октавиана, чтобы конфискация земель их не коснулась, и поскольку Октавиан без их поддержки не мог справиться с расселением своих все более неуправляемых солдат, он уступил.

Греческий историк Аппиан, описывая сцены всеобщих страданий и разрухи, подчеркивает, что простые люди понимали: недавние войны велись не в интересах республики, а против народа и ради изменения государственного строя. Настоящая причина для создания такого множества солдатских поселений вовсе не вознаграждение легионеров за верную службу, а основание колоний опытных воинов, готовых служить своим правителям, если в будущем возникнет такая нужда. Именно так дело обстояло для Октавиана. Для Рима происходящее означало отмирание демократии, пусть даже она и существовала в ограниченном виде.

Стараясь не допустить худшего, наш деятельный молодой человек отправился в поездку по стране. Выселяемым земледельцам было бесполезно доказывать необходимость подобной политики, но Октавиан надеялся убедить их, что лучше уступить добровольно, чем погибнуть от рук легионеров, твердо намеренных заполнить обещанную награду.

Во многих местах солдаты захватывали больше, чем им полагалось, и выбирали лучшие земли, не обращая внимания ни на чьи протесты, в том числе и Октавиана. Свое новое правительство, пишет Аппиан, солдаты презирали, ибо оно не могло утвердиться без их помощи; в то же время им приходилось его поддерживать, ведь от правительства зависело, будет ли закреплено законом обладание отнятыми землями.

Среди всего этого хаоса брат Антония Луций пытался ради собственной выгоды столкнуть две стороны. Как консул он разглагольствовал перед бывшими легионерами, которые сражались под командованием его брата, что они не получают обещанного, пока за дело не возьмется сам Антоний. Октавиан понимал: всякое серьезное промедление с раздачей земель приведет к еще большим беспорядкам. На море неспокойно; а пока он отправит Антонию письмо сущей и дождется ответа, пройдут месяцы. И Октавиан разрешил взрывоопасную ситуацию, позволив, против ожиданий, сторонникам Антония возглавить некоторые из военных поселений.

Если легионерам казалось, что с ними обошлись несправедливо, они становились неуправляемы — Октавиан знал это по собственному опыту. Однажды в театре некий солдат занял место, предназначенное для всадников, и Октавиан приказал его прогнать. Тут же разошелся слух, что солдата казнили. Октавиана окружила толпа его товарищей, жаждущих мести. Он избежал гибели, пишет Светоний, только благодаря своевременному возвращению солдата. В другой раз Октавиан опоздал на назначенную с ветеранами встречу; они убили центуриона, который пытался оправдать опоздание своего полководца, и бросили его тело в Тибр. Друзья советовали Октавиану не ходить на эту встречу, но он решил рискнуть. Отвернувшись от мертвого тела — ветераны вытащили его из реки и положили на виду, — он наделял их землями и

укорял за убийство центуриона. Видя его спокойствие, солдаты стали его восхвалять.

И вот в такой ситуации Луций решил встать на защиту разоряемых земледельцев и собственников. Он заявил о своем законном консульском праве набирать войска без чье-го-либо разрешения. Обрадованные поддержкой действующего консула, те, кто пытался разрозненными силами оказать сопротивление, стали собираться под его знаменем. К Луцию устремились многие из оставшихся оптиматов — врагов Октавиана. Против молодого триумвира вдруг образовалась целая коалиция из приверженцев Антония, оптиматов, и отчаянных бунтовщиков, которым стало нечего терять.

Фульвия поначалу противилась такой резкой перемене курса — с поддержки ветеранов на помощь их противникам. Если верить Аппиану, передумать ее заставил Маний, который утверждал, что Антоний, ставший любовником Клеопатры, не покинет Александрию, пока в Италии все спокойно. Тут отражен типичный для того времени предрассудок — если, мол, женщина занимается политикой, то движут ею исключительно личные чувства, в данном случае ревность. Антоний, возможно, уже успел приехать в Египет, но вряд ли вести о его связи с царицей могли достичь Рима.

Большую часть 41 года до нашей эры Антоний наводил порядок в восточных областях, пострадавших от безжалостной тирании Кассия и Брута. Хроникеры того времени много пишут о его (вероятно, заслуженной) славе пьяницы и распутника, равно как и о его любви к восточной экзотике. Когда Антоний торжественно въезжал в Эфес — большой город в провинции Азии, — его приветствовали, как бога Диониса (Вакха). Впрочем, и о делах он не забывал. Антоний предъявил неслыханное требование: чтобы Азия выплатила ему подати на десять лет вперед, а в ответ на просьбы о милости позволил заплатить за девять лет и выплатить в течение двух лет вместо одного.

Те, кто противодействовал заговорщикам, получили возмещение. Антоний приказал освободить жителей Тарса, проданных в рабство ради уплаты податей Кассию, а также помог Лаодикее, Ксанфу, Ликии и острову Родосу. В Тарсе он встретился с Клеопатрой, которую вызвал из Египта, но не как с возлюбленной, а как с правительницей, чьи действия во время гражданской войны выглядели двусмысленно. Царице удалось убедить Антония, что четыре легиона, которые перешли в Палестине на сторону Кассия, она выслала на помощь Долабелле, а не убийцам Цезаря. Клеопатра обезопасила себя от любых обвинений, весьма эффектно обставив свое прибытие в Тарс: царица плыла в ладье с пурпурными парусами и посеребренными веслами, она была в наряде Венеры, ее окружали маленькие мальчики с опахалами, изображавшие купидонов, а музыканты играли на флейтах и свирелях.

Сняв с себя все обвинения, Клеопатра одна вернулась в Египет. И только месяц спустя туда прибыл Антоний, который еще не стал ее любовником и поехал просто с целью добыть денег. Его жена вряд ли могла, находясь далеко, в Риме, иметь свидетельства его предполагаемой неверности. Если у Фульвии и были личные причины присоединиться к Луцию, то объяснялись они скорее всего неожиданным расколом в семье: после возвращения от Филипп Октавиан развелся с ее дочерью Клодией. В брачные отношения молодые не вступали; муж отослал Клодию к матери *virgo intacta* (девственницей). То была пощечина — и супруге и теще, — равно как и демонстрация враждебности к Антонию.

Офицеры-цезарианцы пытались сохранить порядок. Предварительный договор между Октавианом и Луцием расстроился, потому что многие его пункты не соблюдались. Было, однако, выполнено соглашение, касающееся Азиния Поллиона, который, как легат Антония, находился на севере Италии, что он беспрепятственно пропустит в

Испанию шесть легионов Октавиана под командованием Сальвидиена Руфа. Другой легат, Вентидий, тоже полководец Антония, явно предпочитал сотрудничать с консулом Луцием, а не подчиняться триумвиру Октавиану.

Флот республиканцев под командованием Секста Помпея и Домиция Агенобарба по-прежнему совершал набеги на берега Италии. Если все вражеские силы объединятся и одновременно нападут на Октавиана, на их стороне будет огромный численный перевес.

Молодой человек так усиленно занимался вопросами расселения ветеранов, что совсем позабыл о необходимости укреплять свою власть. Ему следовало иметь достаточно легионов для защиты себя и своих сторонников в Риме — как от старых врагов, так и новых, которые заводились у него каждый день, иногда сотнями. Первейшая ошибка Октавиана — требовать, чтобы Сальвидиен повел в Испанию шесть легионов, даже после того, как Луций раскрыл карты. Быть может, получив такие обширные земли на западе, Октавиан возгордился и утратил способность рассуждать здраво? Теперь он спешно послал гонцов, чтобы вернуть эти шесть легионов, но было, видимо, уже поздно. То, что Поллион сделал однажды, он мог повторить: заблокировать идущему обратно в Италию Сальвидиену проход на узкой полосе побережья.

Таким образом, у Октавиана помимо немалого числа личных охранников оставалось лишь четыре его собственных легиона в Капуе. Он отправил один из них в Брундизий — якобы защитить этот юго-восточный порт от непрекращающихся нападений Агенобарба, а на самом деле задержать возможное вторжение Антония, которого ожидал и боялся. С целью противостоять угрозе Луция и Фульвии Октавиан начал также вербовать солдат по всей Италии, призывая вернуться в строй тех, кого он только что с таким трудом расселил. Чтобы им заплатить, Октавиан «заимствовал» деньги из храмовых сокровищниц. Фульвия тем временем самостоятельно набрала два легиона из ветеранов

своего мужа и отдала их под командование Планку. Сама она со многими сенаторами и всадниками укрылась в Пренесте (современная Палестрина), к востоку от Рима. Фульвия носила меч и лично отдавала распоряжения солдатам, охранявшим город.

Никто из предводителей ни с той ни с другой стороны не удосужился спросить у солдат, желают ли они еще одну гражданскую войну сразу после того, как кончилась предыдущая. А они совершенно не желали. Цезарианцев всех мастей — и сторонников Антония, и сторонников Октавиана — объединяло одно стремление: прекратить бойню и вернуться к нормальной жизни и регулярному снабжению продовольствием. В результате произошла беспрецедентная демонстрация военных в защиту мира.

На Капитолийский холм поднялись тысячи ветеранов; для них словно не существовали ни сенат, ни магистраты, ни толпившиеся на Форуме римляне. Далее легионеры — как если бы они были законно созванным народным собранием — потребовали, чтобы им зачитали договор, заключенный Антонием и Октавианом. Этот документ, по их мнению, давал отличный шанс предотвратить войну. Если заставить подписавших соблюдать его условия, то и *casus belli** не возникнет. Легионеры проголосовали за утверждение договора; Октавиан тоже присутствовал, но какова именно его роль в подготовке акции, не ясно. Он, конечно, одобрил решение ветеранов, а вот Луций грозил расторгнуть договор, хотя и твердил, что действует в интересах своего отсутствующего брата.

Затем легионеры — в условиях республиканской системы сенаторы-аристократы могли счесть это исключительно дерзкой узурпацией их законных прав — назначили себя судьями в разногласиях между Октавианом и Луцием. Чтобы придать своим действиям видимость законности, леги-

* *Casus belli* (лат.) — повод для объявления войны.

онеры записали результаты голосования на табличках и отдали их на хранение весталкам. Затем, продолжая выполнять взятую на себя роль судей, они потребовали, чтобы Октавиан предстал перед ними в назначенный день, и послали такое же требование Луцию. Для встречи был выбран город Габии, неподалеку от Пренесте. Первым прибыл Октавиан. Опасаясь, что Луций приведет с собой большое войско, он выслал по дороге на Пренесте разведывательный конный отряд.

Произошло столкновение, в котором погибли несколько солдат из охраны консула. Луций, понятное дело, ехать дальше не захотел. Трибунал признал его и Фульвию виновными в раздорах, однако решение в пользу Октавиана вовсе не означало, что легионеры передумали и решили воевать против бывших товарищей. Для этой цели гораздо больше подходили мирные земледельцы.

А не были ли и собрание ветеранов на Капитолии, и суд всего лишь хорошо продуманным фарсом? Не были ли они, иными словами, тщательно подготовлены Октавианом с целью добиться поддержки и оттянуть столкновение, пока его шесть легионов не вернутся благополучно из неудавшегося похода в Испанию (что им и удалось)? Много чего можно подозревать, но ничего — доказать. Луций посмеялся над «сенатом в сапогах» и продолжил набирать войско. Октавиан, на седьмом небе оттого, что солдаты приняли его сторону, оставил для защиты Рима два легиона во главе с Лепидом, а сам отправился на север. Это была и тактическая, и стратегическая ошибка. Луций отправился другим путем на юг и с четырьмя легионами вошел в Рим. Лепид бежал к Октавиану, бросив оба легиона, которые и не пытались защищать город, а переметнулись к Луцию.

Консул созвал сенат и народное собрание, и в нем, конечно же, принимали участие и его солдаты. Им он приказал одобрить намерение Антония уйти из триумvirата и стать консулом, то есть отказаться от незаконной власти в

обмен на законную. Сам Луций тем временем собирался наказать Октавиана и Лепида за противоправные действия в качестве триумвиров. Это был недвусмысленный призыв к восстановлению республики, и собрание провозгласило Луция императором. В ушах его еще звенели приветственные крики, когда он снова пошел на север, теперь уже с шестью легионами, собираясь объединить их с войсками, возглавляемыми легатами Вентидием и Поллионом.

Снова — теперь уже в последний раз — оптиматы почувляли победу. И снова им предстояло разочароваться. Секст Помпей, который командовал большими силами и контролировал морские пути, покидал Сицилию только ради пиратских вылазок, хотя в его лагере было много беженцев-оптиматов. Антонию предстояло вернуться в Италию лишь в следующем году. Планам Луция помешало прибытие в Италию квестора Антония — Марка Филиппа Барбация, который сообщил, что Антоний не одобряет тех, кто поднимает оружие на Октавиана и тем самым вредит триумвирату. По мнению Аппиана, Барбаций намеренно лгал, так как поссорился с Антонием, но, так это или нет, некоторые из сторонников Луция, поверив, что Барбаций говорит от имени Антония, перешли на сторону Октавиана.

Возвращаясь на север, Луций оказался в опасном положении: вместо потенциальных союзников Поллиона и Вентидия он рисковал встретить Сальвидиена с его шестью легионами. А по пятам за консулом шли свежие войска младшего триумвира под командованием энергичного Агриппы — детского друга Октавиана. Агриппа был примерно того же возраста, что и сам Октавиан, но как полководец в значительной степени превосходил начальника. Не желая ввязываться в бой, в котором его большей частью неопытные солдаты могли попасть в окружение, Луций на свою беду свернул в сторону и разбил лагерь у стен Перузии.

Зная, что Планк, Поллион и Вентидий находятся на расстоянии всего нескольких дней пути, Луций решил не прятаться за неприступными стенами этого древнего этрусского города, стоящего на возвышенности среди холмов Умбрии — милях в десяти от озера Тразимено и меньше чем в двух милях от верхнего течения Тибра. Его надежда, что три полководца Антония пробьются к нему на выручку, была необоснованной. Осознав ошибку, Луций ввел войско в Перузию, но, как оказалось, поздно: он не успел собрать достаточно припасов для долгой осады. Из Рима явился сам Октавиан с ветеранами-сверхсрочниками — помочь Агриппе и Сальвидиену закрыть ловушку, в которую столь глупо попало консульское войско.

Поллион и Вентидий не любили друг друга, и оба не любили Планка. Без Антония некому было уговорить или заставить их действовать согласованно, и они вели себя словно полководцы трех разных армий. У них отсутствовал единый план, и они не собирались выполнять приказания женщины — пусть даже она может пожаловаться на них мужу. А Луций, хоть и действующий консул, как полководец значительно им уступал. Всем троим оставалось только гадать, чего ждет от них Антоний, вот они и осторожничали. Они остановились в двадцати милях от Перузии — Луций мог видеть, как они обменивались световыми сигналами, — а Сальвидиен и Агриппа заняли позицию напротив них, но сигнала к атаке не давали.

Это противостояние вылилось в новую победу взявшихся за политику солдат. Когда «союзники» Луция ушли, не метнув ни одного копья, Октавиан даже не посмотрел им вслед. Он был слишком занят возведением контрвалационных линий и оборонительных укреплений — по примеру своего приемного отца. Загнав зверя в ловушку, Октавиан не собирался позволить Луцию ускользнуть и начать сражение. Не имея необходимости брать город приступом, он позаботился, чтобы осажденные не смогли прорваться че-

рез внутреннее кольцо укреплений, а те, кто придет им на помощь, — одолеть внешнее кольцо. Затем Октавиан стал ждать, пока голод довершит начатое.

Поллион тем временем отошел на зимние квартиры в Равенну, Вентидий к Армину, а Планк — на юг, к Сполецию. Близость к морю давала им шанс отступить водным путем. Полководцы уже поняли, что их солдаты не станут сражаться против наследника Цезаря во имя землевладельцев и оптиматов, которые, несомненно, станут препятствовать расселению, когда этим солдатам придет время уходить из армии.

Другие одиннадцать легионов Антония стояли в Галлии без дела; большая часть их располагалась вблизи Альп, а командовал ими Фуфий Кален, который стойко защищал в сенате интересы Антония, когда последнему изменила удача. Он лучше других знал настоящие планы Антония. Именно Кален, действуя по указке Антония, отказался отдать Октавиану два легиона взамен тех, что Октавиан передал старшему коллеге под Филиппами, хотя эта передача была оговорена документально.

В канун нового года Луций попытался выйти из патовой ситуации — вырваться из Перузии, но после тяжелого боя отошел за стены города. Октавиан к тому времени выстроил вокруг Перузии не меньше полутора тысяч сторожевых башен на расстоянии примерно двадцати метров друг от друга. Однако Луций опять попытался совершить прорыв — ночью и по всей окружности укреплений. Неудача вынудила его более скупое распределять продовольствие, а рабам вообще не выдавать еды. Он лишил рабов всякой возможности перебежать к осаждающим, чтобы они не рассказали, какой страшный голод царит за стенами города. Несчастные питались травой и листьями. Умерших от голода было приказано закапывать в рвы — вопреки римскому обычаю сжигать трупы, — ведь противник мог по запаху дыма догадаться о происходящем.

Осажденные капитулировали в конце февраля, после того как Октавиан сказал парламентарам Луция, что солдатам Антония обещает полную амнистию, а все остальные должны безоговорочно сдаться на милость победителя. Это решение очень понравилось солдатам Октавиана, которые объятиями встречали своих истощенных товарищей. Луцию тоже предоставили свободу, но казнили нескольких сенаторов и всадников из числа его сторонников.

Октавиан приказал казнить и всех членов городского совета Перузии — в назидание прочим, — за исключением одного человека, который, будучи судьей в Риме, голосовал за наказание убийц Цезаря. Простым горожанам сохранили жизнь, но город отдали войску на разграбление. Конец грабежу быстро положило страшное происшествие: один местный житель, бывший, как говорили, не в себе, заперся у себя в доме и поджег его, в результате чего сгорел весь город.

Прошло довольно много времени, и пошли разговоры о якобы проявленной Октавианом варварской жестокости. Ходили слухи — пишут и Светоний, и Дион, — что триста всадников и сенаторов бросили в тюрьму и держали там до мартовских ид, чтобы принести в жертву у алтаря Юлию Цезарю. Аппиан, чье описание Перузийской войны самое подробное из сохранившихся, о подобных событиях не упоминает, хотя уделяет довольно много внимания судьбе других капитулировавших. Эта история о человеческих жертвоприношениях мало у кого из современных историков вызывает доверие. Добавляет нам скептицизма и еще один слух, упомянутый у Светония, слух еще более невероятный: Октавиан развязал войну, чтобы его тайные противники среди сенаторов и всадников поспешили присоединиться к Луцию и тем самым выдали себя, а Октавиан смог бы конфисковать их имущество и расплатиться с войсками.

С поражением Луция прекратилось организованное сопротивление переделу земель. Итальянские города, которые поддерживали бывшего консула, перешли на сторону Окта-

виана. Фульвия с детьми бежала в Брундизий, где встретила товарища по несчастью — Планка, который лишился двух собранных ею легионов. Вместе они отплыли в Афины. Каллен умер своей смертью, и его одиннадцать легионов достались Октавиану. Вентидий отплыл на север и некоторое время удерживал Венецию; войско его пока было цело. Поллион, вместо того чтобы занять предназначенный ему консульский пост, бежал к Агенбарбу и убедил республиканского флотоводца попытаться счастья в лагере Антония.

Что же касается самой республики, то она окончательно и бесповоротно погибла в пламени Перузии.

Октавиан решил сделать почетный и временный титул императора своим преноменом; отныне он именовался: *Imperator Caesar Divi Filius* — император, сын божественного Цезаря. С того дня, как Рим изгнал царя Тарквиния и отказался от монархии, минуло почти полтысячелетия. Никогда больше *Senatus Populusque Romanus* не будет управлять гражданами Рима и завоеванными народами, разве что номинально; новую систему установит двадцатидвухлетний виновник падения республики, который теперь вернулся в Рим как фактический правитель половины страны. С того дня, как он бросил учебу и уехал из Аполлонии, прошло лишь четыре года.

XII

Новый властелин западных земель

Опомнившись от сладких грез в объятиях Клеопатры, Антоний вдруг обнаружил, что другие его грезы — о будущей славе и власти — могут рассеяться, как туман над Нилом. Пока он пробездельничал зиму во дворце Птолемеев, парфяне вторглись в Сирию, а на родине молодой соперник обошел всех его полководцев.

Антоний выехал из Египта, расставшись с Клеопатрой, уже носившей его близнецов, примерно в то время, когда пала Перузия. Он поспешил на север с твердым намерением ликвидировать парфянскую угрозу; по дороге гонцы доставляли ему все новые подробности произошедшего в Италии бедствия — словно герою классической греческой трагедии, где все важнейшие действия происходят за сценой, — и Антоний повернул на запад. Когда он встретился в Афинах с Фульвией, то уже знал о самом худшем: бестолковое вмешательство супруги и брата могло стоить ему власти, за которую он столько боролся.

Гнев его был ужасен. Фульвия тогда уже болела. Антоний осыпал супругу жестокими упреками, а жить ей оставалось недолго. Но что такое настоящее отчаяние, Фульвия узнала, когда муж уехал из Греции без нее, он даже не захотел встретиться с ней перед отъездом, не захотел проститься.

Настала очередь Антония, как раньше Октавиана, отплыть к восточному побережью Италии, не зная, как встретят его власти — примут или станут преследовать. Во враждебном отношении Октавиана Антоний не сомневался. От Секста Помпея к нему в Афины приезжали посланники с предложением помочь отвоевать Италию. Вместе с посланниками прибыла и мать Антония Юлия. Октавиан не представлял для нее прямой угрозы, но ее бегство с материка под защиту Секста тоже говорит о многом.

Антоний оставил на других то, что следовало проконтролировать самому, и теперь расплачивался. Еще до того, как он прибыл в Египет, чтобы возобновить знакомство с Клеопатрой, Антоний отлично знал: Луций и Фульвия изо всех сил стараются помешать Октавиану выполнить задачи, которые он, как обладающий самым большим *auctoritas* триумвир, сам же и санкционировал. Летом 41 года до нашей эры Октавиан два раза отправлял Антонию посольство с протестом против того, что делалось от имени последне-

го, и требовал положить этому конец. Требование было резонное. Один из посланников вернулся в Рим с пустыми руками; другой, Луций Кокцей Нерва остался в окружении Антония и сопровождал его в Александрию. Оба триумвира, видимо, доверяли Нерве, как искуснейшему дипломату, но из него вышел еще и надежный осведомитель, который сообщал Октавиану о планах и настроениях Антония, хотя не склонен был сплетничать по поводу его частной жизни и связи с Клеопатрой.

Антонию попросту следовало недвусмысленно сказать брату, супруге и агенту, чтобы они не препятствовали кампании по расселению ветеранов и держали себя в руках. Сделай он так, они бы не развязали против его воли гражданскую войну, утверждая, что именно этого Антоний и хочет. Вероятно, Антоний если и не подстрекал своих близких, то и не выказывал отрицательного отношения к их явному сговору с оптиматами, который неизбежно вел к крайним мерам и с той и с другой стороны.

Антоний имел отличный предлог для бездействия — он был слишком далеко от Италии, чтобы успешно решить задачу, поставленную перед Октавианом и Лепидом, чья власть, поддерживаемая большим войском, позволяла им принимать любые желаемые меры. Судя по всему, он не пытался согласовать действия своих полководцев с действиями Луция и Фульвии, иначе полководцы такого уровня, как Вентидий и Поллион, начали бы действовать вовремя и не попали бы в столь трудное положение, из которого хоть и возможно, но очень трудно выбраться.

За то, что делалось его именем, Антоний отвечать не хотел, а между тем ему достаточно было дать четкие указания своим сторонникам, и среди цезарианцев не произошел бы раскол; когда же благодаря Луцию и Фульвии это все-таки случилось, Антоний проиграл все.

Своими действиями Луций и Фульвия заставили легионеров думать, что Антоний отступился от плана переселе-

ния; так же как некогда Октавиан убедил их, что его старшему товарищу нельзя доверять дело отмщения за Цезаря.

Еще более тяжелый урок Антоний получил, когда не смог выплатить обещанные денежные вознаграждения. Октавиан, напротив, показал твердое намерение выполнить свои обязательства по расселению солдат и заплатить им столько, сколько сможет, даже если придется добавить из собственного кармана, а также потратить на это налоги и сделать займы. Отныне, пусть легионеры и уважали Антония как полководца-завоевателя, сражаться на его стороне против Октавиана согласились бы немногие, даже из тех, кто проживал в военных поселениях, формально числившихся за Антонием.

Когда Антоний прибыл из-за границы, он не готов был принять неприятную правду.

Триумвир вошел в воды Италии летом 40 года до нашей эры с флотом из двухсот кораблей, построенных им в Азии для перевозки авангардных частей войска. Самой большой его удачей стала встреча на пути с острова Керкиры с Домицием Агенобарбом — лихим республиканским флотоводцем, который раньше был его смертельным врагом; Агенобарб окончательно отошел от побежденных Брута и Кассия после падения Перузии, поддавшись уговорам Поллиона.

При неожиданном появлении у Брундизия объединенной флотилии Антония и Агенобарба пять когорт Октавиана, охранявших город, быстро приняли меры, чтобы не пропустить врага. Антонию они бы еще позволили бросить якорь у Брундизия, но договариваться с Агенобарбом не желали: он был враг государства, и за его голову объявили награду. Последние два года Агенобарб грабил и город, и близлежащие земли, забирая припасы и уничтожая урожай.

Когда Антоний высадился чуть поодаль вместе с конницей, гарнизон закрыл городские ворота, чтобы он не вошел в город со стороны суши. И Антоний решил: защитники действуют по особым указаниям Октавиана, иначе они

не рискнули бы оскорбить человека, который, хотя бы теоретически, имеет такую же власть, как и его соперник, и уже продемонстрировал готовность подвергать децимации непокорных солдат. Полагая, что этим столкновением Октавиан хочет развязать новую гражданскую войну в отместку за события у Перузии, Антоний выгрузил остальных солдат, послал корабли в Македонию за подкреплением и начал готовить осаду Брундизия. Ему требовался порт для быстрой и безопасной высадки прибывающих войск, а теперь, когда он контролировал с помощью Секста и Агенобарба и морские пути, Антоний рассчитал, что лучший вариант — обеспечить плацдарм, с которого можно начать массивное наступление.

Секст немедленно выслал с Сицилии корабли — грабить южное и восточное побережья и высадил солдат для нападения на Фурии, город, откуда происходил родной отец Октавиана, Гай Филипп. Одновременно вольноотпущенник Менодор, получивший от Помпея четыре легиона, вторгся на большой и стратегически важный остров Сардинию у западного побережья Италии и разгромил тамошние малочисленные части. Октавиан, не сразу узнав о прибытии Антония, послал из Рима в Брундизий Агриппу с войском, которое тот пополнил по дороге, призвав под свои знамена недавно вышедших в отставку ветеранов. Первоначально они предполагали воевать с Помпеем, но когда речь пошла о сражении с Антонием, некоторые из них повернули обратно.

Встревоженный Октавиан сам отправился вслед за Агриппой, ведя еще ветеранов, давших ему понять, что главное их намерение — установить прочный и долговременный союз между двумя враждующими триумвирами. Когда Октавиан прибыл в район осажденного города, Брундизий уже был отрезан линией рвов и укреплений, охраняемых огромным количеством солдат. Эту линию Антоний спешно возвел на перешейке небольшого полуострова, на кото-

ром стоял Брундизий. Произошло несколько безрезультатных столкновений. Агриппа освободил Фурии и захватил близлежащие земли. Антоний совершил типичную для него дерзкую вылазку: с четырьмя сотнями конников он ночью напал на противника и обратил в бегство полторы тысячи конников врага, не дав им даже толком проснуться. Однако солдаты двух лагерей постоянно братались, и полководцы все менее склонялись к проведению крупномасштабного сражения.

Антоний слишком поздно понял, что не оставил себе выбора, кроме как бежать с позором или же отсиживаться за укреплениями. Пока не возьмет Брундизий, он остается в ловушке между осажденным городом и войском Октавиана, которое день ото дня увеличивалось за счет прибывающих со всей Италии ветеранов. Вызванное Антонием из Македонии подкрепление вряд ли помогло бы: солдатам пришлось бы высаживаться на неприятельское побережье, патрулируемое с восхода до заката солдатами Агриппы. Погрузить людей на суда Антоний тоже не мог: началось бы сражение, которого он не мог выиграть и хотел избежать. Сам Антоний с охраной легко ускользнул бы на небольших судах и присоединился к Агенобарбу, но большая часть его войска осталась бы в безнадежном положении.

Новости о том, что Фульвия умерла в Сиционе по пути домой, усилила депрессию Антония и подвигла его на переговоры о мире. Вероятно, он испытывал чувство вины, ведь Фульвия, хотя и вызвала его недовольство, действовала, как полагала, в интересах супруга. Антоний проявил такую же недалекость, как Луций, позволивший загнать себя в ловушку у Перузии. Если бы Антоний или его полководцы пришли той осенью Луцию на помощь, исход противостояния оказался бы совершенно иной. Оплакивая смерть жены, Антоний имел все основания упрекать себя в том, что оставил ее и своего брата на волю судьбы. Поступи он иначе, перевес получился бы в его пользу; с войсками, нахо-

дившимися в Галлии и Северной Италии, он смог бы мирно урегулировать перузийский конфликт, не оставив серьезных соперников.

Теперь, в критической ситуации, сложившейся у Брундизия, на уступки пришлось идти именно Антонию. Как раз к этому времени его друг Нерва состоялся как дипломат. После личной беседы с Антонием он явился к Октавиану, который твердо отрицал, что приказал препятствовать высадке Антония в Италии. Такое решение, утверждал он, гарнизон Брундизия принял без его ведома. Октавиан давал понять собеседнику: написать Антонию и объясниться ему не позволяет гордость. Однако после осторожных уговоров Нервы он решил обратиться к матери Антония Юлии, которая после временного пребывания на Сицилии вернулась из Греции вместе с сыном. Совершенно непонятно, писал он, для чего ей понадобилось отправиться к Помпею, когда для него, Октавиана, дело чести обращаться с ней любезно и уважительно. Это, вероятно, была правда. Написав не Антонию, а его матери, Октавиан тем самым показал, что как дипломат он почти не уступает самому Нерве.

Перед отъездом Нервы из лагеря Октавиана некоторые старшие офицеры, несомненно, выражая новое мнение большинства цезарианцев, заявили ему: если Антоний отвергнет протянутую руку дружбы, они станут сражаться. Нерва не стал объяснять им, что время драться на этом поле боя миновало. Уже и без просьб матери, и без предупреждения офицеров, сделанного с добрыми намерениями, Антоний искал выгодных условий примирения.

Желая продемонстрировать добрую волю, он отослал и Секста, и Агенобарба, причем последнего повысил — назначил управлять Вифинией. Согласно Аппиану, примирение взяли на себя солдаты Октавиана, чтобы защитить собственные интересы. Они организовали встречу, на которой от имени Антония говорил Поллион, а от имени Октавиа-

на — Меценат; Нерва присутствовал в качестве друга обоих триумвиров.

Результатом этой встречи стал Брундизийский договор, подписанный в начале октября 40 года до нашей эры и подкрепленный помолвкой Антония с недавно овдовевшей сестрой Октавиана. Ее покойный супруг Марцелл был в 50 году до нашей эры консулом и по иронии судьбы именно он вложил в руку Помпея символический меч, что в результате и привело к гражданской войне с Юлием Цезарем. Вдове теперь предназначалась противоположная роль — способствовать примирению, убить новую гражданскую войну в зародыше. Заключив договор, Антоний и Октавиан обнялись под шумное ликование солдат, которые нетерпеливо ожидали — больше с надеждой, чем с верой, — что череда кровопролитий наконец-то завершится.

Договор стал подарком ко дню рождения Октавиана — ему исполнилось двадцать три — и горькой пилюлей для Антония. Победителя сражения при Филиппах вынудили отказаться от территориальных притязаний в западной части страны. Власть над всей Галлией, полученная два года назад — то была часть его добычи после поражения Брута и Кассия! — теперь перешла к человеку, который убежал с поля боя и несколько часов просидел в болоте. В качестве подачки Антоний получил право набирать, как и его партнер, солдат в Италии. Однако на деле ему так ни разу и не удалось провести набор беспрепятственно, и он оставил все попытки. Граница владений Октавиана и Антония прошла между Иллириком и Македонией, по дальнему побережью Адриатики, где ныне Албания. К востоку от границы правил Антоний, к западу — Октавиан. Лепид получил Африку и шесть легионов, которые в противном случае потребовал бы Антоний.

Мог ли Антоний, как это кажется отдельным комментаторам, отвергнуть подобные условия? Ведь они ничего не прибавляли к тому, чем он уже владел, зато лишали огромной провинции, заполненной его легионами, и не оставля-

ли никаких возможностей влиять на события в Риме, куда там властвует Октавиан. Если не предполагать, что у Антония случилось временное помутнение рассудка, то ответ остается один: принять такие условия было намного выгоднее, чем отказаться. Половина державы — лучше, чем ничего. Младший партнер наверняка постарался его в этом убедить, пусть даже без лишних слов. Как тактик на поле боя Октавиан никуда не годился — начинал трепетать и спешил унести ноги, зато имел несомненный дар стратега; его таланты политика позже вошли в поговорку.

Вопрос о власти над Галлией обсуждению не подлежал. Пока Антоний управляет столь стратегически важной провинцией во владениях Октавиана, будут неизбежны столкновения вроде Перузийской войны. Но если партнеры станут управлять примерно одинаковыми территориями, разделенными четкой границей, не в их интересах будет развязывать новую кровавую войну, пока они не наведут у себя порядок после недавних гражданских столкновений.

Триумvirат, после того как была достигнута его изначальная цель — разгромить вождей возрождающейся олигархии Брута и Кассия, — оказался неэффективной формой правления.

Вместо того чтобы совместно править троим — точнее, как вышло на деле, двоим, — лучше свести к минимуму неизбежные конфликты интересов и править каждому своей областью в течение долгого срока и дать, таким образом, народу стабильность.

Номинально сохраняя, как члены триумvirата, власть над страной в целом и подкрепив свой союз браком Антония и Октавии, партнеры оставят меньше шансов для распада страны на две враждующие державы.

Итак, ослабленный триумvirат был восстановлен — на среднесрочной основе обоюдного желания сохранить мир между восточными и западными землями и долгосрочной

основе династического союза. Не важно, благодаря кому заключили беспрецедентный и замечательный Брундизийский договор и каково было участие Нервы, Поллиона и Мецената — последующее его нарушение не должно заслонять нам тот факт, что почти десять лет Антоний и Октавиан управляли каждый своими землями, не вмешиваясь в интересы друг друга; хотя личных конфликтов, по-видимому, избежать не удалось.

Октавиан мог себя поздравить: цепочка непредвиденных событий, начиная со сражения при Филиппах, благодаря умным и решительным ответным действиям вознесла его на вершину власти — в самом сердце материковой Италии и западной части державы — от Адриатики до Атлантики.

Антоний по-прежнему участвовал в распределении магистратур в столице и назначал консулов, но консульские полномочия теперь уступали полномочиям триумвиров, и он больше не играл среди цезарианцев главной роли. Благодаря нетерпеливости старшего соперника у Октавиана оказалось под Брундизием военное превосходство, на которое он и не рассчитывал. Мог ли молодой человек воспользоваться преимуществом и уничтожить врага? Вероятно, да. Послужило бы это на пользу его дальнейшим целям? Вероятно, нет. Уже в ближайшем будущем отношение к Октавиану честных и мирных граждан значительно улучшилось. Они убедились, что и он, и Антоний предпочли остановиться у порога кровопролитной войны и не раздувать свои амбиции и взаимные претензии сверх допустимых пределов. Согласие Антония уступить младшему сопернику западную часть страны сломало волю главных противников Октавиана, для которых после унижительного поражения под Перузией главный триумvir оставался последней надеждой. Примирение между двумя ведущими триумвирами породило в простом народе надежду, что новая форма правительства, хоть и противоречащая сис-

теме состязательных выборов, сможет, в отличие от старого республиканского строя, обеспечить мирное сосуществование склочников-аристократов.

Римский мир праздновал договор и свадьбу. Астрологи и прочие предсказатели, годами твердившие, что заканчивается одна эпоха и начинается другая, ухватились за свадьбу Антония и Октавии как за благословенный богами союз, знаменующий рубеж этих эпох. Поэт Вергилий, чью семью недавно согнали с земли, чтобы отдать ее ветеранам, поправил свое благосостояние с помощью «Четвертой эклоги» (всего их десять), предсказывавшей рождение чудесного ребенка от этого брака тысячелетия — сына, который откроет эпоху всеобщего мира и благоденствия. Октавия родила не мальчика, спасителя Рима, а девочку, Антонию, ставшую впоследствии бабкой императора Нерона.

Не существует, правда, единого мнения о том, точно ли поэт имел в виду именно союз Антония и Октавии. В сюжете пытались подставить имена и других женихов и невест — и решить эту задачу, бывшую некогда самой спорной из всех литературных загадок, затмевавшей даже вопрос о прототипе шекспировской «смуглой леди». В течение Средних веков и отчасти в Новое время считали, что Вергилий говорит о Святом Духе и Деве Марии. Более поздние исследователи голосовали за самого Октавиана как жениха эпохи и отца, но под воздействием некоторых фактов, хорошо известных тогда, хотя и позабытых впоследствии, такие теории развеиваются.

Октавиан и вправду только что вступил во второй брак. Супругой его стала женщина, бывшая на десять, а то и больше лет старше его — Скрибония, сестра Луция Скрибония Либона, которому самому было около пятидесяти. Брак представлял собой откровенную сделку, и даже Вергилий, придворный поэт, вряд ли ухитрился бы описать такое событие, не вызвав людского злословия; все его усилия дали

бы обратный результат. Молодой триумвир, боясь возвращения мстительного Антония во главе объединенных сил востока, поспешно поручил Меценату устроить брак со Скрибонией — по той единственно причине, что брат ее Либон приходился Сексту Помпею тестем. Октавиан стал ее третьим мужем. Как мы увидим, этот брак, заключенный из тактических соображений, не помешал Сексту Помпею почти сразу же вступить в союз с Антонием против Октавиана.

Октавиан развелся с женой в тот же день, когда родился их первый и единственный ребенок — Юлия. По словам Светония, основывавшегося на утраченных мемуарах Октавиана, тот терпел «дурной нрав» («*morum perversitatem*») супруги только затем, чтобы ребенок родился в браке.

И все же Скрибония была первой из жен, с кем он вступил в супружеские отношения. Когда их дочь, маленькая Юлия, выросла, то буквально стала олицетворением супружеской неверности. Вергилий перевернулся бы в гробу, узнай он, что некоторые относят его эклогу к ней. Зато где-то на небесах, верно, рассмеялись бы, услышав другое, ханжеское предположение: в поэме предсказано рождение Иисуса Назарянина, которое произошло лет пятнадцать спустя после смерти великого поэта.

Брундизийский договор предусматривал восстановление в правах нового союзника Антония, Агенобарба, однако Сексту Помпею такого послабления не сделали: формально он оставался врагом государства. Октавиан не смог примириться с ним путем вступления в родство с Либоном (именно Либона Секст намеренно послал договариваться о союзе с Антонием) и решил, что гораздо лучше Секста уничтожить. Для этого было два устранимых препятствия: во-первых, Октавиан не успел еще построить достаточно кораблей, во-вторых, Секст, контролировавший морские пути, не пропускал в Италию суда с продовольствием. К тому времени как триумвиры вернулись в Рим, голод еще

усилился, потому что, пока они находились у Брундизия, Сексту удалось захватить и Сардинию, и Корсику и расположить там свои войска.

Свадьба Антония и Октавии происходила на фоне голодных бунтов и непомерных цен. Сенат по-своему благословил молодых: освободил невесту от положенных десяти месяцев вдовства; к мужчинам такое правило не применялось. Антоний был почти в два раза старше невесты, но брак поначалу обещал быть счастливым. Веселая по натуре и добросердечная, Октавия полностью принимала традиционную роль римской матроны, ставящей превыше всего своего супруга. За прожитые с Антонием несколько лет она родила ему двух дочерей; потом он уехал в Египет — влекомый чувствами к Клеопатре.

Антоний как мог старался скрыть недовольство и наладить отношения с Октавианом. В какой-то момент он даже предупредил шурина, что его старый друг Сальвидиен, сопровождавший его еще из Аполлонии, хотел его предать. Он, которому Октавиан доверил самый высокий пост, еще в Брундизии хотел перейти к Антонию вместе с одиннадцатью легионами, ранее подчинявшимися Калену. Собообщать об этом Октавиану было не в интересах Антония; видимо, он решил, что такая откровенность убедит младшего триумвира в искренности его намерений.

Несчастливого Сальвидиена пригласили в Рим, где сенат осудил его на смерть — первого из многих, разделивших ту же судьбу в последующие столетия, когда нормой стала абсолютная монархия. Однако за долгое правление Октавиана столь суровое наказание для человека, считавшегося ранее его другом, было скорее исключением.

Светоний утверждает, что ему известен лишь один подобный случай. Он пишет про Октавиана: «Друзей он заводил нелегко, но всегда хранил им верность, вознаграждая их за добродетели и заслуги и даже прощая им пороки — до известной меры».

У Антония тоже был счет, который следовало предъявить по прибытии в Рим. Он вызвал своего агента Мания, поддерживавшего Фульвию и Луция, когда те именем Антония препятствовали расселению ветеранов. Неизвестно, о чем они беседовали, только кончилась их беседа казнью Мания. На улицах Антонию приходилось оправдываться перед своими бывшими солдатами — тем хотелось знать, куда девались деньги, которые он обещал выплатить после похода на восток. Однажды его окружила целая толпа, и пришлось вмешаться Октавиану, чтобы он не пострадал.

Примерно в это же время, когда бедняки гибли от голода, состоялось пиршество, на которое Октавиан явился в образе Аполлона — покровителя искусств и «являл прелюбодейства богов». Другие гости тоже были одеты богами: Светоний называет это празднество «пиром шести богов и шести богинь». На следующий день в Риме ядовито шутили: «боги» на пиру сожрали весь хлеб! Октавиана прозвали «Аполлоном-мучителем».

Кроме того, Октавиана упрекали за расточительство и пристрастие к дорогой утвари и за его общеизвестную любовь к азартным играм, хотя по меркам аристократов ставки он делал довольно скромные. Октавиана интересовал не выигрыш, а связанные с игрой переживания, часто он сам давал друзьям деньги, чтобы они могли сделать ставку в игре.

Антоний, в свою очередь, тоже спас коллегу от серьезных увечий, возможно, даже от смерти; во время хлебного бунта толпа стала кидать в Октавиана камни, а он был так потрясен — или напуган, — что стоял и истекал кровью, пока старший товарищ не увел его прочь. В эти дни Антоний частично обрел среди голодающего народа былую популярность — потому что все знали о его желании договориться с Помпеем в знак признательности за помощь, оказанную им Антонию. Впрочем, позже Антония тоже попытались закидать камнями. В ответ он вызвал солдат и наблюдал

за устроенным теми побоищем. С убитых потом сняли одежду и кинули трупы в Тибр.

Антоний посоветовал Октавиану поторопиться, если он хочет напасть на Секста. Римляне уже повыбрасывали официальные уведомления об эдикте, повелевающем собрать новые налоги — на ведение кампании; теперь люди угрожали поджогами. Октавиан попал в затруднительное положение. Секст отверг его прежние попытки примирения и все дальнейшие по праву сочтет признаком слабости. Кроме того, пока Секст на свободе — не будет покоя торговым судам в Средиземном море. Только срочная необходимость закончить расселение ветеранов помешала Октавиану раньше изыскать средства для строительства флота и борьбы с Секстом. А теперь Октавиану пришлось уступить давлению со стороны народа и Антония и искать способ покончить с голодом.

Встреча с Секстом вылилась в одну из самых необычных в истории мирных конференций. Октавиан и Антоний ждали на берегу морского курорта Байи, глядя на северную оконечность Неаполитанского залива, и к ним, а потом мимо них с пиратской скоростью неся флагман Помпея. Собственная безопасность явно заботила Секста превыше всего; он не доверял никому и уж точно не доверял таким же, как он, римским аристократам. Он и сам только что приказал убить своего главного офицера Стация Мурка и попытался (безуспешно) свалить вину на его рабов, для убедительности приказав всех распять.

Под наблюдением Секста вблизи ПUTEОЛ в морское дно недалеко от берега вбили столбы, послужившие опорами для двух деревянных помостов. Помосты расположили на таком расстоянии друг от друга, чтобы можно было разговаривать, но перепрыгнуть было нельзя. Октавиан и Антоний расположились на ближайшем к берегу помосте, рядом со своим войском, выстроившимся на суше. Секст и Либон (тогда еще шурин Октавиана) уселись на другом, в

нескольких ярдах от флагмана, готовые в любой миг взойти на него и скрыться за горизонтом.

Первая встреча окончилась ничем. Секст хотел войти в триумvirат — четвертым участником или же вместо Лепида. Октавиан не согласился. Он знал, что Секст слишком вспыльчив и не особенно щепетилен. Более того, Секст ненавидел Октавиана как преемника человека, который погубил его отца, убил брата и лишил семью имущества. Они ни за что не смогли бы править вместе. Обе стороны решили сделать перерыв и поговорить со своими советниками. Среди советников Секста были сопровождавшие его мать Муция и жена Юлия. Обеим дамам, по всей вероятности, не терпелось вернуться в римское общество, возобновить знакомство с бывшими друзьями. Они сильно настаивали на примирении.

Переговоры возобновились. Секст желал получить некий эквивалент налога — огромный выкуп за то, что он прекратит блокаду, не станет трогать чужие суда и принимать беглых рабов. Ему оставили еще на пять лет те острова, которыми он уже владел, включая Сицилию, Сардинию и Корсику; кроме того, Антоний передавал ему на этот же срок Пелопоннес, полуостров на юге Греции. Солдатам Секста пообещали столь же выгодные условия отставки, как и солдатам триумvirов — тем из них, кто не был рабом, — а примкнувшим к нему беглым рабам пообещали свободу. Секст получал денежную компенсацию за земли отца и мог избираться на консульство, равно как и выбирать будущего консула. Ему следовало убрать с материка свои войска и возобновить подвоз зерна с островов в столицу.

Много важнее для будущего страны была договоренность, что все изгнанники, нашедшие убежище у Помпея, не только смогут вернуться на материк, но и получат компенсацию.

Когда с помоста прозвучало это решение, среди солдат по обеим сторонам началось настоящее безумство. По словам Диона, они так ликовали, что в ответ загудели горы,

самой высокой среди которых был спящий Везувий. Люди прыгали с кораблей в море, и те, кто стоял на берегу, тоже бросались в воду — им навстречу. Родственники и друзья, которых разлучила гражданская война, обнимались прямо в воде, на берегу же люди пришли в такое неистовство, что в давке погибли несколько человек.

В число тех, кому позволили вернуться, не входили уцелевшие убийцы Юлия Цезаря. Проскрибированные получали четверть стоимости конфискованного имущества, а остальные — полную компенсацию.

Итак, людям, носившим самые древние и прославленные римские фамилии, предстояло скорое возвращение в родной город. Наученные опытом изгнания, они теперь большей частью предпочитали подавить искушение и не противодействовать новому цезарианскому правительству, пусть даже поначалу и отказались его поддерживать. Некоторые присоединились к Октавиану, чтобы помочь ему восстановить расшатавшуюся державу. Другие попросились на службу к Антонию и отправились с ним на восток. То было и в самом деле завершение целой эпохи, но следующая пока еще не началась.

Миротворцы решили отметить успех несколькими пирушками и бросили жребий, кому первому принимать гостей. Честь эта досталась Сексту, и он пригласил триумвиров отобедать на флагманском корабле. Вино лилось рекой; Антония поддразнивали по поводу его отношений с Клеопатрой, и тут Менодор, захватчик Сардинии, сказал на ухо Сексту: стоит, мол, начальнику молвить слово, и он, Менодор, обрубит канаты, чтобы корабль мог отплыть, а когда они удалятся на безопасное расстояние, то спокойно убьют и Октавиана, и Антония. Секст несколько минут размышлял, а потом сказал Менодору, что тому следовало действовать самостоятельно, не говорить ему, — тогда бы Сексту не пришлось нарушать торжественную клятву. А так он не может дать согласие, не поставив под удар свою честь.

Эту сцену пересказывают снова и снова — уже два тысячелетия — как один из моментов, когда история могла пойти по другому пути: «А что было бы, если?..» Однако тут возникает вопрос: чего мог достичь Помпей убийством Антония и Октавиана? Не имея надежных союзников, он никоим образом не смог бы захватить власть: войско состояло большей частью из цезарианцев. Он продержался бы в лучшем случае несколько месяцев, а потом жаждущие места войска вывели бы его с островов, за которые он пока еще цеплялся. Секст потерял бы финансовые преимущества, полученные во время переговоров, равно как и шанс стать членом новой правящей династии — через свою дочь.

Как уже вошло в обычай на подобных дипломатических переговорах, для укрепления союза сторон, подписавших ПUTEОЛЬСКИЙ договор, решили использовать брачные узы. Дочь Секста, трехлетняя Помпея, внучка Либона, доводившегося пока еще Октавиану шурином, была обещана в жены Марцеллу — сыну Октавии от покойного первого супруга и, стало быть, пасынку Антония и племяннику Октавиана.

Шептал Менодор на ухо Сексту те слова или нет, но Октавиан на пиру отделался только похмельем. Оба головореза отплыли к себе на Сицилию, а несостоявшиеся жертвы вернулись в Рим, чтобы принять народную благодарность за избавление страны от голода.

Эти необычные мирные переговоры имели и еще одно последствие. Октавиан впервые в жизни влюбился — да так глубоко, что готов был, казалось, на любые безумства, чтобы заполучить свою молодую возлюбленную. Звали ее Ливия Друзилла. Она была замужем, имела двухлетнего сына и носила второго ребенка. Муж ее, ранее проскрибированный изгнанник, носил три имени, которые навек запечатлелись в истории: Тиберий Клавдий Нерон. Именно его гены, а не Октавиана и не Юлия Цезаря, будут преобладать среди правящей династии Римской империи.

XIII

Влюбленный Октавиан

Увенчанная браком любовь Октавиана к девятнадцатилетней Ливии показала, что закон последовательности незапланированных событий, который помог его карьере, теперь начал действовать и в личной жизни. Благодаря соглашению, заключенному триумвирами и Секстом, Ливия вместе с мужем вернулась в Рим еще до конца лета. Меньше двух лет назад она была беженкой и едва ускользнула от преследовавших ее солдат Октавиана. Клавдию Нерону каким-то образом удалось бежать из Перузии, когда город сдался, — вероятно, под видом простолюдина. В противном случае его казнили бы как отступника, как казнили других оптиматов, чьи призывы к милосердию победителя встречали один ответ: «*Moriendum esse!*» — «Ты должен умереть!»

Из Перузии Клавдий Нерон поспешил в Пренесте, затем, вместе с Ливией, в Кампанию, где безуспешно пытался поднять рабов на бунт. В Неаполе им удавалось прятаться, только пока в город не ворвались солдаты. Когда семья тайком пробиралась на корабль, чтобы отплыть на Сицилию, всех едва не выдал плач маленького Тиберия: чересчур усердная нянька второпях стала отнимать будущего императора от груди кормилицы. После отплытия с Сицилии в Грецию Ливии снова пришлось бежать вместе с сыном, на этот раз со Спарты, где у Клавдианов были сторонники. Она пробиралась через горящий лес, прижимая к груди Тиберия, и пламя опалило ей волосы и одежду. В детстве ничто не предвещало ей таких страшных приключений. Сама из рода Клавдиев, она и замуж вышла за потомка Клавдиев, вероятно, одного из своих двоюродных братьев. Род этот прославился чрезмерной гордостью даже среди знати; представители его могли справедливо похвалиться, что среди их предков в

течение нескольких веков числилось больше старших магистратов, чем в любой другой семье. Отец Ливии по рождению был из Клавдиев, но попал в семью Ливиев, будучи усыновлен Марком Ливием Друзом, упрямым трибуном, убийство которого в 91 году до нашей эры разожгло гражданскую войну по всей Италии. Итак, ее отец стал зваться Марк Ливий Друз Клавдиан. Как непоколебимый оптимат, он был проскрибирован, сражался под началом Брута и Кассия, а когда сражение при Филиппах было проиграно, совершил у себя в шатре самоубийство.

Клавдий Нерон был не чужд популистской политики. Его отец (носивший то же имя) на знаменитом заседании сената в 63 году выступил против казни сторонников Катилины. До знакомства с Ливией Клавдий Младший просил руки Туллии, дочери Цицерона, но та вышла замуж за Долабеллу. В 48 году до нашей эры при Цезаре Клавдий Нерон стал квестором и во время Александрийской войны некоторое время успешно командовал его флотом. В награду в 46 году до нашей эры его послали в южную Галлию — руководить основанием двух цезарианских колоний в Нарбоне и Арелате — ныне процветающие французские города Нарбонн и Арль. После убийства Цезаря Клавдий Нерон переметнулся в другой лагерь; он даже додумался предложить сенату вознаградить Кассия и Брута за их деяние. Этот шаг и приблизил его к семейству Ливии, и они поженились в конце 44 года до нашей эры или в 43 году до нашей эры.

По мнению современного биографа Ливии профессора Барретта, нельзя исключать возможность, что нелюбимая супруга Октавиана Скрибония сама познакомила мужа с молодой красивой матроной. Прямых доказательств тому нет, но весьма заманчиво предположить наличие некой связи. Отец Ливии перед тем, как совершить самоубийство, усыновил сына Луция Скрибония — Либона, брата Скрибонии. Если так, то этот молодой человек доводился Ли-

вии сводным братом, а Скрибонии — племянником. Поскольку Клавдию Нерону, как проскрибированному изгнаннику, предстояло потерять три четверти имущества по ПUTEОЛЬСКОМУ договору, вполне естественно, что Ливия пожелала воспользоваться семейными связями для поправки дел супруга. Она могла попросить Скрибонию договориться о личной встрече с Октавианом. Так это или нет, но Скрибония вскоре начала жаловаться, что у Октавиана появилась любовница, и ею, считает профессор Барретт, почти наверняка была Ливия.

Гораздо меньше правдоподобна версия, что Ливия — та самая женщина, о которой говорит Светоний, описывая некий постыдный случай: Октавиан якобы на глазах мужа увел ее с пира к себе в спальню, и вернулась она красная и растрепанная. Этот эпизод Светоний заимствовал из сердитого письма Антония, который желал попрекнуть не Ливию, а Октавиана, и потому, мол, галантно пытался замести следы, говоря, что опозоренная жертва приходилась супругой некоему бывшему консулу (каковым Клавдий Нерон не являлся).

Об известности и популярности такой версии свидетельствует замечание императора Калигулы. Когда он отобрал некую Ливию Орестиллу у жениха и сделал своей второй женой, то сказал, что «следует примеру Августа».

Против такой версии говорит высказывание человека, лично знакомого с Ливией Друзиллой, — Веллея Патеркула. Он отзывался о Ливии как о «первой из римлянок по происхождению, честности и красоте».

По словам Тацита, Октавиан насильно забрал ее от мужа, увез из дома. Однако это, возможно, просто фраза, чтобы показать: вся ответственность лежит на Октавиане, а на нравственном облике Ливии нет и пятнышка. Клавдий Нерон оказался покладистым мужем и лично передал Ливию Октавиану на свадьбе, последовавшей за «умыканием». Мальчик-шут, бродя среди гостей, сказал Ливии, возлегавшей

рядом с Октавианом, что она ошиблась ложем: ее муж, Клавдий Нерон, — в другом конце зала. Неизвестно, ошибся мальчик или его подучили так пошутить.

Незадолго до свадьбы Октавиан сбрил бороду и больше ее не отпускал. У римлян было принято впервые бриться по случаю какого-либо важного события, и бритье выполнялось как торжественный обряд. Сбритые волосы помещались в красивый футляр и хранились вместе с прочими семейными реликвиями; их посвящали какому-нибудь богу или предку. Октавиан по этому случаю устроил празднество, на которое позвал всех римлян.

По утверждению Диона, он уже тогда влюбился в Ливию; из того, в каком порядке у Диона пересказываются события, следует, что Октавиан развелся со Скрибонией в день рождения их дочери именно из-за своего очередного романа.

Октавиан сильно боялся поступить недолжным образом и из предосторожности даже обратился в коллегия понтификов с вопросом: когда можно жениться на женщине, которая при разводе была беременна от первого мужа? У жрецов достало ума ему не препятствовать, и они придумали удобную формулировку, позволявшую Октавиану — при отсутствии прецедента — жениться, когда ему угодно. В середине января 38 года Ливия родила второго сына — Друза. Через три дня она уже смогла принять участие в свадебной церемонии. Больше у нее детей не было. Несмотря на сильнейшую политическую необходимость иметь законного наследника мужского пола, Октавиан не развелся с ней, хотя с легкостью мог это сделать и жениться на другой. Разногласия между супругами были неизбежны, особенно по вопросу престолонаследия, но до конца жизни Октавиан и Ливия оставались любящими супругами. Последующие измышления, что она якобы его отравила, чтобы престол достался Тиберию, — злобные наветы.

Антоний и Октавия на свадьбе не присутствовали. Они уже выехали в Афины, пока не наступила зима и плавание через Адриатику не стало опасным. В следующие два года Антоний постепенно перевел туда же свои дипломатические дела и занимался решением некоторых проблем в восточных землях. Освободить от парфян Сирию ему не пришлось — это уже сделал Вентидий, проведя блестящую кампанию и заслужив триумф. То было беспрецедентное достижение для полководца, которого в детстве провели по Риму в цепях вместе с прочими пленниками во время триумфа Страбона, отца Помпея Великого, после окончания Союзнической войны.

Медовый месяц Октавиана длился недолго: снова начались неприятности с Секстом: тот заявил, что его обманули относительно пятилетнего владения Пелопоннесом. Антоний, утверждал он, успел эти земли разграбить, и они ничего не стоят. Октавиан заступился за коллегу: согласно договору, напомнил он, Пелопоннес передали Сексту с условием, что Секст либо заплатит дань, которая тогда же причиталась Антонию с жителей, либо подождет, пока ее соберет Антоний. Секста его доводы не удовлетворили, и он возобновил блокаду, хотя сознаваться в этом не хотел. Несколько захваченных на месте преступления «пиратов» сознались под пытками, что действовали по приказу Секста. Согласно древнеримской системе ценностей, показания раба считались действительными, только если даны под пыткой. Октавиан обнаружил признания, чтобы народ готовился к возобновлению войны.

Первой военной удачей стал переход Менодора, несостоявшегося убийцы триумвиров, на сторону Октавиана, которому он передал и Сардинию, и корабли, и людей. Секст приказал ему вернуться на Сицилию, но флотоводец заподозрил, что его ждет смерть — как некогда его сотоварища Мурка.

Октавиан пригласил Менодора к обеду; столь большая любезность показывала: поступок Мурка оценен высоко. Согласно Светонию, Менодор был единственным вольноотпущенником, удостоившимся такой чести. Правда, прежде чем он сел за стол, его официально причислили к другому сословию. Пребывание Менодора у нового хозяина длилось недолго — он опять ушел, когда Октавиана стали преследовать неудачи в морских сражениях.

Перед тем как начать тотальное наступление на Секста, Октавиан обратился за помощью к Антонию, попросил его весной, в назначенный день, приехать в Брундизий. Антоний приехал, но не такой он был человек, чтобы ждать. Сам Октавиан опоздал, и Антоний отбыл обратно в Грецию, оставив ему короткую записку с требованием не нарушать договора с Секстом. Триумвиры начинали злиться друг на друга. Октавиан повозмушался, что Антоний не захотел подождать, а потом, наверное, призадумался: Антонию выгодно защищать и поощрять Секста как потенциального союзника против него, Октавиана! Третий триумvir, Лепид, попросту проигнорировал просьбы Октавиана о помощи. И если Антоний переманит на свою сторону и Секста, и Лепида, Октавиан окажется окружен врагами со всех сторон.

Младший триумvir ускорил строительство кораблей и решил самостоятельно разделаться с Секстом. И опять показал себя никуда не годным полководцем. Когда его новый флот случайно столкнулся с небольшой флотилией Секста, Октавиан, вместо того чтобы немедленно атаковать, стал дожидаться шедшего к нему подкрепления. Сексту удалось уйти, а на следующий день или чуть позже он обрушился на противника с уже превосходящими силами и уничтожил едва ли не половину его флота. Другую половину почти полностью потопила неожиданная буря. Октавиану удалось выбраться на берег с тонущего корабля, но в том году он уже не имел средств для продолжения борьбы.

«*Festina lente*» — «Торопись не спеша» — эта пословица стала девизом Октавиана. Вероятно, как раз размышляя о крушении своего флота, скорбя о том, как много погибло моряков и вооруженных солдат, Октавиан решил, что никогда больше, взявшись за важное дело, не станет подвергать себя опасности из-за нетерпения. По его возвращении в Рим возобновились хлебные бунты; над страной опять вставал призрак голода. На сей раз Октавиан не был настроен идти на компромисс. Он понимал всю абсурдность положения: мощнейшая в мире военная держава может оказаться в заложниках у какого-то преступника, избравшего плацдармом остров у ее берегов. Октавиан отправил командующего флотом в отставку и вызвал из Галлии Агриппу, чтобы тот занялся перевооружением и учениями. Риму нужен был профессиональный флот.

Агриппе уже назначили триумф за подавление мятежей в Аквитании, но, вернувшись в Рим в конце 38 года до нашей эры, когда его друг был столь непопулярен, полководец тактично от этой чести отказался. Вскоре Италия почувствовала его твердую руку и признала его организаторские способности. Прибрежным городам предлагалось, или же предписывалось, участвовать в строительстве военных судов — согласно генеральному плану Агриппы и Октавиана. Рабовладельцев обязали поставлять рабов; для этой цели двадцати тысячам рабов пообещали свободу. Другие рабы делали у моря огромную искусственную гавань, чтобы можно было проводить учения, не опасаясь штормов и нападений противника. Они провели каналы, соединяющие Авернское озеро с близлежащим Лукринским, и перекопали узкую полоску суши, отделявшую Лукринское озеро от Неаполитанского залива. Каждый новый корабль отводили в эту обширную гавань, и там под руководством Агриппы проходили учения.

Агриппа изобрел новый тип абордажного крюка и тут же его испытал — приспособление выстреливалось на вра-

жеский корабль с помощью катапульты. Его крюк оказалось гораздо труднее сбросить с корабля, чем другие ему подобные, а значит, у солдат было больше времени, чтобы подтянуть к себе вражеский корабль с помощью привязанных к крюку канатов. Это, в свою очередь, позволяло воинам Октавиана воспользоваться численным преимуществом и отработанной тактикой и разбить врага, чьи корабли были гораздо меньше их собственных, новых и оснащенных сложными устройствами, включая башни.

Мецената отправили в Афины с трудным заданием — убедить Антония опять явиться в Брундизий. Антоний прибыл летом 37 года до нашей эры с флотом из трехсот кораблей, но Октавиан к тому времени стал слишком осторожным, чтобы принять его помощь. И Брундизий опять закрыл перед Антонием свою гавань. Тогда Антоний обошел «каблук» Апеннинского полуострова и встал в тарентской гавани, показывая, что теперь просто так не уйдет. Он был настроен серьезно. Антоний сообщил Октавиану о готовности начать действия против Секста, но Октавиан его предложение под каким-то предлогом отверг. Древние источники лишь вскользь упоминают о подоплеке маневров обоих триумвиров. В чем же было дело?

Часть правды заключается в том, что Октавиан боялся присутствия Антония, да еще с таким мощным флотом — оно представляло угрозу его власти над Римом. Если он воспользуется кораблями Антония для перевозки своих солдат, увидит ли он их еще? Против объединенных сил Секст вряд ли выстоит, но победить в таких условиях — под неперменным командованием Антония! — значит поднять его авторитет на новые высоты. И если старший триумвир отправится праздновать победу в Рим, останется там и будет оспаривать власть Октавиана, его возросшего *auctoritas* хватит, чтобы вновь оказаться на вершине власти. Тогда его слово, а не Октавиана, станет законом — и на западе, и на востоке.

Как верно понимал Октавиан, соперник не для того трудился, собирая флот, чтобы просто помочь товарищу преодолеть трудности, однако он неверно оценил мотивы Антония. Октавия по поручению супруга выехала из Тарента в сопровождении охраны с заданием объяснить все брату и развеять его худшие подозрения. Много чего говорилось — и в древние времена, и в поздние — о предполагаемых дипломатических способностях Октавии; Октавия, умом и слезами спасающая державу от гражданской войны, — картина, спору нет, увлекательная. Только вот ее брат никогда, насколько известно, не позволял личным чувствам действовать во вред его власти и, конечно, не позволил бы и теперь.

Октавия хорошо знала планы мужа. Антоний не отказался от намерений завоевать Парфию по примеру Александра Великого. После двух лет относительного бездействия в Афинах он поставил эту задачу во главу угла. Однако Октавиан вопреки условиям Брундизийского договора пресекал его попытки набрать солдат в Италии. Антонию же требовалось войско достаточно большое и преданное, причем солдаты-земляки были бы куда надежнее, чем солдаты, набранные на восточных территориях, большей частью греческих. Антоний не мог заставить Октавиана выполнять условия договора — разве что под угрозой войны. А изгнав Секста, он бы забрал его легионы и, возможно, вынудил бы шурина одолжить ему еще солдат.

Антоний полностью убедился в своей правоте: слову Октавиана доверять нельзя, а в этом конкретном случае Октавиан нарушал и дух, и букву договора. Октавиан же явно считал, что глупо позволять сопернику набирать войска, которые он использует против тебя же. Его агенты донесли, что Антоний послал к Лепиду вольноотпущенника Каллия, очевидно, для заключения союза против Октавиана. Октавия, выполняя роль дипломатического посредника, все отрицала; Каллий, по ее словам, устраивал брак между дочерью Антония и сыном Лепида.

Еще Октавиан жаловался, что Антоний, по сути дела, бросил его в беде, отказавшись дожидаться в прошлом году в Брундизии. Младший триумвир упустил из виду один факт: встречу назначал он сам, и ему было проще успеть к сроку, чем Антонию, который даже не мог знать точного дня своего прибытия — ведь по пути из Афин его могла застигнуть непогода. Октавии, вероятно, пришлось также опровергать подозрение, что ее супруг явился в Италию с целью шпионить за Октавианом. Такие цели приписывает Антонию Дион, но если это и правда, то не извиняет Октавиана, еще раньше нарушившего договор.

Вывод отсюда следующий: молодой триумвир ни с кем не собирался делиться полученной властью — что бы он там ни подписывал в погоне за ней. Совершенно отталкивающая черта характера, но абсолютно присущая тем, кем движет исключительно жажда власти. И вряд ли Октавиан признавался, что поступает нехорошо, даже самому себе. Возможно, он оправдывал свои действия необходимостью отплатить Антонию той же монетой: после мартовских ид Антоний обещал помочь ему оформить усыновление, а сам изо всех сил старался оттянуть рассмотрение дела.

Посредничество Октавии принесло свои плоды. Ей хотелось, чтобы соперники встретились по-родственному и к взаимной пользе. Наверное, Октавией двигало в первую очередь желание спасти брак, бывший, судя по дальнейшим событиям, на грани развала. Если, упрасывая брата, она дала ему понять слабые места Антония, неудивительно, что Октавиан передумал и согласился на переговоры. На этот раз Октавия в основном получила то, чего хотела. Теперь она могла вернуться в Тарент и сообщить мужу хорошую новость: она наконец уговорила брата, и тот ждет Антония для дружеских переговоров. Желая окончательно успокоить Октавиана, Антоний послал к нему злосчастного Каллия, чтобы Октавиан «поговорил» с ним — то есть подверг

пытке — и убедился: с Лепидом тот встречался не со злым умыслом.

Октавиан не считал необходимым подвергать вольноотпущенника мучениям. Учув свою очередную дипломатическую победу, он неспешно выехал из Брундизия в сопровождении Мецената и Нервы, а также двоих новичков в мире высокой политики — поэтов Горация и Вергилия, нужных, дабы правление его было прославлено в изящной словесности. Антоний встречал соперника на берегу реки Тары, со стороны Тарента; недалеко от берега был виден его флот, а за спиной выстроились рядами солдаты. Крупные силы Октавиана стояли на другом берегу реки, у города Метапонта. Октавиан прошагал мимо солдат к реке, а его старый враг сел в маленький челн и один выплыл на середину. Не желая уступать Антонию, Октавиан тоже поспешил показать, что не боится за свою жизнь; он быстро отыскал подходящее суденышко и поплыл навстречу.

В тот день они поспорили лишь о том, кто первый переправится на другую сторону. Октавиан победил — настоял под тем предлогом, что хочет повидать сестру. Он отправился с Антонием без охраны и провел ночь в дружеской беседе с обоими супругами. В результате они заключили соглашение, по которому триумvirат продлевался еще на пять лет. По прежнему договору полномочия триумvirата закончились уже в начале года, просто не нашлось безумца, посмевшего заявить о том в сенате.

Лепид по-прежнему оставался на птичьих правах.

Все это, впрочем, делалось для проформы. Куда важнее для дальнейших отношений между двумя верховными вождями римской державы было решение Антония передать Октавиану сто военных кораблей и еще двадцать других судов — в обмен на обещание последнего дать Антонию двадцать тысяч солдат без оговорки точного срока. Октавия, знавшая своего брата лучше, чем Антоний, уговорила Ок-

тавиана отдать одну тысячу солдат сразу — в обмен на дополнительные десять кораблей. В итоге Октавиан передаст Антонию лишь десятую часть обещанного и с опозданием почти на два года.

Октавия и ее муж отплыли вместе на восток, но как только достигли острова Керкиры, Антоний тут же отослал жену в Рим, к ее брату. Он мотивировал это (отчасти правдиво) заботой о жизни жены, дочери и не рожденного пока младенца, которых не желал подвергать опасностям парфянского похода. Официально он отправил супругу под защиту ее брата. Затем пришло известие, что в Антиохии Антоний встретился с Клеопатрой, которую, видимо, успел туда вызвать — как правительницу подчиненных ему земель, но на самом деле собираясь возобновить их любовную связь. Их браку с Октавией пришел конец, хотя официальный развод последовал лишь через пять лет, а до тех пор она жила в Риме как верная супруга Антония и неизменно блюла его интересы.

Ее брату оставалось теперь покончить с Секстом. Даже получив от Антония сто тридцать кораблей, Октавиан считал, что пока не готов вторгнуться на Сицилию. Он начал наступление только в 36 году до нашей эры, по трем направлениям; флот вели Лепид, Агриппа и Стацилий Тавр, которым потом предстояло командовать и на суше.

Даже в наши дни, когда корабли приводятся в движение машинами, сложные совместные морские операции часто выходят из-под контроля. Во времена же, когда суда двигались с помощью гребцов и парусов, а метеопрогнозы делались на основании изучения птичьих потрохов, проведение морского боя по задуманному плану могло считаться настоящим везением.

Сам Октавиан отплыл из Неаполитанского залива, совершив непростую церемонию жертвоприношения, чтобы умилостивить Нептуна, сыном которого считал себя Секст.

Лепид отплыл из провинции Африки, имея преимущество: он направлялся к дальней части Сицилии, противоположной той, где собрались почти все силы Секста, охранявшие Мессинский пролив, отделяющий остров от материка.

Тавр отплыл из Тарента и, видимо, двигался довольно медленно из-за западного ветра: когда разразилась буря, примерно 3 июля, он еще не встретился с противником и успел повернуть назад и укрыться от нее.

Главнокомандующему повезло меньше. Буря столь основательно разметала флот Октавиана, что в самой операции он, вопреки плану, никакого участия не принимал. Некоторые из кораблей удалось починить, но на это ушел целый месяц, хотя и были задействованы все рабочие силы. Октавиан спешно послал Мецената в Рим — опровергнуть слухи, что Секст, который, как сын Нептуна, носил теперь лазоревый плащ, вот-вот захватит город. Сам Октавиан стал объезжать поселения ветеранов по всей Италии: он старался поднять их воинский дух и набрать новых солдат на место утонувших. Ему удалось убедить всех, что Лепид достиг юго-западной оконечности острова и создал плацдарм для высадки крупных сил.

В начале августа, когда Октавиан починил корабли и был готов возобновить наступление, Лепид довел численность своего войска до двенадцати легионов, хотя во время второй бури у него тоже утонуло много солдат. Агриппа встретился с главными силами Секста у города под названием Милы, на северном побережье Сицилии, чтобы дать Октавиану возможность переправить через Мессинский пролив в относительно безопасное место четыре легиона. Октавиан успел переправить три, а потом появился вражеский флот, началась яростная схватка, кончившаяся очередным поражением Октавиана, которому удалось выбраться на берег с одним только оруженосцем.

Урок был не менее серьезный, чем во время сражения при Филиппах, когда Октавиану пришлось спасти свою

жизнь среди болот. Хуже всего было то, что Октавиан осуществлял общее командование операцией, а вот Антония — поправить дела — рядом не оказалось. Какое-то время Октавиан не сомневался в полном поражении и, как говорят, подумывал о самоубийстве, хотя последнее маловероятно. Он, должно быть, рассудил, что появление флота Секста, или немалой его части, означает поражение Агриппы у Мил со всеми вытекающими отсюда зловещими последствиями. На самом же деле Агриппа, отогнав Секста, высадился на берег и захватил важную вражескую базу у мыса Гиндар. Об этом Октавиан узнал лишь после того, как его спасли солдаты Валерия Мессалы Корвина, человека, которого он и его коллеги-триумвиры когда-то внесли в проскрипционные списки.

Будучи теперь далек от поражения, Октавиан вскоре одержит полную победу. Агриппа и Лепид захватили у Секста так много стоянок, что тот решил рискнуть всем и вступить в решающий бой на море — пока еще можно доставлять продовольствие на корабли с острова. Агриппа принял вызов, и Октавиан мудро уступил ему эту работу. Битва при Навлохе, состоявшаяся в сентябре 36 года до нашей эры, кончилась разгромом Секста, чьи корабли были маневреннее, но малочисленнее, чем плавучие башни Агриппы, и не могли противостоять новым абордажным приспособлениям.

Когда от большинства его кораблей остались разбитые или догорающие остовы, Секст бросил свои восемь легионов и отправился с уцелевшими кораблями на восток — к Антонию. Он бы еще какое-то время побесчинствовал, не надумай послужить парфянам. Кончил Секст тем, что один из легатов Антония захватил его и казнил.

Прежде чем Октавиан отпраздновал победу, Сицилийская кампания сделала еще два витка.

Укрепленный город Мессена вместе с войсками Секста сдался Лепиду. У него под командованием оказалось не меньше двадцати легионов (около ста тысяч солдат). Иг-

норируемый коллегами триумвир решил, что пробил его час. Когда к месту действия прибыл Октавиан, Лепид велел ему немедленно покинуть остров. Лепид, несомненно, решил завести собственную державу, добавив Сицилию к уже имеющейся у него провинции — Африке. Действовал он не по плану, а скорее наудачу, и нет никаких свидетельств того, что он советовался с Антонием.

Октавиан оказался в трудном положении. После отбытия Секста солдаты подняли мятеж, требуя денежных вознаграждений и земель — для тех, кто сражался за молодого полководца с самой Мутины. Задача, которую Лепид думал решить простым численным превосходством, превратилась для Октавиана в сражение за умы и сердца людей — и своих, и тех, кто находился в лагере третьего триумвира. В этом Октавиан был силен. Если в самом начале карьеры он убедил отделившиеся от войска Антония легионы, то теперь сможет убедить и солдат Лепида, которые своего начальника никогда не любили. За дело взялись опытные люди Октавиана, и через несколько дней все войска Лепида перешли к нему.

Когда победитель пришел в его лагерь, Лепид стал умолять о прощении. Жизнь ему сохранили, но карьера его была кончена. Полководца лишили звания триумвира и отправили под стражей в Италию, где он и прожил остаток жизни — в неизвестности, и хоть и не в заключении, зато под постоянным наблюдением. Опозоренный патриций был обязан жизнью титулу верховного жреца — должность священная, хотя и весьма политизированная, и давалась она пожизненно. Чтобы отобрать ее, Октавиану пришлось ждать, пока Лепид умрет своей смертью.

К беглым рабам в сдавшемся войске Секста, числом тридцать тысяч, Октавиан отнесся без всякой жалости. По ПUTEОЛЬСКОМУ договору им даровалась свобода, но поскольку Секст нарушил договор, то и Октавиан счел справедливым проигнорировать это условие. Всех рабов, кого смог-

ли, отправили для наказания к бывшим хозяевам, а остальных — шесть тысяч — распяли.

В столице Октавиана встретили ликованием, как героя. Казалось, все долгие лишения забыты: пищи теперь в Риме стало в изобилии. Юный спаситель воспользовался случаем и еще поднял свой престиж, получив неприкосновенность народного трибуна; однако чтобы получить полномочия трибуна, ему пришлось ждать еще несколько лет. Но даже и при этом нанести ему физическое увечье считалось преступлением против религии. Кроме того, Октавиан получил право носить лавровый венок, как ранее Юлий Цезарь, — чтобы все видели: он избранный сын бога.

Октавиан нуждался в таких чисто внешних атрибутах славы — учитывая, что делал сейчас на востоке Антоний.

Готовясь к давно задуманному походу на парфян, Антоний провел зиму в Антиохии, с Клеопатрой. Царица привезла с собой близнецов, рожденных от Антония, и убедила его признать публично свое отцовство. Это и тревожило Октавиана: дело касалось династических интересов, к тому же сестре его было нанесено оскорбление. Римский суд не признал бы близнецов Александра Гелиоса и Клеопатру Селену (их вторые имена означали соответственно «солнце» и «луна») законными детьми, потому что по римским законам браки с иностранцами считались *ultra vires**. Зато их могут признать правители зависимых восточных держав; и самому Антонию ничто не мешает написать завещание в их пользу.

Неизвестно, совершили Антоний и Клеопатра обряд бракосочетания или отложили его до возвращения в Александрию, которое произошло год или более спустя. Зато точно известно, что в Антиохии царица получила неслыханный «свадебный подарок» — земли, находившиеся в римских владениях. Сюда входили: центральная часть Сирии вместе с главным городом Дамаском, часть палестин-

* *Ultra vires* (лат.) — за пределами полномочий.

ского побережья, Киренаика, столица которой, Кирена, располагалась на североафриканском побережье в пятистах милях к западу от Александрии, а также остров Кипр. Антоний отверг ее неоднократные просьбы отобрать у Ирода Великого Иудею, зато отдал в распоряжение Клеопатры добычу битумных смол на Мертвом море и бальзамовые рощи Иерихона.

Египет был самой богатой державой в сфере римского влияния, и только из-за хитрых происков Клеопатры, очаровавшей сначала Цезаря, а потом и Антония, страна еще не вошла в состав римских владений. Благодаря подаркам Антония Египет почти воцарился в прежних границах, установленных при прославленном предке Клеопатры — Птолемею Втором Филадельфе (308—246 годы до нашей эры), сыне Птолемея Первого Сотера, основателя династии и одного из полководцев Александра Македонского. Все Птолемеи были, разумеется, македонского (греческого) происхождения, включая и саму Клеопатру. Птолемей Первый ввел в Египте религиозный культ Александра, а Антоний намеревался, в подражание Александру, повести большое европейское войско в самое сердце древнего Персидского царства, которым тогда владели парфяне.

Далеко не случайно Клеопатра дала сыну Антония имя Александр Гелиос. Царица считала себя земным воплощением богини Исиды, дочери бога солнца Ра. Она не могла не знать о пророчестве Вергилия — пусть и сделанном с поэтической вольностью в западном духе — о мальчике-спасителе, рожденном от Антония. Вергилий, конечно, имел в виду Октавию, законную супругу и мать, но та вместо маленького Антония родила двух девочек. Так разве не логичнее — согласно восточному менталитету, — если этим чудорбенком станет дитя Антония и Клеопатры?

Октавиан, размышляя над событиями в Антиохии, имел все причины задуматься о будущем четырехлетнего Алек-

сандра Гелиоса, сына таких непростых родителей. Еще больше его бы встревожила любая попытка Антония устроить судьбу старшего сына Клеопатры — Цезариона, — которому было около одиннадцати лет и которого все современники считали сыном Юлия Цезаря.

Вся карьера Октавиана основывалась на том, что он был приемным сыном и наследником Цезаря. И он ни в коем случае не потерпел бы такого соперника — признанного Цезарем родного сына, в котором текла царская кровь, — особенно теперь, когда посланники Антония возвестили о его победе над парфянами.

XIV

Угроза с востока

Антоний и вправду выиграл сражение против объединенных сил парфян и мидийцев, но войну умудрился проиграть. Человек с репутацией величайшего полководца современности опять угодил в ловушку — вместе со своими многострадальными легионами. Чередой элементарных ошибок, порожденных самоуверенностью вкупе с нетерпеливостью, привела Антония к такому положению, когда у него не оставалось выбора, кроме как отступать по горным тропам — зимой, среди выюг, почти без продовольствия, без теплой одежды, причем с тыла и флангов его преследовал противник.

Наполеон, в свое время прилежно изучавший историю римских военных походов, наверняка вспоминал эту случившуюся с Антонием беду, когда восемнадцать с половиной веков спустя подобным же образом отступал из Москвы. Наполеон, правда, успел вторгнуться в столицу противника и дать солдатам передышку. Солдаты Антония смог-

ли перевести дух, только когда миновали границу Парфянского царства.

Клеопатра, которая куда лучше, чем ее возлюбленный, понимала суть власти, к вторжению в Парфию относилась довольно скептически. План Антония был слишком рискованным, чтобы окупиться. Ему предстояло пройти тысячи миль по пересеченной и незнакомой местности, только чтобы достичь первой цели — укрепленного мидийского города Фрааты, о котором нам известно лишь его название и местоположение — сто тридцать миль к западу от Каспийского моря. Антоний ничего не знал об объединенных силах противника, с которым ему предстояло столкнуться, а противник знал о нем все.

На таком удалении невозможно организовать надежное снабжение войска, и потому Антоний, если вдруг что-то пойдет не так, не получит ни продовольствия, ни подкрепления, а значит, ему придется беречь силы и кормиться за счет земель, по которым он будет проходить. С заносчивой самоуверенностью римского аристократа он, наверное, подумал: «Если смог Александр Великий — с меньшим войском, — то смогу и я».

Клеопатра пока еще не могла заметно влиять на его решения. Если он хотел сам иметь власть, то она могла бы найти более подходящие земли и поближе к дому, земли, где правили ее давние враги. На месте Антония царица, прежде чем отправляться так далеко, установила бы с помощью легионов власть на всем восточном Средиземноморье. Антоний же искал славы, и в основном ради себя самого. В мире, где жила Клеопатра, слава была не более чем спутником власти. Так или иначе, честь и слава Рима ее не заботили, ведь в Риме Клеопатру равно презирали и патриции, и простолюдины, видя в ней лишь наложницу Цезаря, женщину, которую можно выставить, как только она надоест. А ведь она вершила судьбы миллионов подданных, в

родной стране ее считали богиней, и предки ее правили великой державой, когда римские консулы еще пахали землю и дрались за власть в небольшом городке — когда находили время оторваться от плуга.

Некоторую часть похода Клеопатра сопровождала Антония — из Антиохии до Зегмы, города на Евфрате, назначенного для сбора всех частей. Парфия лежала на другом берегу реки, но Антоний не спешил переправляться. Эту роковую ошибку уже совершил Красс — пошел по голым равнинам Месопотамии (современный Ирак), где его пеших солдат, не имевших никакого прикрытия, конные парфянские лучники перебили, как скот. Войско у Антония было больше, чем у Красса, больше, чем любая из армий Цезаря.

Оно было слишком велико, чтобы его спрятать. Антоний показывал войско Клеопатре, и его, понятное дело, видели и вражеские глаза; парфянским лазутчикам оставалось просто пересчитать головы — и можно переплывать Евфрат с донесением.

Ядро этой необычайно большой силы составляли шестнадцать римских легионов, поддерживаемых собственной десятитысячной конницей Антония. Его новый, не испытанный еще союзник — армянский царь Артавазд привел тринадцать тысяч солдат, и почти половина из них были верхом. Еще четырнадцать тысяч легковооруженных воинов прислали подвластные Антонию правители. Всего у Антония набралось не меньше ста тысяч, но не больше ста двадцати тысяч человек.

Сжигать за собой корабли царица не стала: подобно Октавиану и его сестре, она не могла знать — не отправится ли Антоний из Парфии в объятия своей супруги Октавии.

В этот долгий путь Антоний пустился из Зегмы не позднее апреля или мая 36 года до нашей эры. Армия вначале шла на север, в направлении, почти противоположном Парфии, но, придерживаясь правого берега Евфрата, колонны

постепенно отклонялись к востоку и медленно продвигались по все более и более гористой местности к истокам великой реки. Потом армия повернула на юг и пересекла вражеские мидийские земли, направляясь к Фраатам, расположенным неподалеку от парфянской границы. Стояло уже позднее лето; примерно в это время Октавиан потерпел крушение у Мессены. Изнуренные солдаты окружили город и стали ждать, когда подтянется арьергард с осадными машинами. Замысел командующего стал ясен. Осенью он захватит Фрааты, войска перезимуют в городе, а весной пойдут через Парфию.

Мидийцы и парфяне не стали покорно ждать, пока их завоюют. Увидев, что Антоний не собирается атаковать их с большой равнины Тигра и Евфрата, они отнюдь не потеряли интереса к его передвижениям, как он, судя по всему, надеялся. Они следили за перемещением этого весьма заметного войска издали, а возможно, даже из его собственных рядов. И дождались случая: Антоний разделил войско; он оставил людей Артавазда и два своих легиона охранять обоз, а большую часть людей повел быстрее вперед. Армянский царь, по-видимому, предупрежденный о нападении, отправился со своими частями домой, бросив арьергард без конного прикрытия. Оставшуюся пехоту многочисленные враги перебили или взяли в плен, драгоценный обоз угнали, а столь необходимые осадные машины уничтожили.

Антоний, разумеется, поспешил обратно, но не успел спасти ни арьергард, ни себя. Сражение он выиграл — прогнал врага с поля боя, однако его пехотинцы развить успех не смогли: противник, насчитывавший пятьдесят тысяч конных лучников, превосходил их и в скорости, и в дальности стрельбы. Лишившись осадных машин в местности, где нет ни дерева, ни железа, Антонию следовало немедленно повернуть назад, но он был слишком горд и упрям, чтобы сразу смириться с таким унижением. Попытка про-

должить осаду с помощью насыпей и мостов из того немногого дерева, что удалось найти, как и следовало ожидать, провалилась. Когда Антоний послал солдат добыть провианта, их перебили вражеские лучники. Мидийцы устроили крупную вылазку из города, отвлекли осаждающих и разрушили их сооружения. После этого Антоний провел среди уцелевших участников сражения децимацию — как будто ему мало было потерь в боях!

Только когда парфянский царь Фраат предложил Антонию переговоры, Антоний заставил себя признать поражение. Он попросил вернуть ему пленных и штандарты, но царь ответил презрительным отказом и обещал лишь не препятствовать отступлению.

Жители Фраат, заблаговременно узнавшие о приходе римлян, успели запастись продовольствием. Начиналась осень. Антоний, не имея ни припасов, ни зимней одежды, ни строительных материалов, решил, что даже такое предложение лучше, чем ничего. Правда, Фраат получил трон, убив престарелого отца, и вряд ли на его слово стоило полагаться. Так оно и оказалось.

Ослабевшее римское войско свернуло шатры — и попало бы напрямик в засаду, если бы отправилось назад тем же путем. Один из проводников сообщил Антонию о ловушке и повел римлян другой дорогой — более трудной, но не столь опасной. И все же когда после тяжкого отступления, длившегося двадцать семь дней, войско пришло в Армению, в нем было на двадцать восемь тысяч воинов меньше, чем вышло в Парфию весной — не считая погибших из числа лагерной прислуги, большей частью рабов, и солдат, дезертировавших с Артаваздом. Из этих двадцати восьми тысяч половина людей умерли от голода и болезней. Еще восемь тысяч погибли в снегах во время отступления по армянским землям, хотя враг их уже не преследовал. Современный Антонию историк Веллей Патеркул, сторонник

Октавиана, писал: «Антоний называл поражение победой, потому что ему удалось уйти живым». Замечание, не лишенное справедливости.

В конце пути, на подходе к равнинам Средиземноморья, военачальник бросил остатки своего потрепанного войска и поспешил вперед — как можно быстрее послать гонцов в Александрию. На берегу Сидона он устроил временный штаб и стал скорбеть о погибших товарищах, топя печали в вине. В промежутках между пьянством он вскакивал и бежал к морю в надежде увидеть паруса Клеопатры. Царица прибыла в следующем году; оказалось, что она вновь ждет от него ребенка. Клеопатра привезла большой запас теплой одежды для солдат, но мало денег для уплаты войскам. Возможно, она решилась хотя бы таким образом показать, что недовольна действиями возлюбленного. Антоний возместил недостающее из собственных денег.

Октавия, брошенная жена, тоже отплыла с припасами для войска мужа, но только когда началась весна и плавание стало неопасным. Она привезла ему и подкрепление: две тысячи солдат — на восемнадцать тысяч меньше, чем обещал Антонию ее брат. Добравшись с небольшим флотом до Афин, Октавия стала ждать известий от мужа — захочет ли он, чтобы она плыла к нему дальше, или же сам двинется ей навстречу. Антоний прислал ей лишь краткий приказ — отправить корабли с грузом к нему, а самой возвращаться в Рим. Наверное, то была для Октавии горькая минута. Она скорее всего уже знала, что Антоний вернулся вместе с Клеопатрой в Александрию. Больше она не встретится с мужем. А их младшая дочь так ни разу в жизни и не видела отца.

Октавия пустилась в путешествие к Антонию в отчаянной попытке спасти их брак, показать мужу, что она не меньше, чем Клеопатра, способна помочь ему в трудную минуту. Толку из этого не вышло, разве что в Риме, куда Октавия в унынии возвратилась, стали еще больше ее ува-

жать. Брат предложил Октавии уйти из дома Антония, но она не пожелала. Октавию все больше чтили как самоотверженную и достойнейшую из жен, а слава Антония все ухудшалась. Древним историкам, похоже, не приходило в голову, что ей, возможно, просто больше нравилось жить — относительно независимо — в доме Антония, чем вести довольно скромную жизнь в доме брата вместе с Ливией, особенно во время его долгих отлучек.

После нанесенного сестре оскорбления Октавиан относился к Антонию с неослабной враждебностью. Хотя Октавиан пока еще не мог начать войну, он использовал любой случай, чтобы очернить соперника в глазах римлян, выставить человеком, которого отныне ни Рим, ни его ценности не интересуют. Нанесенное Октавии и ему самому явное оскорбление Октавиан со свойственным ему мастерством преподнес как оскорбление для каждого римского гражданина.

Не испытывая необходимости заведомо лгать о своем коллеге-триумвире, Октавиан пустился обрабатывать общественное мнение, играя на предвзятом отношении римлян к Востоку — якобы изнеженному и распутному. Не придумывая для своей пропаганды прямой лжи, он, подобно современным политтехнологам, бесстыдно подавал известные факты таким образом, что получалось, будто Антоний полностью порабошен злой чужеземной царицей. За шесть лет Октавиан так сильно изменил мнение римлян о своем сопернике, что хоть сейчас мог вести из Рима войско в священный поход, призванный избавить западный мир от угрозы, исходящей от Клеопатры и Антония (именно в таком порядке).

Как же мог Антоний поступить с Октавией столь грубо и бесцеремонно? Тут легко прослеживается влияние Клеопатры. Царица была гораздо умнее своего избранника и, подобно многим женщинам в ее положении, предпочитала по возможности этот факт не подчеркивать. После кровавого поражения Антония в Парфии, когда он не мог не признать

ошибки, Клеопатра постаралась убедить возлюбленного, что его настоящий враг не парфянский царь, не предатель Артавазд, а старый соперник по Риму — Октавиан. И потому Клеопатра склоняла Антония к разводу по римским законам: ведь если он бросит ее и вернется в Рим к жене, то и вражда с Октавианом может сойти на нет.

Древние источники описывают ситуацию не совсем так. Например, живший двести пятьдесят лет спустя Кассий Дион, который писал на греческом языке, не сомневался, что тут не обошлось без колдовства, и повторял это неоднократно. «Его еще больше поработила страсть (*eroti*) и колдовство Клеопатры (*gonteia*)». В его суеверный век такое рассуждение было вполне логичным. В конце концов, как еще озадаченный историк мог объяснить поведение римского проконсула, посещавшего вместе с царицей александрийский рынок, причем ее несли в носилках, а он шагал рядом, в толпе евнухов?

Несомненным доказательством ее власти над злыми силами служила, по Диону, та готовность, с которой Антоний соглашался позировать вместе с Клеопатрой для статуй и рисунков. На некоторых они предстают как Осирис и Исида, на других как Дионис и Селена, греческая богиня луны, тоже, как и египетская Исида, дочь солнца.

Всем известен миф о том, как Осириса убил и разрубил на куски брат Сет и как Исида оживила супруга, собрав части его тела, кроме — по одной из версий мифа — мужского органа. По другой версии, она полностью собрала тело супруга, оживила и родила от него сына Гора. Нетрудно представить, как прохаживались по поводу подобных историй римские остряки. Что же касается Диониса, это божество обладало как женскими, так и мужскими чертами и любило сильно напиваться, иногда с пагубными последствиями — для других. Философ-моралист Сенека век спустя писал: «Что погубило Марка Антония, мужа великого и

с большими способностями и заставило принять чужеземные обычаи и несвойственные римлянам пороки? Что, как не любовь к вину, не уступающая любви к Клеопатре!»

Плутарх, столь же суеверный, как и Дион, но более проницательный, считает иначе: Клеопатра, сразу поняв, какими опасностями грозит ей приезд Октавии в Афины, приняла меры, чтоб ей помешать. Если супруги встретятся, то постоянным вниманием и любовью Октавия сможет отводить мужа. Царица села на строгую диету с целью вернуть былую стройность (она, вероятно, располнела после родов) и пустила в ход весь резерв обольстительницы — улыбки, слезы, притворные обмороки, — стараясь убедить Антония, что не может преодолеть любви к нему. Она внедрила в пестрое окружение супруга некоего предсказателя, который должен был внушать Антонию, что его дух, или гений, обычно сильный и волевой, в присутствии Октавиана слабеет, и потому следует держаться как можно дальше от шурина.

Приняв подобные меры психологического воздействия, Клеопатра вдобавок велела служанкам рассказывать Антонию, будто бы по секрету, о том, как сильно она его любит. А Октавия, мол, вышла за него замуж по приказу брата.

Под таким давлением, пишет Плутарх, Антоний поведал, что если он оставит Клеопатру, она непременно покончит с собой. Вероятно, царица еще и хотела помешать ему вновь рисковать жизнью. Царь Мидии, против которого Антоний сражался в прошлом году, поссорился с союзником, парфянским царем, и предложил Антонию: не хочет ли он встретиться с ним у Фраат и возобновить парфянский поход? Возможно, царь действовал искренне, а может, и нет. Антоний явно желал принять предложение. Похоже, царице удалось воззвать к его здравому смыслу. Во всяком случае, он согласился остаться с ней до конца 35 года до нашей эры.

В том же году, словно по контрасту с грандиозными планами Антония, Октавиан начал небольшую, но тщательно

продуманную кампанию против иллирийских варварских племен на противоположном побережье Адриатики. Много славы такой поход не сулил, трофеев тоже, но воинов-дикарей требовалось срочно обуздать. Некоторые грабили суда у побережья Далмации, другие, когда не дрались между собой, нападали на путников. За два года, к 33 году до нашей эры, Октавиан искоренил пиратство и обезопасил маршрут, по которому солдаты и торговцы попадали из Италии — через форт Аквилею и город Тергесту (современный Триест) — в Грецию, Македонию и дальше на восток.

Пострадав два раза в боях, Октавиан поправил свою репутацию как полководец. Первый раз ему в правое колено попал камень из пращи, а во второй дело обстояло серьезнее: Октавиан хотел перейти с осадной башни на стену форта, а под ним и другими воинами проломился мост. Падая, он повредил ногу и обе руки. Поправившись, Октавиан уехал из Иллирика и отправился через Северную Италию по направлению к Галлии, как пишет Дион, с намерением вторгнуться в Британию. Проверить это неправдоподобное утверждение мы никак не можем.

Октавиану пришлось повернуть назад в Иллирик и подавлять мятеж далматов, которых он едва успел покорить. Впервые Октавиан провел в отдельных частях децимацию — за дезертирство.

Между тем Антоний, целый год оправлявшийся от удара, нанесенного парфянами и мидийцами, в 34 году до нашей эры стал прилагать активные усилия для восстановления своего *auctoritas*. Обманным путем (влияние Клеопатры?) он захватил и низложил Артавазда, которого считал виновником поражения в Мидии, и объявил Армению римской провинцией. Этим он заслужил похвалу сената, но прошло всего два года, и Армению захватили парфяне и посадили на трон своего человека. Антоний постарался извлечь из победы как можно больше выгод: устроил себе три-

умф, только не в Риме, а в Египте. Артавазда, закованного в серебряные цепи, провели мимо Клеопатры и огромной толпы зрителей. Триумф этот вызвал в Риме большой общественный скандал, потому что прошел слух, будто Антоний собирается перенести столицу из Рима в Александрию.

Подобные слухи продолжали набирать силу — благодаря Октавиану, использовавшему их в своей пропаганде, а также Клеопатре, которая всячески показывала, как сильно ее влияние на Антония; она устроила церемонию, вошедшую в историю под названием «Александрийские дарения». Царица в священных одеяниях богини Исиды сидела рядом с Антонием на таком же, как он, золотом троне, а рядом на возвышении, на тронах поменьше, сидели их дети и Цезарион. Антоний, который к тому времени наверняка успел жениться на царице (не успев развестись с Октавией), объявил ее «царицей царей», а ее старшего сына Птолемея Цезаря (Цезариона) — «царем царей» и обоих — независимыми соправителями Египта и Кипра.

Затем настал черед младших детей. Александр Гелиос, которому было шесть, получил Парфию, Мидию и Армению, причем Парфию и Мидию еще только предстояло завоевать. Его сестра-близнец Клеопатра Селена, недавно помолвленная с сыном мидийского царя, получила Ливию и Киренаику, в Северной Африке. Крошечного Птолемея Филадельфа, который, наверное, едва научился ходить, объявили повелителем царств, расположенных между Геллеспонтом и Евфратом. Теперешних правителей этих стран смещать не собирались, однако они должны были признать власть над собой детей Клеопатры и Антония. А трое детей, в свою очередь, должны были признавать повелителями мать и старшего брата Цезариона.

Все это, очевидно, были плоды изобретательного ума Клеопатры. Ясно, что повелителем всех и каждого на востоке оставался Антоний с его легионами, но о его роли в

управлении и распределении власти широкой публике предоставили додумываться самой.

Самое важное, с точки зрения находившегося в Риме Октавиана, было то, что отныне не оставалось никаких сомнений в династических планах Антония, действующего с подачи царицы. Устроив церемонию раздачи государств, Антоний выступил не в роли римского полководца, который может быть отозван с поста, а в роли эллинистического богоподобного монарха, пользующегося абсолютной пожизненной властью и передающего ее наследникам — своим и Клеопатры отпрыскам.

Объявив Цезариона законным сыном Юлия Цезаря и, стало быть, настоящим его наследником, Антоний тем самым окончательно разорвал отношения и с Октавианом, и с его сестрой. Вряд ли он мог сильнее ущемить интересы Октавиана. В то же время сам Антоний от подобного публичного заявления никаких преимуществ не получал. Преимущества получали Цезарион и его мать. Именно особому положению — сын и наследник Цезаря — Октавиан был обязан всей своей политической карьерой. Антоний же, поощряемый незаконной женой Клеопатрой, растил царевича, чьи притязания на родство с Цезарем более серьезны, чем его, Октавиана. Такую угрозу своей власти Октавиан терпеть не собирался. На горизонте замаячила война, причем война не на жизнь, а на смерть. Добивался ли Антоний именно такого результата — трудно сказать.

В начале 33 года до нашей эры Октавиан, обвиняя Антония в недостойных римлянина действиях, доложил сенату о подробностях «Александрийских дарений». Ответный удар противника не заставил себя ждать. Антоний письменно заявил, что Октавиан нарушает условия соглашения — не только относительно набора войск, но и отказывается предоставить землю ветеранам Антония, в то время как в большом количестве раздает наделы своим. Кроме того,

Антоний поставил коллеге на вид, что тот действовал в одностороннем порядке и, стало быть, нарушил договор о триумвирате, когда без его согласия сместил Лепида. Он, Антоний, не получил никаких выгод от освобождения Сицилии, хотя и предоставил Октавиану корабли, к тому же младший триумвир не стал делиться с коллегой сдавшимися легионами Лепида и Секста, а оставил их все себе.

То были неопровержимые обвинения. Октавиан, ставший уже мастером политической интриги, и не стал их опровергать. Напротив, он повел на Антония и его царицу стремительное наступление. Вероятно, тогда и прозвучало впервые обвинение в адрес Клеопатры, что она якобы собиралась в один прекрасный день вершить правосудие на Капитолии в Риме. В этой лицемерной словесной войне было не важно — обоснованно обвинение или нет. Ответ Октавиана на обвинение Антония в отказе выделить землю ветеранам ясно показал: поиски справедливости вытеснили вульгарное сведение счетов и обмен колкостями. Ветераны Антония, заявил Октавиан, не имеют отношения к землям в Италии, их следует расселять в странах востока, которые их военачальник уже объявил завоеванными — таких как Мидия и Парфия. Что же касается дележа трофеев, то Октавиан согласен поделить с ним Сицилию, если Антоний отдаст половину Армении.

В частной переписке оба военачальника позволяли себе еще и не такое. На упреки Октавиана в грубом обращении с Октавией и связь с царицей Антоний отвечал речью солдафона: «Что на тебя нашло? Что с того, что я путаюсь с царицей? Это не теперь началось, а тянется уже девять лет. А ты разве спишь только с Друзиллой? Хорошо, если ты, пока читаешь мое письмо, не отымел Тертуллы, или Терентиллы, или Руфиллы, или Сальвии Титизении — или всех скопом! Да какое мне дело, с кем — точнее, в ком — тешишь ты свою похоть».

Быть может, именно эти обвинения заставили Октавиана распространить свою неприкосновенность трибуна на Ливию и Октавию.

Октавиан теперь все более уверенно использовал свою власть в столице, чтобы предстать перед гражданами как правитель, принимающий близко к сердцу их повседневные заботы. Он и его приближенные во главе возрожденной партии цезарианцев начали использовать государственные средства и доходы от военных кампаний, чтобы повысить уровень жизни в Риме. Пищу горожанам уже и так оплачивали. Агриппа, спустившись на одну ступень в *cursus honorum* и став в 33 году до нашей эры эдилом, приступил к большой программе общественного строительства — починке дорог, чистке канализации и — самое выгодное — улучшению и расширению снабжения города качественной питьевой водой. Он восстановил ветшающий акведук Марция, построенный в 144 году до нашей эры, и впервые за последние девяносто лет провел в Риме новый — Юлиев акведук, в честь рода, усыновившего Октавиана.

Проведя воду в некоторые части города, где раньше ее не было вообще, Агриппа сэкономил римлянам миллионы человеко-часов: ведь теперь жителям не приходилось целыми днями носить издалека сосуды с водой. Потом Октавиан и Агриппа провели еще два акведука и тем самым исправили упущение равнодушных оптиматов, почти сто лет не желавших оплачивать воду для бедняков, у которых не хватало средств жить в районах с колодцами.

С обычной для них дальновидностью и распорядительностью Октавиан и его помощник завели постоянные службы для дальнейшего технического обслуживания акведуков.

Агриппа подал еще один пример совершенно нового стиля управления: он не просто послал рабов с лопатами в сточные каналы, он сам отправился с ними и, где было воз-

можно, тоже пробирался по туннелям *Слоаса Максима** к стокам в Тибр.

Еще Агриппа прославил свое правление тем, что на это время разрешил свободный вход в общественные бани как мужчинам, так и женщинам, причем людям бесплатно выдавалось оливковое масло, которым пользовались для мытья до изобретения мыла. Богатый коллега Агриппы Меценат создал на Эсквилинском холме, на месте заброшенного кладбища, большой общественный парк, где могли гулять все горожане с семьями.

Сам Октавиан восстановил крупный комплекс строений вокруг театра Помпея, хотя именно в этом театре убили Цезаря — прямо под статуей его врага. Домиций Кальвин, дважды консул, в 53 и 40 годах до нашей эры, который позже водил войско против мятежных испанских племен, после успешного похода выделил часть добычи на восстановление сгоревшей Регию — одного из самых древних и самых почитаемых строений в Риме, где хранились архивы великих понтификов. Регия стояла в западной части Фору-ма; здание, впервые выстроенное еще в бронзовом веке, уже однажды восстанавливали в камне. Кальвин решил поддержать честь марки и отстроил Регию из мрамора.

Хлопотливый 33 год до нашей эры был годом восьми консулов — число совершенно беспрецедентное. Октавиан вступил в должность 1 января и на следующий же день вышел в отставку — чтобы поочередно передать своим сторонникам воделенное консульство: семьям консулов по-прежнему присваивался статус благородных. Если Октавиан решится спровоцировать Антония на развязывание гражданской войны, ему понадобится поддержка как можно большего числа проконсулов. Он уже в какой-то степени обесценил должность претора, назначив за один год не меньше

* *Слоаса Максима* (лат.) — Большая клоака, главный туннель канализации в Древнем Риме.

шестидесяти семи преторов; правда, неизвестно, сколько среди них было кандидатов Антония.

Сенат уполномочил Октавиана создать новый патрициат, который теперь, когда из-за гражданских войн погибло множество древних родов, был срочно нужен для заполнения жреческих должностей: считалось, что дар толковать волю богов присущ только людям самым благородным. Таковых Октавиан выбирал из семей, готовых, как он считал, его поддержать.

Примерно тогда же Агриппа отдал — и лично проконтролировал — распоряжение изгнать из Рима астрологов и колдунов. Октавиану не хотелось рисковать: вдруг какой-нибудь самодеятельный гадатель предскажет победу Антония.

Срок триумvirата, согласно новому договору, истекал 31 декабря 33 года до нашей эры. Продлевать его Октавиан не собирался, поскольку пришлось бы мириться с соперником, которого он теперь ненавидел и надеялся уничтожить. Впервые за десять лет Октавиан не занимал никакого официального поста, но по-прежнему пользовался неприкосновенностью, хотя и не властью трибуна. И он мог напомнить — если кто-то забыл, — что власть его зиждется не на государственной должности, пусть и почетной, а на легионах. Антоний продолжал называть себя триумвиром, словно он один решал, выйти ли ему из союза. В то же время он заигрывал с оптиматами, предлагая сложить с себя звание триумвира — уже ничего не значащее — и восстановить республику, если согласится Октавиан.

В 32 году до нашей эры оба консула были сторонники Антония: Гай Сосий, который, захватив в 37 году до нашей эры Иерусалим, посадил на трон Ирода, и Домиций Агенобарб, правая рука Антония. Октавиан намеренно не явился на первое заседание сената, проходившее под их руководством.

Полководец Сосий и командующий флотом Агенобарб привезли послание от своего военачальника, но читать его не стали, боясь навредить Антонию: в письме он требовал, чтобы сенат признал все его декреты, включая «Александрийские дарения». Антоний и Клеопатра провели ту зиму в Эфесе — вместе с флотом и отдохнувшим войском, пришедшим туда же в ноябре, якобы для подготовки к новому вторжению в Парфянское царство.

К тому времени уже не только Октавиан подозревал, что эти многочисленные легионы могут послать и против него. Догадки перешли в уверенность, когда Сосий начал хвалить перед сенатом Антония и нападать на Октавиана и проталкивать направленную против него резолюцию. Подробности неизвестны, но речь, видимо, шла о каком-то порицании в адрес Октавиана. Один из трибунов наложил вето, и за предложение Сосия не голосовали — к облегчению подавляющего большинства сенаторов, опасавшихся выказывать враждебность к какой-либо из сторон. Отсутствие Октавиана на заседании, как и то, что он не занимал никакого официального поста, подвигло некоторых серьезных его противников раскрыть карты; именно на это Октавиан, возможно, и надеялся.

И он нанес ответный удар, продемонстрировав военную силу, — удар мощный и грозный, сравнимый с государственным переворотом. Октавиан вернулся в Рим, ведя за собой войско, как делал уже дважды. Разница заключалась в том, что на этот раз Октавиан целиком и полностью контролировал все силы запада, и теперь уже никто не сомневался в его готовности их применить и поставить страну с ног на голову — ради себя и своих сторонников.

На следующее заседание сената Октавиан явился в сопровождении солдат и занял свое место триумвира между двумя консулами. Главные его приверженцы среди сенато-

ров уселись на ближайшие к нему скамьи, пряча под тогами кинжалы.

По словам Диона, Октавиан говорил долго и речь его была скромной, хотя и содержала множество обвинений против Антония и Сосия. Упоминание о скромности плохо согласуется с тем, что произошло после заключительного слова Октавиана, в котором он пообещал принести на следующее заседание документальные доказательства своих обвинений. Консулы отвечать не осмелились, сенаторы — тоже. В зале царило гробовое молчание, а двадцатидевятилетний Октавиан обводил немолодых сенаторов каменным взглядом. Довольный произведенным эффектом, он удалился, сопровождаемый телохранителями.

Сосий и Агенобарб покинули город, и как консулам им немедля нашли замену. Немалое число сенаторов последовали за ними в Эфес, к Антонию, но основная часть, больше тысячи, остались в Риме. Октавиан не пытался остановить беглецов, а заявил: кто хочет, пусть уезжает. Кое-кто из сенаторов сделал обратный выбор — бросил Антония, спеша, пока не поздно, примкнуть к его сопернику. Антоний, обозленный, решился на шаг, который давно обдумывал, — развод с Октавией, и послал своих людей в Рим выдворить ее из дома. Забрав своих детей и детей Фульвии, Октавия ушла в слезах; ей не хотелось, чтобы из-за нее враждовали брат и бывший супруг.

Среди покинувших Антония высокопоставленных лиц были Мунаций Планк, участник Перузийской войны, и его зять Марк Тиций, который недавно казнил Секста Помпея. Эти двое привезли Октавиану важнейшие сведения — не о дислокации войск противника (такие простые вещи мог сообщить кто угодно), а о том, что Антоний написал завещание, весьма его порочащее, и оставил его в Риме. Весталки, у которых хранилось завещание, отдать его отказались, но и без того пошли против чести, разрешив Ок-

тавиану прийти самому и прочитать. Сломав печать, он увидел, что там опять говорится о якобы признанном Цезарем отцовстве, а также подтверждаются распоряжения Антония, сделанные во время «Александрийских дарений». Это лишь относительно дел государственных; кроме них Октавиана ждало еще одно, убийственное откровение: Антоний желал быть похороненным рядом с Клеопатрой в ее александрийской усыпальнице (которая еще только строилась), даже если он умрет в самом сердце Рима.

Строчку за строчкой читал Октавиан завещание Антония пораженным сенаторам. В Риме оно произвело эффект разорвавшейся бомбы. Своим завещанием Антоний подтвердил справедливость обвинения Октавиана, что его враг уже стал египтянином. Антоний не просто предпочел Октавии Клеопатру, он предпочел Египет Риму! Когда эта весть распространилась по Италии и всему западу, отношение народа к происходящему резко изменилось. Люди были готовы поверить, что на востоке под знаменами Антония собираются мощные силы, дабы подчинить Рим и перенести столицу в Александрию, и стоит за этим злая воля Клеопатры. Более того, римляне готовы были каждый отдельно и все вместе поднять руку и принести клятву верности Октавиану как защитнику от египетской угрозы.

«Вся Италия по своей воле поклялась мне в верности, — пишет он с неубывающей гордостью сорок пять лет спустя, почти в конце своей долгой жизни, в «*Res Gestae*» («Деяния Августа») — автобиографии, составленной в качестве надгробной надписи в назидание потомкам. — Меня избрали вождем в войне, в которой я победил при Акции. Провинции Галлии, Испании, Африка, Сицилия, Сардиния тоже поклялись мне в верности. Среди тех, кто воевал под моими знаменами, было больше семисот сенаторов».

Можно не сомневаться, что этот вотум народного доверия, выраженный в форме клятвы, обеспечила Окта-

виану цезарианская партия, теперь полностью сплотившаяся вокруг него. Жители провинций, до того времени считавшие Рим средоточием далекой от них безымянной силы, властвующей над их судьбами, обрели теперь покровителя, который просит каждого из них принести ему клятву верности. В дальнейшем они смогут использовать эти отношения, чтобы просить, если понадобится, его защиты. Что может быть эффективней — ветеран, которому грозит суд, просит о помощи принцепса, на том основании, что сам никогда не отказывался помочь ему и рисковал жизнью в боях, — и Октавиан тут же берет на себя роль защитника в суде.

Сенат лишил Антония всех полномочий, включая назначенное ему на следующий год консульство. Однако войну объявили не ему, а Клеопатре. Для того чтобы это была *bellum iustum* (справедливая война), Октавиан, как член коллегии фециалов, существовавшей как раз для таких случаев и насчитывавшей двадцать человек, провел предписанный ритуал.

Изначально фециалам полагалось приходить на вражескую территорию, объявлять войну и сообщать Юпитеру о своей правоте. В течение тридцати трех дней противнику давалась возможность просить о мире или дать в какой-то форме удовлетворение. По окончании этого срока фециалы возвращались к границе и метали копье во вражескую землю. Церемонию объявления войны издавна приспособляли к современным условиям, но суть оставалась неизменной.

Перед храмом Беллоны, у самых стен Рима разметили клочок земли, символизировавший страну противника. В эту землю Октавиан, в присутствии многочисленных зрителей, и воткнул копье. Древний ритуал был соблюден, боги умиловлены. Грядущая война будет настолько справедливой, насколько справедливо поведет ее Октавиан.

XV

Самоубийство на Ниле

Мотивы и характеры соперников были, наверное, для исхода войны важнее, чем соотношение их сил на суше или на море. Октавиан не знал или мало знал Клеопатру, зато знал того, с кем ему предстояло сражаться. Антоний слишком лелеял свой образ непревзойденного и в бою, и в застолье воина-аристократа, защитника слабых. Его реакцию на бросок символического копья было легко предсказать — схватит и в праведном гневе метнет обратно. Антоний не стал медлить, не подумал, что при равенстве сил куда больше рискует тот, кто первым начнет массированное наступление.

Октавиан был осторожнее. Его желание победить главенствовало над любыми мечтами о скорой победе. Больше всего он хотел удержать власть, которую уже завоевал, и усилить ее за счет соперника — если будет такая возможность. Убедив сенат объявить войну только Клеопатре, Октавиан тем самым получил гарантию, что любой шаг Антония в ее поддержку будет рассматриваться как действия против отечества, а не против Октавиана лично. И тогда Антоний автоматически становится врагом государства, со всеми вытекающими для него помехами и угрозами. Его имущество будет немедленно конфисковано государством; любой гражданин, включая каждого из его многотысячного войска, будет вправе и даже обязан убить его на месте.

Антонию следовало учесть еще одно стратегическое преимущество Октавиана: у того не было необходимости наносить массированный удар по Египту, посылать туда весь флот. Он мог выбрать не столь рискованный путь — направиться с противником постепенно, начав с близких к Италии земель, таких как Греция и Македония. Антоний основные силы сосредоточил у Клеопатры в Александрии,

и если бы он решил наступать на какие-нибудь западные земли, до любого места ему было бы дальше, чем даже до Парфии. А если бы Антонию удалось найти подходящее место для высадки в Испании или южной Галлии, то ему пришлось бы действовать одновременно в противоположных частях Средиземноморья. В любом случае Италия не была уже столь беззащитна перед вторжением с суши; на северо-западных и северо-восточных путях по всей глубине размещались теперь войска. По сути, наилучшим вариантом стало бы вторжение с моря, пусть даже Антоний и сделал одну попытку и едва не кончил плохо.

Сразу взять этот курс ему помешали разногласия с Клеопатрой. Поскольку царица содержала войско и флот, она настаивала на своем участии в кампании; частично чтобы защитить собственные политические интересы, которые существенно отличались от интересов Антония, но больше, конечно, из опасения, что, предоставленный самому себе, Антоний может заключить мирный договор, причем на сцене опять появится Октавия.

Октавиан весьма успешно опорочил Клеопатру в глазах римлян, и Антоний потерял возможность вторгнуться в Италию вместе с ней — против него восстал бы весь запад, а то и вся держава. Решил он проблему, по-видимому, так: собрался выманить Октавиана за границу, навязать ему сражение и уничтожить — на суше или на море, — и только потом ступить на землю Италии.

Первым важным шагом Антония — после мобилизации и усиления флота — стал созыв всех сенаторов, бежавших из Рима, и создание собственного сената во главе с двумя консулами — Агенобарбом и Сосием. Этим он напомнил всем, что он как-никак римский полководец; на время кампании Антоний решил отказаться от образа эллинистического монарха. Клеопатра продемонстрировала свою финансовую мощь, выдав Антонию огромнейшую сумму — два-

дцать тысяч талантов золотом, — хватило, чтобы собрать в поход целую толпу царей, хотя то была лишь крупица из казны фараонов. Ирод, желавший получить обратно бальзамовые рощи и добычу битума, в частной беседе посоветовал Антонию деньги взять, а царицу убить.

Антоний явно не собирался повторять ошибку, стоившую ему в Парфии столь многого, — спешить. Он делал продуманные шаги к главной цели, надеясь спровоцировать противника на ответные действия еще до того, как ее достигнет. В апреле Антоний устроил штаб на острове Самосе, где была удобная стоянка для не переставающего расти флота. В мае он приехал в Афины, и там депутация от его итальянских клиентов тщетно упрашивала его отослать Клеопатру в Египет. К флоту присоединялись все новые и новые корабли — прямо с верфей; проходило лето 32 года до нашей эры, а Октавиан ничего не предпринимал.

Новые корабли Антония были даже больше тех, что с таким успехом использовал Агриппа против Секста Помпея. У некоторых имелось по восемь и десять рядов весел. Верхние ряды располагались очень высоко над ватерлинией и требовали от гребцов больших усилий и координации, чем обычно. Корпус этих кораблей защищали брусья, схваченные для прочности железными скобами, что еще увеличивало их размер, вес, а значит, и водоизмещение, и потому корабли были медленными, неповоротливыми и плохо слушались руля. События вскоре покажут, что Агриппа достиг в судостроении замечательного баланса между скоростью и прочностью корпуса.

В начале осени Антоний повел флот, насчитывавший уже пятьсот кораблей, вокруг каменистого побережья Пелопоннеса в Ионийское море, держась на боевой дистанции от Тарента и Брундизия, а несколько его легионов шли коротким путем по суше. Жители Италии, должно быть,

дрожали от страшных предчувствий, но Октавиан пока падать не спешил.

Антоний привел в действие резервный план. Держась к северу от широкой части коринфского залива, он занял стратегически важный остров Левкаду невдалеке от побережья Эпира, у входа в Амбракийский залив, сформированный двумя выступающими мысами. Акции, небольшой городок, стоял на южном мысу; Антоний укрепил его выступающую часть перед тем, как ввести корабли в залив, где они смогут укрыться от непогоды. В это время значительно меньший флот Октавиана вышел со стоянки, чтобы оценить положение, но не успел Антоний развернуть свои большие корабли, вернулся обратно. Не получив решающего сражения — ни на суше, ни на море, — Антоний удалился с царицей на северное побережье Пелопоннеса, в Патры — коротать зиму. Тысячи солдат остались зимовать в Амбракийском заливе, в суровых условиях. Залив местами переходил в болото, пригодной для питья воды было мало. Вернувшись к солдатам весной, Антоний узнал, что очень многие умерли от болезней (вероятно, дизентерии и малярии) и теперь на кораблях у него не хватает людей.

Октавиан тем временем боролся с мятежами и поджогами в Риме: чтобы финансировать войну, он повысил налоги, и это вызвало народное недовольство. Солдаты теперь стоили не так дешево, как раньше. Свободнорожденные граждане отдавали в казну четверть годового дохода, а вольноотпущенники — одну восьмую. Именно последних и подозревали в поджогах. Однако, несмотря на беспокойную обстановку, Октавиан был теперь сильнее, чем когда-либо, благодаря принесенной всеми гражданами присяге. Поскольку Антоний действовал медленно, военные советники Октавиана успели разгадать его стратегию и за долгие зимние месяцы подготовиться к ответным действиям и с максимальной выгодой использовать слабые места противника.

Войска Антония, стоявшие в зимних лагерях, растянулись по всему западному побережью Пелопоннеса до города Мефоны на его южной оконечности. Здешние земли не могли кормить их вечно, требовалось везти запасы из-за границы. Самой ранней весной, несмотря на ветра, из Египта вышли корабли с зерном. Агриппа тоже решил бросить вызов непогоде. Неожиданно напав с моря, он захватил Мефону, поставил там мощный гарнизон и разместил часть своего флота, наполовину отрезав противнику подвоз продовольствия. Октавиан переправился на остров Керкиру (современный Корфу) и оттуда высадил войска на материк, в двух милях от Антония. Затем он быстро двинулся к югу и занял северный мыс у входа в Амбракийский залив.

Антоний совершил ошибку, оказавшуюся роковой. Когда он добрался из Патр до залива, Октавиан уже построил большой укрепленный лагерь и две стены от лагеря до моря и тем самым обеспечил безопасный подвоз продовольствия и подкреплений. Агриппа же взял остров Левкаду и теперь контролировал вход в залив и запер там вражеский флот. Громоздкие корабли Антония могли выходить из пролива только по нескольку штук и были уязвимы для массированных атак более легких и подвижных судов Агриппы, особенно в мелких прибрежных водах. Антоний переправился на северный берег залива, чтобы осадить лагерь Октавиана, но ему не удалось ни обойти его с флангов, ни прорваться за укрепления, потому что он не смог переправить с собой большие осадные машины.

Агриппа еще подлил масла в огонь, захватив после морского сражения Патры, где зимовал Антоний. Затем поплыл на восток мимо Дельф и взял Коринф, который Антоний явно не позаботился должным образом защитить, хотя по Коринфскому перешейку шел последний оставшийся маршрут снабжения его войск.

Когда лето было в разгаре, Антоний, страдая от нехватки продовольствия и изводимый малярийными комарами, осаду снял и вернулся в лагерь на южном мысу. Местным жителям-грекам (среди них был дед Плутарха) велели доставлять войскам еду — столько, сколько они могли принести на спинах по крутым горным тропам. Других, включая несовершеннолетних мальчиков, силой забирали в гребцы.

Дезертирство в бездействующей армии Антония достигло угрожающих масштабов. Восточные правители, включая Ирода, отозвали свои войска в надежде договориться с Октавианом. Даже Домиций Агенобарб, заболев лихорадкой, уехал, не сказав ни слова. Антоний отослал ему его вещи — в знак выдающихся заслуг Домиция и чтобы продемонстрировать собственное великодушие; жест, пропавший втуне, поскольку болезнь оказалась смертельной.

Итак, армия Антония, состоявшая из девятнадцати легионов, не считая союзных войск, не имела задачи на наступление, а Октавиан успешно использовал для обороны особенности рельефа и не собирался рисковать и давать большое сражение на открытой местности. И пока Антоний не вызволит из этого положения себя и свою армию, она останется столь же бесполезной в тактическом плане, как и его огромный флот, недостатки которого с точки зрения как маневренности, так и командования столь беспощадно обнажил Агриппа. Так, второй раз за пять лет Антоний повел крупные силы в далекую страну, на этот раз — Италию, но даже не добрался до места. Во второй раз он сам завел себя в тупик, из которого единственный выход — прорываться обратно и дожидаться перемен к лучшему, пока не стало неизбежным унижительное поражение. Считая Мутину и Брундизий, Антоний в четвертый раз начал большую осаду и не смог довести до конца — ему самому пришлось искать спасения. Кажется, Октавиан, если подумать, был не такой уж и плохой воин.

С приближением осени Антоний созвал военный совет. Дион пишет, что на совете решалось: остаться и биться до конца или же отойти и возобновить действия в другом месте. Однако единственным реальным вопросом к тому времени оставалось, как им отступить — морем или сушей. Если Антоний сам поведет легионы, то рискует потерять деморализованный флот, а значит, и возможность скорого вторжения в Италию... но так он хотя бы сохранит войско. Клеопатра же хотела уйти морем, забрать свои оставшиеся шестьдесят кораблей и военную казну. Так можно было спасти часть флота и сохранить контроль над легионами. Клеопатра одержала верх над полководцем Канидием Крассом; Красс советовал Антонию оставить флот и передислоцировать войска в Македонию.

Клеопатра рассуждала вполне логично, только упустила из виду эффект, который произведет их бегство морем на оставшиеся на берегу легионы, не говоря уже о сражающихся моряках. Антонию было бы гораздо спокойнее вести войско самому, но он отдал приказ Канидию — уводить легионы на восток, когда кончится морское сражение. Чтобы не оставлять ничего противнику, Антоний велел сжечь все корабли, из-за нехватки людей не участвующие в битве. Октавиану, находившемуся в своем лагере, открылось зрелище грандиозного пожара на той стороне залива: ему стало ясно, что вражеский флот уходит и возвращаться не собирается.

Рассказы древних историков о сражении при Акции не слишком-то понятны, особенно описание того, как Клеопатра в самой середине сражения вдруг запаниковала и на всех парусах пустилась домой. Здесь присутствует не столько анализ событий, сколько предрассудки против Египта и против женской власти. Сам факт перевозки казны, которая могла легко утонуть или оказаться у врагов, убедительно доказывает, что и царица, и сам Антоний обдумывали именно такой сценарий: эскадра царицы уходит первой, а остальной

флот ее прикрывает, пока она вместе с грузом не окажется в безопасности. Оба, несомненно, питали какие-то надежды выиграть бой, избежать которого уже не могли, но главное — они хотели прорвать блокаду и вновь соединиться где-нибудь восточнее. Провести еще одну зиму в нездоровом Амбракийском заливе было невыносимо.

К тому времени Антоний, по-видимому, оставил все планы немедленного вторжения в Италию. Утверждать, что он проиграл сражение при Акции до того, как начал, означало бы слишком утрировать факты. Но если бы Антоний не одолел Агриппу в открытом море — а так скорее всего и случилось бы, — он смог бы подтвердить приказ ожидающим его войскам вернуться в Македонию или даже в Азию, пока он и Клеопатра по условленному сигналу тоже отступят — поплывут обратно вокруг Пелопоннеса. Затем Клеопатра могла вернуться в Александрию, а Антоний — передислоцировать войска, переведя легионы из других провинций, и отразить наступление Октавиана.

Когда утром 2 сентября они вышли из залива, Агриппа их уже встречал. Гребцы Антония ждали на веслах, пока суда Клеопатры заняли место в арьергарде — вероятно, чтобы не допустить дезертирства с передовых кораблей, на которых было двадцать тысяч солдат — большей частью союзников — и среди них лучники. Корабль Антония, находившийся на правом фланге, оказался против левого фланга противника, возглавляемого Агриппой, причем противник был многочисленнее и уже успел продемонстрировать превосходящие боевые качества и искусство судовождения. Когда во время битвы среди кораблей образовался проход, царица дала сигнал и двинулась вперед вместе со всей своей эскадрой. Скорее всего она просто начала действовать раньше, чем нужно, но, упусти она время, проход мог бы закрыться. Антоний перешел с флагмана на более легкое судно и устремился за ней, предав, как считает Плутарх,

солдат, которые продолжали сражаться и гибнуть за него. За шестьюдесятью кораблями царицы двинулись около сорока кораблей Антония. Он перешел на ее корабль и первые дни просидел на носу судна, будучи даже не в состоянии разговаривать.

Октавиана, командовавшего правым флангом, должно быть, поразило это бегство — если не Клеопатры, то бегство Антония несомненно. И наверное, только когда паруса скрылись за горизонтом, Октавиан поверил окончательно: его противник бросил войско и возвращаться не собирается. Но и тогда он еще не знал, что выиграл не просто сражение, а войну. Увидев, как главнокомандующий бежит, бросая их на волю судьбы, солдаты Антония стали сдаваться. Часть эскадры, стоявшая прямо напротив Октавиана, так быстро спустила знамена, что ее командир получил безусловное помилование — тот самый Сосий, бывший консул, который в начале 32 года до нашей эры напал на Октавиана в сенате.

Что касается Канидия, то он неоднократно пытался заставить легионы выполнить приказ главнокомандующего и вернуться на восток, а когда они взбунтовались, еле унес ноги.

Солдаты не желали больше и слышать об Антонии. Рискнуть целым войском, начав безнадежную осаду Мутины, — такое еще можно счесть невезением. Рискнуть повторно, в Брундизии, — уже беспечность. Третье и четвертое поражения у Фраат и при Акции — свидетельство полного неумения воевать, не говоря уже о том, что командующий бросил солдат, спасая собственную кожу.

Девятнадцать легионов продержались еще несколько дней после сражения, но для того лишь, чтобы выговорить себе более выгодные условия капитуляции. Война кончилась. Гонцы Октавиана быстро разнесли эту весть по всей стране, и когда Антоний прибыл в Киренаику, на североафриканском побережье, собираясь принять командование

над четырьмя тамошними своими легионами, его бывший полководец Пинарий Скарп не дал ему высадиться на берег. Сирийские легионы, еще один резерв Антония, также перешли на сторону Октавиана.

В самой Италии весть о победе означала, согласно Горацию, «пору для пышных яств»; в победной оде, поносящей Клеопатру, он пишет:

Грехом доселе было цекубское
Из погребов нам черпать, из дедовских,
Пока царица Капитолий
Мнила в безумье своем разрушить,
Грозя с толпой уродливых евнухов
Державе нашей смертью позорною*.

«Всего лишь один корабль ушел», — прибавляет далее Гораций, говоря о вражеском флоте; бесстыдная лож придворного поэта, обласканного властью, желание создать впечатление, что неразбериха при Акции на самом деле была титанической битвой отважного Октавиана против злобных сил, представленных «чудовищем востока» — Клеопатрой.

Окончательно уверившись в полной победе, Октавиан не стал сразу преследовать противника. С этим можно было подождать до поры, когда у него, полновластного хозяина Рима, найдется время. Сейчас куда важнее было отправить в отставку десятки тысяч лишних солдат, которые, пока носили оружие, представляли опасность и для себя, и для других. Следовало также накормить голодающее население Греции, перенесшее блокаду и потерю урожая. Запустив соответствующие административные машины, Октавиан поехал не в Италию, а отправился далее на восток, в Афины, и посетил город Элевсин, где был посвящен в Элевсинские мистерии.

* Перевод Г.Ф. Церетели.

Не следует считать, что Октавиан совершил поездку ради удовлетворения праздного любопытства. Как человек, считающий себя в родстве с Аполлоном, он мог искренне искать посвящения в некие божественные тайны. Вряд ли можно назвать простым совпадением, что древний храм, посвященный Аполлону, был самым большим на Акции и что сразу после битвы, как только смог, Октавиан отправился в Элевсин, где, по легенде, хранились сочинения легендарного сына Аполлона — Орфея. Посвящаемые погружались в религиозный экстаз, благодаря которому надеялись познать тайны жизни, смерти и загробной жизни. Испытал ли Октавиан такие переживания или полагал, что испытал, нам неизвестно.

Октавиан не собирался возвращаться в Италию, пока не решит вопросы послевоенного управления на востоке, но мятеж в войсках вынудил его покинуть Самос. Эта поездка в середине зимы едва не стоила ему жизни. Прежде чем он кое-как добрался до Брундизия, корабль два раза попал в бурю, столь сильную, что ветром сорвало с палубы все снасти и сломался руль. В Италии Октавиан успокоил солдат: пообещал им деньги и земельные участки, которые предполагал оплатить за счет аннексированных египетских земель.

Антоний тем временем поселился, словно отшельник, в уединенной хижине на александрийском берегу. Правда, надолго его не хватило, и он перебрался во дворец и принялся кутить с Клеопатрой, оставив надежду на возвращение к власти.

Между тем в Риме возник заговор против Октавиана, с которым ему даже не пришлось бороться самому; умысел убийц почти сразу раскрыл Меценат. Возглавлял заговор Марк Лепид, сын бывшего триумвира, молодой человек, по определению Веллея Патеркула, выдающейся внешности, но не ума. Марк был женат на той самой Сервилиии, с кото-

рой в 43 году до нашей эры заключил помолвку Октавиан, а после расторг, вынужденный жениться на Клодии, падчерице Антония. Когда Марка казнили, Сервилия, по обычаю своей семьи, покончила с собой.

Проведя в Италии не больше месяца, Октавиан снова отплыл на восток и там отстранил от власти нескольких назначенных Антонием местных царьков, однако не тронул никого из крупных монархов. Их царства он взял на заметку, как будущие части Римской державы, однако теперь у победителя нашлись более важные заботы, чем заниматься слиянием субъектов империи. Рано или поздно Рим их поглотит.

Ироду позволили сохранить свои территории в обмен на признание зависимости и немалые выплаты на военные расходы. Антоний и Клеопатра вместе направили к Октавиану послов, но с разными просьбами. Царица хотела отказаться от престола в пользу своих детей, Антоний просил позволения жить в Афинах или Александрии как частное лицо, а по другим источникам — предлагал убить себя, если взамен пощадят Клеопатру. Октавиан написал царице обнадеживающее письмо, однако до ответа поверженному противнику не снизошел.

К лету 30 года до нашей эры Октавиан прошел от Сирии до египетской границы, в то время как Корнелий Галл, командовавший легионами в Африке и Киренаике, вошел в Египет с запада, взяв тем самым страну в гигантские клещи. Антоний, желая избежать столкновения войск, послал Октавиану вызов на поединок; Октавиан ответил, что Антоний может умереть и другим способом.

31 июля войска Октавиана приблизились к окраинам Александрии, но их раскидала конница Антония. И на этом Антоний иссяк. На следующий день все его войска сдались и флот — тоже. Он вернулся в город, и ему сообщили, что

Клеопатра покончила с собой. Антоний, не откладывая, пронзил себе живот мечом.

Как всем известно, Клеопатра, распутив слух о своей смерти, спряталась в усыпальнице у храма Исиды. Царица взяла с собой самые дорогие сокровища: золото, серебро, слоновую кость, жемчуга, изумруды и другие камни — и сложила на поленницу дров и пакли, чтобы в любой момент можно было поджечь или же использовать в качестве козыря. Антония, который не мог двигаться, царица и ее служанки Ирада и Хармиона подняли в усыпальницу через окно на веревках, доставив ему немало мучений.

Клеопатра разорвала на себе одежды и раздирала ногтями грудь. Антоний попросил вина, выпил немного и умер у царицы на руках.

Октавиану принесли меч, которым закололся Антоний и на котором еще была его кровь. Победитель, как говорят, смотрел на него со слезами. Тем временем двое его офицеров пытались поговорить с Клеопатрой через решетку на дверях усыпальницы. Один из них, Прокулей, забрался внутрь через окно, пока его товарищ отвлекал царицу. Прокулей успел отобрать у царицы кинжал, которым она хотела заколоться. Клеопатру перенесли во дворец и содержали в ее покоях под стражей. Октавиан пришел с ней поговорить. Плутарх пишет, что царица отказалась от обычной роскоши и встретила победителя на простом ложе, в одной тунике.

Сцена представляла встречу Запада и Востока. Клеопатра с безумным видом бросилась к его ногам, а Октавиан, наверное, равнодушно смотрел на нее. Дрожащим голосом царица пыталась объяснить: она ни в чем не виновата — ее заставлял Антоний. Волосы у нее растрепались, глаза потускнели, на груди еще не зажили царапины от ногтей, но, утверждает Плутарх, она не утратила очарования и уверенности в себе, что и отражалось в ее подвижных чертах. Ок-

тавиан усадил ее и рассудительно, один за другим, опроверг все ее аргументы.

Клеопатра сменила тактику и стала вымаливать помилование себе и детям. Она отдала Октавиану перечень самых ценных своих сокровищ, но управляющий царицы, Селевк, тут же уличил ее в том, что она утаила кое-какие вещи. Октавиан с изумлением наблюдал, как повелительница вцепилась Селевку в волосы и била по лицу. Остановилась она, только когда вмешался Октавиан, и опять стала оправдываться — она, дескать, оставила у себя несколько вещей, которые хотела поднести Ливии и Октавии, когда будет просить у них заступничества.

Октавиан позволил ей это сделать и пообещал обращаться с ней лучше, чем она может того ожидать.

После его ухода некий знатный юноша по имени Корнелий Долабелла, на которого, видимо, подействовали чары Клеопатры, рассказал ей о намерении Октавиана через три дня отправить ее морем вместе с детьми в Рим, а самому идти через Сирию.

Царица не без оснований полагала, что Октавиан собирается провести ее как пленницу за своей колесницей во время триумфа — на потеху римской черни. Такого унижения она бы не перенесла. Лучше умереть.

Октавиан позволил ей сделать возлияния на могиле Антония. Обняв урну с его прахом, она сказала Ираде и Хармионе, что все ее бедствия — ничто по сравнению с несколькими днями, прожитыми без Антония.

От гробницы Клеопатра вернулась во дворец и заперлась у себя в покоях с двумя служанками. Там царица приняла ванну, хорошо позавтракала и оделась как для парадного выхода. «Поддай мне мантию, надень венец. Я вся объята жаждою бессмертья»*, — заставляет ее произнести Шекспир, который, несомненно, основывался на перево-

* В. Шекспир. Антоний и Клеопатра. Здесь и далее цитируется в переводе Б. Пастернака.

де Плутарха, выполненном сэром Томасом Нортон. Царица уже позвала к себе поселянина с корзиной смокв, среди которых он принесет смертельно ядовитую гадюку. Змея — священное животное, ее укусы обожествит Клеопатру. Рассказ Плутарха о змее вдохновил Шекспира написать самую трогательную в пьесе сцену:

Ну, разбойница моя,
Разрежь своими острыми зубами
Тугой житейский узел. Разозлись
И действуй. Что же ты не свирепеешь?

Когда люди Октавиана выломали дверь, царица бездыханная лежала на золотом ложе, и у ног ее умирала Ирада. Хармиона стоя еще пыталась поправить на голове хозяйки царский венец. Римлянин спросил, годится ли так поступать? Прежде чем упасть, служанка ответила: «Да, особенно царице, в чьем роду так много великих царей». И Шекспир повторяет почти слово в слово:

Годится. И особенно царице
С такими венценосцами в роду.

И с этой минуты Клеопатра и ее верные служанки принадлежат легенде, куда мы не можем за ними последовать. Октавиан, тронутый величием духа Клеопатры и ее кончиной, приказал похоронить ее с царскими почестями рядом с Антонием. Ей было только тридцать девять лет, из которых двадцать два она правила страной.

Октавиан приказал убить и Цезариона, сына Клеопатры от Цезаря, и Антиллу, старшего сына Антония от Фульвии. Оба числились в войске Антония и потому считались вражескими солдатами. Любой из них мог в будущем поднять мятеж. Остальных детей оставили в живых. Октавиан явно желал прославиться милосердием.

XVI

Преобразование державы

Покинув Александрию, Октавиан оставался на востоке совсем недолго. То, что он замышлял сделать с Клеопатрой — как с воплощением зловещей угрозы для римской цивилизации, — планировалось не просто ради грязной политической пропаганды. Октавиан в целом и сам верил в эту угрозу, пусть даже излишне усердствовал, подчеркивая ее опасность. Хотя цивилизации Египта и других восточных стран существовали уже несколько тысяч лет, Октавиан не сомневался в бесконечном превосходстве ценностей более молодых держав Запада, особенно Рима и Греции.

Он посетил пирамиды и разглядывал мумию Александра, но когда ему предложили осмотреть другие гробницы, Октавиан ответил, что пришел смотреть на царя, а не на мертвецов.

Октавиан сделал Египет вместе с его сокровищами своим личным владением, став тем самым для его жителей фараоном; правил он через префекта, и отчитывался этот префект не перед сенатом, а перед ним лично. Сенаторам не дозволялось ступать на древние земли без разрешения Октавиана, которого они старались и не спрашивать, чтобы не навлекать на себя лишних подозрений — зачем, мол, им это нужно? Египет имел слишком большое значение, и Октавиан не мог допустить, чтобы страна попала в руки какого-нибудь римского политика, обладающего военной властью. Все префекты были в лучшем случае из всаднического сословия, не выше.

Произведенные Антонием «Александрийские дарения», разумеется, объявили незаконными. Кирена и Кипр снова стали римскими провинциями. Ирод наконец-то получил назад свои бальзамовые рощи вместе с большей частью Па-

лестины, которой раньше правила Клеопатра. Кроме того, он пригласил на службу в качестве помощника и дипломата Николая Дамасского, бывшего наставника детей Клеопатры. Позже Николай Дамасский написал биографию Октавиана.

Октавиан отправился через Левант в Сирию и провинцию Азию, где вернул на место некоторые произведения искусства, вывезенные Антонием. Еще ему удалось, к своему удовлетворению, казнить последнего из оставшихся в живых убийц Цезаря, в остальном ничем не примечательного Кассия из Пармы. Послам парфянского царя Фраата Октавиан оказал на удивление радушный прием, продемонстрировав таким образом свои намерения.

Перезимовав на греческом острове Самосе, где почти тремя годами раньше жил Антоний, Октавиан отправился домой через Коринф и морем мимо Акции. В Брундизии он заболел и остановился для поправки в Кампанье, где Вергилий читал ему «Георгики» — пасторальные стихи, проникнутые любовью к италийской природе и сельской простоте, любовью, которую Октавиан явно разделял. Укрепившись душой после тяжелого года на востоке, он въехал в Рим, где его встречали словно героя-полубога. По декрету сената жрецы должны были упоминать его в молитвах как спасителя отечества, а на всех пиршествах в его честь полагалось делать возлияния, словно Октавиан и вправду был богом.

В августе, названном так по его имени, Октавиан три дня подряд отмечал победы в Иллирике, при Акции и в Александрии, и впервые со времен основания республики магистраты шли не перед триумфальной колесницей, а позади. Дети Антония и Клеопатры — Александр Гелиос, Клеопатра Селена и маленький Птолемей Филадельф тоже принимали участие в триумфе — в качестве пленников. По свидетельствам античных историков, Октавия воспитывала их

вместе с собственными детьми, но, к сожалению, о дальнейшей судьбе обоих мальчиков ничего не известно. Девочка впоследствии вышла замуж за мавританского царя Юбу.

Через несколько дней после тройного триумфа Октавиан продолжил выплачивать свой огромный долг Цезарю. Он посвятил ему храм божественного Юлия и открыл новое здание для сената — курию Юлия, строительство которой пятнадцать лет назад начал сам Цезарь. Позже Октавиан воздвиг возле своего дома на Палатине огромный храм Аполлона — бога, помогшего ему, как он полагал, победить Клеопатру. Сенат постановил запереть двери храма Януса в знак того, что в Риме наступил вечный мир. Это было не совсем так: в Испании и Галлии еще оставались беспокойные племена, зато кончилась череда кровавых гражданских войн, начавшихся двадцать лет назад, когда Цезарь пересек Рубикон.

Октавиан укрепил свою популярность среди простого народа, раздав денежные подарки за счет военной добычи и простив задолженности по налогам. Он привез в Рим столько денег, что ссудные проценты уменьшились в столице на две трети.

Будучи уверенным в полной победе, Октавиан не ждал, пока Антоний и Клеопатра лишатся власти; он заранее обдумывал, как будет править оказавшейся в его руках огромной державой. За сто лет, минувших с убийства Тиберия Гракха до поражения Антония, Римская республика превратилась из системы ежегодно избираемых магистратов, контролируемых сенатом, в кровавую арену, где сражались за власть политики и полководцы. Марий и Сулла, Помпей и Цезарь, Антоний и Октавиан — все они поочередно подгоняли закон под собственные сиюминутные цели. Один только Сулла пытался создать постоянное законодательство, но его попытка повернуть стрелки часов вспять ради аристократического меньшинства была обречена на провал.

Самое выгодное положение для установления новых порядков, соответствующих потребностям государства, было у Цезаря, однако его планируемое перед самой смертью вторжение в Парфию ясно показывает: он не понимал, что ситуация требует укрепления власти в мирных условиях, а отнюдь не рискованных военных предприятий.

Антоний, имевший больше общего с Помпеем, чем с Цезарем, поначалу выступил как миротворец, зато потом оказался драчливее любого из них. Победы Антоний в гражданской войне, он бы видел в Риме и всей державе лишь площадку для дальнейшего взлета и, вне всяких сомнений, повел бы против парфян еще большее войско, чтобы смыть нанесенное ему оскорбление.

Совсем иные мотивы двигали Октавианом, когда он обдумывал шансы, принесенные ему Фортуной и его собственными усилиями. В отличие от Антония, которого он наверняка заклеил не только как тщеславного и самовлюбленного неудачника, но и небрежного и неумелого полководца, Октавиан знал, что делает. Его не интересовали ребяческие мечты о лаврах Александра Македонского, отважного завоевателя далеких царств. Он и без войны заставит парфян уважать себя и бояться. И он все же затмит Александра, ибо правит более могучей империей, правит твердой, но милостивой рукой, как благодетель для подданных.

Для достижения цели Октавиану нужно было применить к разлагающемуся телу республики как косметические, так и хирургические средства и замаскировать собственную абсолютную власть, держащуюся непосредственно на военной силе. Под конец жизни Октавиан напишет в «*Rex Gestae*»:

«В шестое и седьмое мои консульства, после того как я погасил гражданскую войну, с общего согласия получил верховную власть, я передал республику из своей власти на усмотрение сената и народа римского. За это достохвальное деяние постановлением сената меня объявили Август-

том, и двери моего дома увили лаврами и украсили гражданским венком. В курии Юлия поставлен был золотой щит с надписью, что он дан мне сенатом и народом за храбрость, милосердие, справедливость и благочестие. С тех пор я превосходил авторитетом всех, хотя власти имел не больше, чем мои коллеги по должности».

Это замечательное высказывание, которое современному читателю покажется верхом бахвальства, нельзя принимать за чистую монету. Можно обосновать его с помощью юридических приемов, но основополагающее утверждение в нем — ложь настолько вопиющая, что и сказать нельзя. Октавиан не выпускал республику из своей власти. Он всегда крепко за нее держался. Все, что он сделал, — позволил нескольким сенаторам вести текущие государственные дела, которыми не успевал заниматься сам. А тем из сенаторов, кто ему не нравился, он и того не доверял.

Именно в тот период мы читаем меж строк у древних историков истинный портрет зрелого Октавиана — Отца Рима: открытый и прямой на людях, зловеще-любезный при личных встречах, он манипулирует людьми с помощью обещаний и скрытых угроз, добиваясь, чтобы все происходило так, как угодно ему. Помимо войск, благодаря которым он может расправиться с кем угодно, Октавиан имеет еще и огромные такт и терпение и настоящий *auctoritas*. Он понимает психологию честолюбцев и не жалеет усилий, чтобы привлечь их на свою сторону. Теперь, когда у него не осталось серьезных соперников, он может позволить себе неспешно отбирать тех, кто в частной беседе дает на его зондирующие вопросы нужные ответы, — или же навсегда перечеркивать карьеру (если не хуже того) тех, кто отвечает неправильно.

Некоторые сенаторы еще питали иллюзии и считали, что могут отклоняться с указанного им пути. Один за другим они встречались с Октавианом и смотрели ему в глаза, боль-

ше похожие, по словам Плиния, на глаза лошади, чем человека, и делали выбор: либо принять его условия и занимать подобающее магистратам положение в обществе, либо отказаться — и прозябать на малой должности, а потом и вовсе уйти с государственной службы. Из многих кандидатов Октавиан тщательно выбирал столько, сколько нужно было Риму; он явно обладал способностями находить людей полезных как лично для него, так и для страны.

Однако все действия Октавиана считались бы преступными, если бы он и вправду восстановил республику и ее законы. Именно преступные действия так помогли ему в самом начале карьеры, именно они в первую очередь позволили ему уничтожить республику. И теперь, когда Октавиан сам стал создавать и толковать законы и не мог предстать перед судом, он с негодованием отверг бы любые предположения, что он является чем-то иным, чем *primus inter pares* («первый среди равных»), или пользуется незаконной властью. Не имея он абсолютной поддержки войск, его давным-давно оттолкнули бы в сторону: лишили бы всех постов и сослали — опозоренного и разоренного, — а может, даже удавили бы в тюрьме или засекли до смерти как врага общества.

Таким образом, заявление Октавиана, что у него было не больше власти, чем у его коллег по должности, столь же лицемерно, как и утверждение, что он передал республику в ведение сената и народа. Ведь стоило бы ему захотеть, он опять вывесил бы на Форуме проскрипционные листы и спокойно ждал бы, пока подчиненные сделают всю грязную работу. Никто из его «коллег по должности» такой власти не имел. Но Октавиан больше не хотел политических убийств, коль скоро получилось их избежать. Он ставил перед собой более высокие цели — и стремился к ним в течение всего периода своего принципата. Октавиан имел право гордиться тем, что совершил — законно или нет, — и что принесло ему беспрецедентные почести, которыми его осы-

пали старшие представители благодарного народа, включая и имя Августа, означающее «возвеличенный», «священный»; его также связывают со словом «авгур».

Умеренное использование неслыханной власти, дипломатия, благодаря которой Октавиан добился расположения многих, считавших себя его заклятыми врагами, — все это превратило его чисто военные победы в прочный мир, воцарившийся во всех слоях общества, включая даже аристократов.

И не так уж далеко от правды мнение современника, Веллея Патеркула (явного приверженца Октавиана), в этом редком всплеске красноречия его обычно столь тяжелого пера:

«По прошествии двадцати лет гражданская война кончилась, прекратились столкновения с другими народами, мир вернулся, ярость войск утишилась, возвратилась власть закона вместе с уважением к суду и величию сената. Хлебопашцы вернулись на поля, люди чтят богов и верят друг другу, всякий спокойно владеет своим имуществом. Разумно изменены старые законы и приняты новые для пользы общества. Преобразован сенат — без жестокости, но со строгостью. Лучшие люди, те, кто победил и занял самые высокие места, собраны принцепсом для украшения Рима».

Никогда еще девиз Октавиана «Торопись не спеша» не давал столь успешных результатов, как на данном этапе его карьеры, когда он стремился завоевать доверие народа в целом. Первой его чисто политической задачей стало обновление сенатских списков. Необходимость этого поняли все, когда Октавиан и его главный помощник Агриппа были консулами два года подряд (в 28 и 27 годах до нашей эры), выполняя одновременно обязанности цензоров. До сражения при Акции в сенате насчитывалось более тысячи человек, из которых около трехсот, вероятно, дезертировали к Антонию. Так можно судить, основываясь на «Деланиях Цезаря», где упомянуто «более семисот сенаторов»,

воевавших под его знаменами, то есть число перебежчиков могло быть и меньше трехсот. Что удивительно — пересматривая списки, оба консула, по-видимому, не проводили дискриминацию против уцелевших сторонников Антония.

Даже если это лишь отчасти так — полных доказательств нет, — то был факт величайшей важности, показывающий нам, насколько обширные симпатии завоевал Октавиан после событий при Акции и с какой уверенностью он шел на явный риск — поставил свое будущее в зависимость от того, как примет сенат его политическую программу.

Вместе с Агриппой они составили список из двухсот имен сенаторов, которых посчитали непригодными для дальнейшей службы, но людей туда вносили не по политическим признакам, а тех, кто не отвечал финансовым требованиям или имел дурную славу. Никого из явных сторонников Антония из сената не исключили.

Даже определив кандидатуры, консулы старались не проявлять излишней суровости. Они не жалели времени, чтобы убедить людей уйти с достоинством, сохранив свою репутацию. После того как таким образом решилась отставка пятидесяти сенаторов, консулам пришлось выгнать сто пятьдесят упрямец, продолжавших цепляться за должность. Пользуясь данными ему ранее полномочиями, Октавиан причислил к патрициям нескольких представителей плебейской аристократической верхушки, и с трудом верится, что он упустил случай вознаградить своих самых верных сторонников.

В сенате остались около восьмисот человек — все еще много для нормальной работы, но то был лишь первый этап затеянной Октавианом чистки.

В 28 году до нашей эры Октавиан и Агриппа провели первую за сорок с лишним лет перепись населения. Переписчики, действовавшие по всей империи, насчитали четыре миллиона шестьдесят три тысячи граждан. Это было в

четыре раза больше, чем во время предыдущей переписи — в 69 году до нашей эры; которую, как полагают, не довели до конца, хотя и учли большинство подлежащих переписи граждан. Столь большой прирост населения объясняется частично за счет людей, получивших гражданство благодаря службе в легионах, за счет вольноотпущенников, а также соперничающих патронов-аристократов, желавших обеспечить себе поддержку в Италии и провинциях. Поскольку принято считать, что все население столицы, включая не подлежащих переписи женщин, детей и рабов, составляло в тот период гораздо меньше миллиона, результат переписи показывает нам истинную значимость голосования каждого гражданина; чтобы оно было действительным, голосовать следовало лично, исключительно в столице — а уведомления об этом доставлялись порой слишком поздно, — да еще на участке, где одновременно могли уместиться лишь несколько тысяч человек.

Если старая оптиматская олигархия не учитывала мнения граждан, то теперь оно учитывалось еще меньше. Из того, что у Октавиана уже не было нужды изгонять из сената бывших противников, ясно следующее: в Антонии разочаровались не только солдаты, но и большая часть этих четырех миллионов граждан, для которых Октавиан представлял единственную надежду на мир. В последующие сорок лет они снова и снова будут показывать желание и стремление видеть правителем именно его, как бы он ни называл свою должность. Ему нравилось называться принцепсом — слово без пугающего подтекста, и веками его использовали во множественном числе: принцепсы — самые старшие члены сената. Применительно к Октавиану это слово означало нечто большее, чем просто «старший сенатор». Полномочия у него были столь же обширные, как у Цезаря, только вот на просьбы граждан объявить себя диктатором он, спустив с плеч тогу и об-

нажив грудь, отвечал, что пусть лучше его заколют, чем он примет подобный титул.

То было, конечно, дешевое лицедейство, рассчитанное на галерку. Вернувшись в Рим с окончательной победой в гражданской войне, Октавиан уже находился во главе политической партии, ставшей под его руководством массовой. Поначалу это была партия одной задачи — небольшая группировка цезарианцев, ведущая кампанию за возмездие убийцам; затем она поглотила всех соперников, многократно усилила свои позиции, борясь за традиционные римские ценности против предполагаемой культурной и военной угрозы с востока, а теперь апеллировала к людям, пытавшимся поначалу ее растоптать. Октавиан уже не смог бы, даже если бы и хотел, свернуть с пути абсолютной власти, ибо тем самым погубил бы карьеры и подверг риску жизни множества людей, которые почти пятнадцать лет столь преданно трудились для его возвышения.

Настоящее восстановление республики потревожило бы призраки Катона и Кассия, Брута и Цицерона. В лице своих прямых потомков они снова попытались бы захватить — как положенную им по праву рождения — львиную долю богатств Рима, они сталкивали бы вниз стремящиеся подняться средние классы, они отказывали бы беднякам в государственной помощи и воспользовались бы своей монополией в судах, чтобы полностью разделаться с цезарианцами. Октавиан и его приближенные разработали сложный план кампании, первым и важнейшим шагом которой стала, как ни странно, отмена всех чрезвычайных мер, принятых самим же Октавианом в период триумvirата и позднее и противоречивших республиканским законам. Это освободило принцепсу путь для решающего шага, сделанного им на заседании преобразованного сената 13 января 27 года до нашей эры — для его предложения «передать управление республикой сенату и народу римскому».

То был драматический момент. Однако большинство присутствовавших в курии Юлия не только знали, что произойдет, но и явно отрепетировали роли, в которых нужны были цезарианской партии. Со скамьи магистратов в длинном прямоугольном зале поднялась худощавая фигура тридцатипятилетнего Октавиана — наверняка в сандалиях на толстой подошве, которые он любил надевать для официальных собраний, чтобы не бросался в глаза его скромный рост — пять футов и шесть дюймов. Спокойно он объявил: здесь и сейчас он отказывается от всех полномочий, кроме тех, что временно даны ему как одному из двоих консулов на этот год.

Непосвященные едва верили своим ушам и в потрясении пытались уяснить себе подоплеку его заявления, но тут с мест главнейших сторонников Октавиана хлынул целый поток протестов, перешедших в рев. Разве Октавиана больше не заботит безопасность Рима? Как он может бросить их, после того как долго и так много трудился ради спасения державы от врагов? Даже боги разгневаются, если он сейчас отступится! Точно диктатор двадцатого века в государстве с однопартийной системой, изображающий принципиальное неприятие единоличной власти, которую на деле он намерен укреплять и развивать, Октавиан утверждал, что решение его обдуманное и окончательное.

Мало-помалу в ответ на душераздирающие мольбы послушных статистов он позволил себе уступить — под столь упорным давлением. Нейтральные сенаторы начали понимать: если они не присоединятся к мольбам, их сочтут стойкими противниками Октавиана. К тому времени, когда Октавиан согласился пересмотреть решение, в результате голосования никто уже не сомневался. Он оставил за собой власть только над теми провинциями, в которых — хоть храм Януса и стоял закрытый, — нельзя было гарантировать сохранение мира. Октавиан назвал Галлию, Испанию, Сирию, Египет, Киликию и Кипр. И то, что большинство его леги-

онов базировалось именно в этих провинциях, — не просто совпадение.

Прочие провинции с горсткой оставшихся там легионов — в таких пограничных областях, как Иллирика, Македония и Африка — он передал под юрисдикцию сената и позволил назначать наместников из старших сенаторов — по жребью и сроком на один год — как делалось до триумvirата. Свои провинции он объединил, чтобы управлять ими в качестве проконсула в течение десяти лет, но не через наместников, а через легатов, которых назначал сам и которые подчинялись лично ему. Для такой системы имелся прецедент: когда Помпей управлял испанскими провинциями, сенат голосованием позволил ему оставаться в Италии — лишь выехать за пределы Рима, — а испанскими легионами командовали назначенные им полководцы.

Отказ Октавиана от управления спокойными провинциями был скорее показным, чем действительным. В отличие от Помпея Октавиан мог оставаться в Риме, поскольку обладал еще и полномочиями действующего консула, дававшими ему право в чрезвычайных случаях принимать командование над войсками, базирующимися в столице и даже провинциях под номинальным командованием сената. То была юридическая проформа; никто не сомневался, что если Октавиану потребуется, он возьмет себе любые легионы независимо от своего юридического статуса. Однако теперешняя щепетильность по отношению к букве закона помогла ему восстановить доверие к юридической системе судов и правовым нормам. Октавиан продемонстрировал, что не ставит себя выше закона. Как превосходный политик, он использовал данный ему десятилетний проконсульский срок, чтобы распустить всех правителей «военных провинций» и заменить их чиновниками, не бывшими, как правило, членами сената. Очистив почти всю армию от полководцев-политиков, сделанных по одной

мерке своевольных аристократов, Октавиан лишил потенциальных противников шанса устроить с их помощью военный мятеж.

Сенаторы были рады назначать правителей хотя бы и для того небольшого числа провинций, которые демонстративно передал им Октавиан.

Впервые за пятнадцать лет — с момента основания триумvirата — они могли заниматься таким делом беспрепятственно. Верный какое-то время букве договора, Октавиан не вмешивался, только оговорил условие: назначенный сенатом правитель не должен носить военную одежду или меч. Он уже проверил каждого сенатора на предмет пригодности, а настроения среди избирателей были таковы, что ни один кандидат в магистраты не мог пройти выборы без одобрения, а то и прямой санкции принцепса. Именно к этому времени Дион относит установление монархической власти Октавиана.

В тот вечер, возвратившись в отличном настроении в свой новый дом на Палатине, Октавиан, наверное, похвалился Ливии и Октавии, что хорошо сегодня поработал. Теперь юридически к нему было не придраться. Главный оплот его власти — контроль над армией — почти полностью признан самым главным законодательным органом государства. Для его бывшего союзника Цицерона сенат был и источником, и средством власти. Для Октавиана сенат стал лестницей, по которой его личная власть, опирающаяся на армию, поднялась до общественного признания и показала свое значение как власть гражданская.

Сенат постановил также удвоить жалованье восстановленной Октавианом преторианской гвардии, которую он разместил в стратегически важных местах, большей частью в Центральной Италии и самом Риме — на случай если ему вдруг срочно потребуется поддержка отборных войск против любой оппозиции, пусть даже самого сената. Связь им-

ператора Гая Августа (новое с иголки имя) с просто Гаем Октавием еще больше отодвинулась в область невообразимо далекого прошлого. Целый хор молитв за его здоровье и долголетие, молитв, которые отныне возносились из многих и многих храмов по всей империи, новые почести, укрепленная власть и усиленные заботы о личной безопасности — все это подняло его на недоступные смертным высоты.

Было бы, впрочем, ошибкой предполагать, что Октавианом, разыгравшим перед сенатом этот фарс, двигало только желание укрепить свою власть. За годы борьбы он научился относиться серьезно, как к образцу для подражания, к прошлому страны, идеализированному и получившему наиболее полное выражение в сочинениях Вергилия и трудах историка Тита Ливия, которые пользовались покровительством Октавиана. По Ливию, считалось само собой разумеющимся, что в прежние времена истинный римлянин служил государству ради блага государства, а не ради выгоды для себя и своего семейства. Его история раннего Рима пестрит примерами наподобие эпизода с Горацием Коклесом, который, как говорят, с двумя товарищами сдерживал натиск этрусского войска, в то время как за его спиной спешно разбирали мост через Тибр, чтобы спасти Рим. Гораций действовал не ради награды, а потому что не мог себе представить смерти более почетной, чем смерть за Рим.

Ту же мысль выразил современник Ливия поэт Квинт Гораций Флакк в самых известных строках латинской поэзии, которые без перевода цитируются и в английских стихах двадцатого века: «*Dulce et decorum est pro patria mori**!» Гораций, сражавшийся на побежденной стороне при Филиппах и прощенный Октавианом, описал сладость смерти за родную страну как стимул для молодых легионеров; Уилфред Оуэн, пресыщенный зрелищем смерти во время Первой мировой войны, сделал из этой строки эффектную

* *Dulce et decorum est pro patria mori* (лат.) — сладка и прекрасна за родину смерть.

концовку для антивоенного стихотворения. Он написал об одном из своих солдат, не успевшем надеть маску во время газовой атаки: те, кто видел это зрелище, не станут учить мечтающих о славе детей старинной лжи, что *«dulce et decorum est pro patria mori»*.

Гораций, впрочем, не столько прославлял милитаризм, сколько хотел показать, что каждое поколение его соотечественников должно хотеть и уметь защищать родину. Согласно менталитету эпохи, это было возможно лишь в том случае, если молодых с детства воспитывать в духе добродетели и мужества их предков-земледельцев. Но что будет, коль теперешнему поколению родителей суждено погрязнуть в роскоши и разврате, ведущих к полному разложению?

Нет, от иных отцов вели свой род
Те юные мужи, что море кровью
Окрасили пунийской, кем сражен
Сам Ганнибал — и Антиох, и Пирр;
То были дети воинов, привычных
Долбить мотыгой землю, и рубить
Деревья, и идти домой с вязанкой
По зову строгих матерей.

Следует учитывать тот факт, что Гораций — согласно его же признанию — писал стихи, «побуждаемый дерзкой бедностью», и разбогател благодаря покровительству Октавиана и Мецената, подарившего поэту поместье в Сабине, которое часто фигурирует в его стихах как скромное крестьянское хозяйство. Гораций восхвалял деревенскую жизнь и простые радости. Его дом, писал он, не отделан золотом и слоновой костью, и нет в нем колонн африканского мрамора, но для счастья ему хватит его «сабинского домика» и еще — кувшина вина и красивой подружки.

Гений Горация — едва ли это преувеличение — и его вкус и талант были слишком изысканны, чтобы ограничиться

только лстивым низкопоклонством перед властью. Несколько примеров неумеренного восхваления есть в его ранних стихах; к примеру, он с нетерпением предвкушает, как Августа причисляют к богам, когда тот прибавляет к римским владениям Британию и Парфию (Октавиан даже не предпринимал попыток к подобным завоеваниям). Когда Гораций достиг поэтической зрелости, наибольшего эффекта он добивался с помощью иносказаний и наловчился так изящно добавлять ложку дегтя в расточаемые своим великим покровителям похвалы, что не получал за это нагоняя. И довольно часто именно он, а не они, был истинным героем его произведений.

Гораций и Вергилий — два настоящих светила среди поэтов, которых Меценат поощрял к восхвалению властей, однако они не единственные, чьи работы до нас дошли. Многие, например, до сих пор восхищаются любовной лирикой Секста Проперция, посвященной некоей Кинфии, но он пробовал свое перо и в описании красот столицы; в Риме после сражения при Акции начался настоящий строительный бум. Историки архитектуры перед ним даже в большем долгу, чем литературоведы, — за такие его произведения, как описание выстроенного Октавианом нового храма Аполлона со статуей в эллинистическом стиле. Проперций порой старался помочь Ливию в возрождении духа героического прошлого — например, в следующих непримечательных строках о волчице, вскормившей Ромула и Рема:

Волчица Марса, лучшая из кормилиц,
Молоком твоим возрастали эти стены,
Которые пою с благоговеньем.

И все же души латинян пробудил в первую очередь Вергилий: он произвел революцию в их отношении и к прошлому, и к будущему, создаваемому теперь Октавианом. Хотя внешне «Энеида» — рассказ о приключениях троян-

ского воина и написана в подражание гомеровским эпосам, Эней — герой нового типа и нового времени. В ключевые моменты повествования обращается к мыслям протагониста, а не к его условно героическим деяниям; священное чувство долга заставляет его принимать решения во имя исполнения предназначения, а не искать выгоды для себя. Эней жертвует счастьем с Дидоной, которая сделала бы его царем Карфагена, и уезжает, а царица восходит на погребальный костер и пронзает себя мечом.

Иными словами, Эней отнюдь не типичный римский аристократ времен поздней республики и не типичный гомеровский персонаж, борющийся с себе подобными ради славы и возвышения. Он в первую очередь ищет славы для своего народа — пусть от него почти никто не уцелел. Подобно Моисею в пустыне, он ведет тех, кто остался от избранного народа, в землю обетованную, суть и значение которой постепенно открывается ему знамениями и пророчествами. Земля эта однажды увидит рождение Рима. Когда придет время, ею станет править потомок Энея — Цезарь из рода Юлиев.

Если сделать скидку на поэтическую вольность касательно родословной, можно считать, что этот новый герой не кто иной, как Октавиан.

Последние двенадцать лет жизни Вергилий дописывал и переписывал различные части своего шедевра, и не всегда в хронологическом порядке. Иногда, пытаясь добиться совершенства, он приходил в отчаяние и на смертном одре просил поэму сжечь, чего, к счастью, не сделали. Тем временем в настоящем мире его покровитель выполнял собственную грандиозную задачу преобразования державы. Не отменяя номинально республиканской формы правления через магистратов, Октавиан старался ввести неписанные правила, согласно которым восхождение по политической лестнице стало в гораздо большей степени, чем раньше, за-

висеть от приверженности человека служению на благо общества.

Власть и политика оставались прерогативой людей, уже имевших в обществе какой-то вес, как правило — благодаря имуществу семьи, но они стали недоступны для тех, кого подозревали в склонности к личному обогащению или непомерной расточительности. Это влекло за собой неизбежное изменение представлений о *libertas* аристократов — свободе, которая слишком часто выражалась в неукротимых амбициях или постоянном дележе прибыльных должностей в самом тесном кругу правящей элиты.

Речь, разумеется, не шла о непосредственном наступлении на аристократов. Напротив, Октавиан считал жизненно важным для своего успеха заручиться поддержкой членов самых уважаемых семейств, особенно патрицианских. Он охотно оказывал финансовую помощь тем из них, кто готов был сотрудничать, но вследствие войн не имел достаточного состояния, чтобы занять сенаторскую должность.

В первую очередь Октавиан поощрял, конечно, своих сторонников. Он поднялся на вершину власти на волне политического движения, поддерживаемого в основном солдатами и другими не слишком зажиточными гражданами, и должен был вознаградить тех, кто рисковал ради него всем, что имел. Теперь возникла срочная необходимость расширить диапазон политических лозунгов — чтобы охватить и многих других людей, особенно аристократов, которые раньше были его противниками (вследствие их традиционных интересов и семейных связей), но получили воспитание и образование, делавшее их пригодными для участия в государственных делах. Если бы Октавиану не удалось привлечь их на свою сторону, он никогда не стал бы по-настоящему всенародным вождем, нашедшим опору в героическом прошлом Рима.

После победы над Антонием и Клеопатрой Октавиан дал понять, что цель его политики — сократить военные расхо-

ды и создать действенную гражданскую власть. Он намеревался оставить только те воинские формирования, которые были необходимы для защиты и управления империей и для продвижения границ к естественным оборонительным рубежам, как, например, берега Дуная. Теперь он завершал расселение ста двадцати тысяч вышедших в отставку ветеранов в небольших поселениях, расположенных в стратегически важных местах; в самой Италии было двадцать восемь таких поселений, остальные — в наиболее важных провинциях, таких как Галлия, Испания, Греция, Азия, Сирия и Африка. От почти семидесяти легионов, оказавшихся на руках Октавиана после битвы при Акции, постепенно осталось меньше тридцати; у жаждущих славы полководцев оставалось все меньше возможностей для самочинных грабежей.

Умеренные оптиматы — как бы ни раздражал их Октавиан — довольно быстро усвоили, что поскольку насилие себя исчерпало, то вкушать по-прежнему от плодов власти они смогут, только если полностью примут политическую программу Октавиана. Им, разумеется, уже не позволяли таких злоупотреблений, как бывало при поздней республике, зато тем, кто желал продемонстрировать преданность Октавиану и облегчить ему повседневное бремя власти, открывались шансы повысить свой социальный статус, а иногда, в разумных пределах, и материальный.

Сайм, конечно же, ошибается, говоря, что Октавиан не мог править «без помощи олигархии». Аристократы, которые теперь выдвинулись вперед, стремясь занять магистратские должности, были уже не те олигархи, что имели некогда влияние на правительство, а второстепенные политики, понимавшие: власть они либо не получают вообще, либо получают на условиях Октавиана, причем лишатся ее, если выйдут из повиновения. Одной из главных целей его принципата как раз и было воспрепятствовать возрождению олигархии. Под прикрытием республиканской формы

Октавиан постепенно становился абсолютным монархом, пусть и не назывался таковым, и вся власть сосредоточилась в его доме, который называли *palatium*, поскольку он стоял на Палатинском холме. Позже словом *palatium* стали обозначать место проживания императора, то есть императорский дворец, а затем и дворец вообще. В дальнейшем на этом же холме следующие императоры выстроят себе уже настоящие дворцы.

Судя по поведению избирателей, средний класс в основном последовал примеру низшего, который оказывал принцепсу горячую поддержку. Люди не понимали, что когда Октавиану понадобится, он отберет их голоса так же легко, как разделался с оптиматами. Тот день был очень далеко. В течение его «медового месяца» с властью, длившегося несколько лет, избиратели не желали поддерживать кандидатов, которых он не одобрял, а если бы и поддержали, Октавиан нашел бы другой способ подрезать им крылья. Его *auctoritas*, в отличие от законных полномочий, сделался столь беспредельным, что многие готовы были бежать сломя голову, выполняя любое его желание — если бы могли его угадать.

В Центуриатных комициях перевес по-прежнему оставался в пользу состоятельных собственников, но едва ли от них стоило ждать, чтоб они голосовали за представителей высокопоставленных семейств — независимо от их политических взглядов. Им же нужно было подумать о своем имуществе. Октавиан заплатил немалые деньги за расселение последней партии ветеранов, а ведь такого богатства, как казна Птолемея, он больше не получит. Избиратели не могли не понимать, что возобновление соперничества в прежнем духе аристократов приведет только к набору новых огромных войск, дальнейшему массовому истреблению и очередному расселению ветеранов на их, избирателей, землях и, возможно, без всякой компенсации.

Принятие важных решений и законов стало делом профессионалов и занятием более тайным, чем раньше. Слово Октавиана по важнейшим вопросам пусть и было решающим, но он не мог настолько досконально разбираться во всех сферах управления, чтобы всегда самостоятельно и быстро принимать верные решения. Его ближайшие советники, занимавшиеся серьезными вопросами дипломатии, финансов и других важнейших областей, совещались с ним за закрытыми дверями. Кроме того, Октавиан создал при сенате комитет, состоявший из консулов, других магистратов и пятнадцати сенаторов, которых периодически избирали по жребию, чтобы принимать предварительные решения о том, какие вопросы и в каком порядке выносить на рассмотрение сената. Из этого комитета потом образовался официальный *consilium principis* — своего рода тайный совет, но самые важные решения уже принимались в ближайшем кругу верных единомышленников, включая и самых видных членов императорской семьи. За отсутствием гласности решения совета трудно было предсказать, да и обнародовались они не всегда. Власть этого органа росла по мере того, как уменьшалась власть сената.

Потенциальным сторонникам Октавиана из аристократов следовало обратить внимание на два события, героям которых подражать никак не следовало, ибо Октавиан этого бы не одобрил.

В первом случае речь идет о внуке миллиардера Красса, члена Первого триумvirата, — Марке Лицинии Крассе, достойном за свои подвиги всяческого поощрения. По приказу Октавиана молодой Красс повел войско против германского племени бастарнов, которые совершали набеги на северо-восточные границы Македонии. В 29 году до нашей эры Красс не просто разгромил бастарнов, но в бою убил собственными руками их вождя. Тем самым он заслужил необычайно редкое и почетное право — посвятить *spolia*

opima (богатая добыча), то есть доспехи убитого им вождя, Юпитеру-Феретрию в храме, построенном, по легенде, самим Ромулом, который за всю историю Рима первый из трех полководцев удостоился такой чести — в середине восьмого века до нашей эры. Второй раз такой ритуал проводился в конце пятого века, а третий — в 222 году до нашей эры, когда консул Марк Клавдий Марцелл, прозванный «мечом Рима», во время последней своей войны с Ганнибалом в поединке на виду у обеих армий убил галльского вождя.

Нетрудно представить, с каким нетерпением ожидали воспитанные в воинственном духе римляне триумфального возвращения Красса — героя и победоносного полководца. Сенат, разумеется, назначил ему триумф. Октавиан, опасавшийся, что церемония *spolia opima* слишком вознесет Красса в общественном мнении, отыскивал какие-то неясности в толковании закона, благодаря чему и смог лишить героя заслуженной награды. Многие, без сомнения, объясняли этот поступок принцепса завистью, но большинству стало ясно: Октавиан не потерпит, чтобы кому-то доставались большие, чем ему, почести, ибо такой человек может испытать искушение воспользоваться преимуществом и поставить под угрозу стабильность власти.

Второе событие из двух упомянутых было связано с Корнелием Галлом, начальником конницы, которого Октавиан поставил управлять Египтом. Подробностей о его поступке до нас дошло мало; по-видимому, он, достигнув незначительных военных успехов, велел поставить в крупнейших городах провинции свои статуи.

Кроме того, он приказал вытесать на каком-то из древних египетских сооружений рассказ о своих победах. Галла вызвали в Рим, где он предстал перед сенатом и был приговорен к ссылке и полной конфискации имущества. Теперь предостережение прозвучало еще яснее, чем в случае с Крас-

сом (особенно после того, как Галл в отчаянии покончил с собой): принцепс не станет ни с кем делиться славой!

Отныне в общественных местах должны стоять лишь его статуи, и не только в Египте, но по всей империи. Не появилась ли у Октавиана мания величия?

XVII

На вершине власти

Загадка характера Октавиана — в частности, его беспощадность в начале карьеры и великодушие и умеренность в зрелости — так бы и осталась загадкой, если бы мы судили о нем только по политическим делам. Но есть и еще один источник, который мы до сих пор подробно не рассматривали. Это эпизоды из его частной жизни, слухи, неизбежно возникающие вокруг любого выдающегося человека, который общается в повседневной жизни с людьми образованными и наблюдательными. Такого рода рассказы могут передавать друг другу слуги за кубком лучшего хозяйского вина или может нашептать потихоньку гостье хозяйка светского салона — с просьбой никому не открывать, кто ей рассказал.

Большинство таких эпизодов — пустые сплетни, другие — просто ложь, как, например, то, что Ливия сама отыскивала для утех супруга молодых девиц, даже в преклонные его годы. Гораздо больше похож на правду ответ Ливии ее подруге, которая спросила, как ей удастся сохранять такое влияние на мужа; Ливия ответила, что всегда хранила супружескую верность, поступала так, как он хотел, не вмешивалась в дела, ее не касающиеся, и старалась не замечать, когда муж обращал внимание на других жен-

щин. Правда, подобное утверждение из уст женщины, прославившейся своими политическими интригами, следует принимать с основательной толикой недоверия.

Хотя и не стоит полагать, что мы можем полностью понять Октавиана, отделенного от нас двухтысячелетней пропастью, но если мы тщательно проанализируем эти часто не имеющие авторства анекдоты, то уже не станем навешивать на Октавиана неподходящие для него современные ярлыки — жестокого революционера, чванного диктатора или богоподобного мудреца. Он предстанет перед нами человеком во многом на удивление обыкновенным. Октавиану нравится смотреть состязания, особенно кулачную борьбу, он любит играть с детьми. Его раздражает, когда молодые ведут себя не так, как он в их годы. А когда является важный, но докучливый посетитель, Октавиан не стесняется найти какой-нибудь повод, чтобы отправиться в особую комнатку наверху и оставаться там, пока гость не уйдет.

Подобные эпизоды не привлекают внимания ученых-историков, ищущих разгадку расцвета и падения империй. К радости тех из нас, кто считает, что важнее всего происходящее в душе и разуме выдающихся людей, Светоний веком позже собрал целую коллекцию небольших историек об этом великом человеке. Они отнюдь не единственные из дошедшего до нас, но они смешны, трогательны, порой фривольны и выписаны так лаконично и ярко, что книга его, с тех пор как изобрели книгопечатание, никогда не прекращала переиздаваться. Существует еще одна, не столь известная подборка историй — в «Сатурналиях» Макробия, неоплатоника неиталийского происхождения, писавшего на рубеже четвертого и пятого веков нашей эры. Среди его источников были и труды Плутарха, так что он, не исключено, читал не дошедшее до нас плутарховское жизнеописание Августа — ежели таковое существовало.

Именно Макробий донес до нас такие перлы, как высказывание Октавиана об Ироде Великом: «Лучше быть свиной Ирода, нежели его сыном!» Еще он приводит рассказ о том, как однажды внимание Октавиана привлек некий приезжий, чрезвычайно на него похожий. Октавиан, не без намека, спросил у того, не бывала ли его мать в Риме. «Нет, — немедля ответил приезжий, — зато отец бывал!» Этот классический анекдот несколько не согласуется с утверждением Макробия, что Октавиан ценил хорошую шутку, только если она не задевала его достоинства. Вероятно, спасло шутника то, что мать Октавиана жила почти все время в Велитрах.

Куда более достоверна история, лестная для Октавиана, историю, которую пересказывают в разном виде Сенека и Дион, связанная с богачом Публием Ведием Поллионом, сыном вольноотпущенника, которого принцепс записал во всадническое сословие. Однажды, когда Октавиан ужинал на его роскошной вилле, молодой раб разбил хрустальный кубок. Хозяин приказал бросить раба в пруд на съедение муренам. Юноша упал на колени перед Октавианом — он молил не сохранить ему жизнь, а лишь умертвить не столь мучительным способом. Принцепс попросил подать остальные кубки. На глазах у хозяина Октавиан поднимал кубки один за другим и бросал на плиты пола. Юноша остался жить. Ведий (он умер в 15 году до нашей эры) завещал свою виллу Октавиану.

Самый лучший аргумент против мнения Сайма, видящего в Октавиане революционера, — большая подборка анекдотов у Светония, в которых отражен старомодный консерватизм принцепса. Его жена, сестра и дочь должны были уметь прясть, ткать и шить одежду, которую он и носил. Спал Октавиан на жестком низком ложе с простым покрывалом. Светоний видел убранство его дома и поражался его простоте. По его мнению, многие вещи едва ли по-

дошли бы даже для жилища простого обывателя. Как принцепс Октавиан поддерживал законы, возрождающие древние суровые правила нравственности. Он приказал высечь в трех театрах актера Стефаниона — за то, что тот держал в услужении переодетую и подстриженную под мальчика матрону.

Октавиан запретил мужчинам появляться на Форуме иначе как в тоге. Женщинам запретил смотреть состязания атлетов, поскольку атлеты — исключительно, разумеется, мужчины — выступали обнаженные или почти обнаженные. На гладиаторских боях женщинам дозволялось сидеть только в верхнем ряду — подальше от крови и распоротых животов.

Октавиан был умерен и непритязателен в еде. Пищу он предпочитал простую, ел немного и, боясь опьянеть, сильно разбавлял вино водой. В ответ на протесты народа против дороговизны вина Октавиан напомнил, что благодаря акведукам Агриппы им теперь есть чем утолить жажду. После битвы при Акции он переселился в другой дом на Палатине, столь же скромный, как и предыдущий. Макробий практически закрывает эту тему; по его словам, Октавиан сказал о Катоне, что всякий, кто противится переменам, есть патриот.

Можно, конечно, утверждать, что подобные примеры демонстрируют нам лишь фасад, тщательно укрепляемый Октавианом и прячущий его настоящие взгляды. Если это так, то Октавиан выказал редкую способность притворяться: скрывал свое истинное лицо больше половины столетия, ибо задолго до того, как его можно было с полным основанием назвать зрелым консерватором, он демонстрировал все признаки консерватора молодого. Да и вся его карьера сводилась к восстановлению *status quo* — как он его понимал — времен бессрочной диктатуры Цезаря, которой положили конец мартовские иды.

Многие источники говорят о дружелюбии Октавиана. Хотя обеды у него проводились исключительно в официальной обстановке (*сена ректа*), он всегда старался вовлечь в общую беседу застенчивых и неразговорчивых гостей. На утренние приемы к Октавиану могли являться и простые плебеи, и люди избранные, и он, видимо, надеялся, что они будут говорить с ним просто и естественно и он, в свою очередь, будет просто и любезно отвечать — по возможности, разумеется. Принцепс обменивался светскими визитами со многими друзьями, а однажды посетил ослепшего сенатора Галла Церриния — выразил ему соболезнования и отговорил от намерения уморить себя голодом.

Октавиан не особенно старался искоренить прекрасную старинную римскую традицию — критиковать могущественных политиков, оставляя написанные памфлеты там, где они и другие люди могли их прочитать. Однако он как мог заботился о том, чтобы не допустить публичных обвинений в свой адрес.

Принцепс мог и пошутить над собой; когда один его друг спросил о судьбе написанной им трагедии про Аякса — Октавиан диктовал ее, лежа в ванне, — он ответил, что его Аякс покончил с собой, бросившись на губку (*in spongiam incubuisse*). За время своей карьеры Октавиан написал несколько трудов, включая философские заметки, множество эпиграмм и несколько стихотворений, из которых ни одно не сохранилось. Утеряна также автобиография Октавиана, описывающая его жизнь до сорокавосьмилетнего возраста.

Подобно многим весьма образованным людям того времени, Октавиан был крайне суеверен. В ту эпоху уже существовала рациональная, отчасти научная картина мира, выраженная в длинной поэме Тита Лукреция Карпа «*De Rerum Natura*» («О природе вещей»), но Лукреций был заклеяен вдвойне — как эпикуреец и как атеист, а в основе деятельности Октавиана лежали почитание государственной рели-

гии и священный долг перед богами — мщение за убийство отца. Октавиан считал плохой приметой на весь день, если утром нечаянно надевал на правую ногу левый башмак, а небольшой дождь в начале путешествия знаменовал для него счастливое возвращение. Он чтит культы чужеземных богов, установившиеся в Риме много поколений назад, но к прочим относился пренебрежительно. Уже в старости Октавиан хвалил внука за то, что тот, проезжая через Иудею, не стал молиться в Иерусалиме.

Октавиан боялся грома, ибо считалось, что суровые боги нарочно поражают людей молнией, и, когда начиналась гроза, уходил в подземное убежище; он также носил с собой тюленью шкуру, так как, согласно бытовавшему поверью, молния никогда не ударяет в тюленей. Под впечатлением некоего сна Октавиан раз в году просил у народа подаяния, стоя — скорее всего совсем недолго — с протянутой рукой. Это ясно говорит о подсознательном страхе, что его успехам может наступить конец. Нетрудно себе представить, как разные льстецы спешили подать ему милостыню.

Октавиана считали снисходительным и добросовестным судьей. Он запретил смертельные гладиаторские бои, в которых побежденный не имел права просить пощады. Однако он же, будучи еще триумвиром, приказал, как говорили, заколоть на месте человека, записывавшего его речь, — Октавиан объявил его лазутчиком. Мнительность принцепса заставила его запретить публикацию отчетов о заседаниях сената: он один мог решать, что именно следует знать широкой публике о государственных делах. Октавиан сердился, когда люди, обращаясь к нему, называли его «*dominus*» — «господин», потому что так обращались к хозяевам рабы. Желая избежать лишней шумихи, он часто выезжал и въезжал в города среди ночи, благодаря чему местным магистратам не приходилось заботиться об официальных встречах или проводах.

Можно ли сделать однозначные выводы из этих разнообразных высказываний о повседневной жизни принцепса? Хотя некоторые свидетельства не очень убедительны, было бы неверно игнорировать складывающийся из них портрет, пусть и нечеткий, Октавиана как человека совершенно обычного. Он явно всегда стремится поступать именно так, как считают правильным люди консервативные. В своих действиях он часто руководствуется прецедентами. Он хочет контролировать всех и вся и потому нетерпим к тем, кто хоть чуть-чуть отклоняется в сторону. Он желает, чтобы люди признавали его авторитет и власть, но старается не выставлять их напоказ — за исключением государственных мероприятий, когда без этого не обойтись. В общем, Октавиан — добросовестный правитель, серьезно относящийся к своим обязанностям и где-то в глубине души в себе не очень уверенный, что иногда и делает его жестоким.

Теперь можно с определенной уверенностью утверждать: планируя переворот 13 января 27 года до нашей эры, Октавиан не стремился к чему-либо новому, тем более — революционному. Он не ставил себе задачи утихомирить тех оптиматов, чья концепция *libertas* подвигла их приветствовать убийство Цезаря как поступок благородный. Это получилось попутно с достижением главной цели, а именно — не оставить консервативным римлянам (таким, как сам Октавиан!) никаких причин лишать его незаконно полученной власти. Ведь он публично попытался отдать эту власть! Сенат, в соответствии с горячим желанием народа, отказался ее принять. Октавиан явно рассудил, что отныне руки у него развязаны.

Власть, которую сенат вернул Октавиану в виде более сконцентрированном, стала, таким образом, столь же законной, как и его личный *auctoritas*. То было чисто формальное, даже искусственное решение проблемы, существования которой не признавал Юлий Цезарь. Как арис-

тократ, рисковавший против желания жизнью — ради верховной власти, — Цезарь не видел необходимости подстраиваться под тех, кого он победил и «помиловал». Октавиан, сын провинциального *novus homo*, внук *petit-bourgeois** ростовщика, оказался сообразительней. Октавиан облегчил совесть своих братьев-консерваторов, и так бывших его естественными союзниками: вместо того чтобы требовать диктаторства, он сделался узаконенным народным вождем.

Пусть Октавиан и был монархом, но меньше всего он желал, чтобы его окружали льстивые придворные. Его тошнило от одной этой мысли. Он хотел править. В те времена не было даже определения для таких фанатов единовластия. Все источники говорят о том, что Октавианом двигала жажда власти, но отнюдь не та ненасытная страсть, которая превращает человека в чудовище. Он боялся ее потерять, он был ею развращен, во всяком случае — частично, но — да простит меня лорд Актон** — никак не полностью. Узаконив свою власть, Октавиан успокоился и стал образцовым гражданином, стремящимся показать, как сильно он чтит закон и заботится, чтобы все его соблюдали.

Абсолютная власть, когда она оказывается не в тех руках, — самая опасная вещь на свете. Октавиан это понимал и не мог заставить себя поделиться с кем-либо властью, разве что при условии строжайшего ему подчинения. В первую очередь он искал в людях преданности; она должна была быть абсолютной, но и этого не всегда хватало. Чтобы получить какую-то власть, чтобы правильно ею пользоваться, от его подчиненных требовались силы и способности. Выдающийся пример подобного человека — Агриппа, который и сам знал себе цену. Будь он по рожде-

* *Petit-bourgeois* (*фр.*) — мещанин, мелкий буржуа.

** Джон Эммерих Эдвард Дальберг Актон (1834—1902), британский политический деятель, историк, автор афоризма: «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно».

нию аристократом, Октавиан, наверное, и не рискнул бы принять от него помощь. Молодому Крассу, способному полководцу из патрициев, больше не позволили командовать войсками — после того как прошел его триумф. Октавиан желал поддержать патрицианский строй по глубоким традиционным причинам и помогал тем, кто оказался в трудных обстоятельствах, но помощь редко выражалась в предоставлении высоких должностей. Патриции выполняли чисто декоративную функцию — просто самим фактом своего существования.

Учитывая все обстоятельства, с Октавиана можно снять подозрения в мании величия. Не будь он даже таким охотником до власти, у него все равно имелись бы причины отдалять от себя жалких позеров вроде Корнелия Галла. Октавиан едва ли добивался смерти бывшего наместника Египта и так и сказал после его самоубийства. Он, возможно, и сам еще не догадывался, что всякий, кто предстал по его *fiat** перед сенатским судом, почти не имеет шанса остаться в живых. Человеку, правившему богатейшей провинцией и имевшему власть под стать царской, достаточно просто отставки и ссылки — и дни его сочтены.

Что же касается решения сената 27 года, то проверкой ему станет прочность власти Октавиана, незыблемой, даже когда он покидал Рим. Он понимал необходимость возобновить старые связи с легионами на местах, с легионами, преданность которых имела большое значение как лично для него, так и для его честолюбивых планов расширения и укрепления державы. Тем же летом Октавиан отправился в Галлию, оставив номинально управлять Римом коллежконсула Агриппу. Галлия по большей части была мирной; весть о больших мятежах племен Кантабрии и Астурии на северо-западе Испании заставила Октавиана пройти через

* *Fiat* (лат.) — указ, постановление, приказ; букв.: «да будет».

всю Галлию, чтобы их усмирить, и это была последняя военная кампания, которую он возглавлял лично.

Его старший пасынок Тиберий (будущий император) и племянник Марцелл, сын Октавии от первого брака, отправились, как полагают, вместе с ним, но об их участии в военных действиях 26 года до нашей эры, когда разгромили войско кантабров, ничего не известно. Сам Октавиан серьезно заболел (это было не ранение) и отправился в Тарракон (современная Таррагона) на Средиземноморском побережье, предоставив своим легатам окончательно разгромить астурийцев. Решающего сражения так и не произошло, и только в 19 году до нашей эры Агриппа полностью победит оба племени. Сведения о том, что происходило в течение двух с половиной лет, пока Октавиан находился не в Риме, очень скудны. Неизвестно даже, была ли с ним Ливия; вероятнее всего она приехала к мужу, когда он заболел. Вряд ли ее обрадовал замысел Октавиана — женить молодого Марцелла на своей единственной дочери Юлии.

Свадьба состоялась в 25 году до нашей эры в Риме; Марцеллу было около семнадцати лет, Юлии всего четырнадцать. Руководил церемонией Агриппа, потому что отец невесты был еще слаб и приехать не мог. Брак имел династическое значение: дети от него были бы прямыми потомками принцепса, чьи надежды иметь сына и наследника от Ливии к тому времени, наверное, угасли. На следующий год Октавиан возвратился в Рим и раздал каждому из двухсот пятидесяти тысяч граждан по четыреста сестерциев — подсластить пилюлю, ибо у него имелся в запасе еще один сюрприз. Восемнадцатилетнего Марцелла избрали эдилом. Благодаря этому шагу всем политикам Рима стало ясно: принцепс готовит себе преемника.

Марцеллу предстояло стать самым молодым эдилом, с большим отрывом от всех, к тому же обладателем этой должности до сих пор мог стать только тот, кто год прослужил

в качестве квестора. Еще одно свидетельство расположения Октавиана — Марцеллу отвели место в сенате среди преторов. При республике самые богатые аристократы вели борьбу за должность эдила, потому что по традиции эдилы устраивали и оплачивали публичные игры — и чем масштабней и дороже игры, тем большей популярностью пользовался в дальнейшем уже бывший эдил, когда выдвигал свою кандидатуру на пост консула. Сам Юлий Цезарь шел тем же путем. Такая же дорога к консульству вырисовывалась и для Марцелла, который получил привилегию занять консульскую должность за десять лет до официально разрешенного возраста. Октавиан приказал другим магистратам не усердствовать в расходах на публичные зрелища: никому не дозволено состязаться в щедрости с Марцеллом.

Старшего сына Ливии Тиберия, которому в 24 году до нашей эры тоже было восемнадцать, избрали на должность квестора — когда Марцелл был эдилом, — тоже большая честь, но не столь высокая, как та, которой Октавиан удостоил своего племянника. Кроме того, Тиберию позволили выдвинуться на консульство не за десять лет до оговоренного законом возраста, а лишь за пять. Октавиан как нельзя более ясно показал, кто из них важнее. По ходившим тогда слухам, столь явное предпочтение по отношению к племяннику задело не только Тиберия и Ливию. Агриппа тоже мог заподозрить, что старый друг собрался исключить его из числа потенциальных преемников. Историкам, конечно, заманчиво обсуждать возможность разборки без свидетелей, во время которой Октавиану пришлось оправдываться перед тремя ближайшими союзниками: Агриппой, Меценатом и Ливией. И говорили они от имени всего правящего класса. Юноша-принцепс — какое абсурдное допущение!

Позиция Октавиана подверглась испытанию в начале 23 года до нашей эры, когда он перенес почти смертельную болезнь. И в 23, и в 22 году до нашей эры в Риме была чума.

Неизвестно, чем именно он болел, но болезнь была настолько серьезной, что и сам Октавиан, и его близкие отчаялись; вполне возможно, он болел чумой. Лежа на смертном, как он полагал, одре, Октавиан передал перстень с печатью не Марцеллу, а Агриппе. Он, несомненно, желал, чтобы в свое время юный зять стал его преемником, но не мог не признать, что передавать ему власть теперь — преждевременно. Собственная власть Октавиана опиралась на его *auctoritas*, благодаря которому он контролировал легионы. И эти «нематериальные активы» он никому передать не мог.

Даже если бы Октавиан объявил Марцелла наследником, молодой человек не имел тех преимуществ, которые имел в его возрасте сам принцепс: Октавиану нужно было мстить за смерть Цезаря. У Марцелла же не имелось особых мотивов стремиться вверх, кроме собственного честолюбия. Чтобы не пропало дело всей жизни, Октавиану пришлось отдать свое благословение Агриппе, чей *auctoritas* среди легионеров уступал только его собственному. В противном случае возникал риск: уцелевшие республиканцы старого толка получали первый за девятнадцать лет (со дня гибели Брута и Кассия) шанс повернуть стрелки часов вспять. Еще хуже было бы возобновление вражды между политиками, стоящими во главе беспокойных легионов.

Даже стоя на краю могилы, Октавиан помнил о необходимости выполнить положенную процедуру — передать своему коллеге-консулу Корнелию Пизону схему диспозиции легионов и последний отчет о расходах из государственной казны. Если ему предстоит умереть принцепсом — титул, не передававшийся тогда по наследству, — Пизон автоматически становится главой государства, как Марк Антоний после смерти Цезаря, и получает диктаторские полномочия — тоже не передаваемые по наследству. И все же Октавиан считал, что легионеры, независимо от того, как предписывает закон, будут по-прежнему повиноваться Агриппе.

пе — если увидят у него на пальце перстень принцепса с печатью в виде сфинкса.

Пройдя предписанное ему лечение холодными ваннами, Октавиан поправился, но с одра болезни он встал отчасти другим человеком. Нависавшая над ним угроза смерти направила мысли принцепса на неоконченные дела. Занимать год за годом одну из консульских должностей — дело хорошее, пока он жив, но когда умрет, его преемнику это не поможет. Должностью консула распоряжается народ. Должность не принадлежит тому, кто ее занимает. Он не может ни передать ее, ни завещать. Чтобы обойти затруднение, Октавиан и консул-десигнат должны служить одновременно, как постоянные консулы. Однако такая практика разрушит тщательно поддерживаемую иллюзию восстановленной республики.

Перед лицом смерти принцепс нашел решение, которое помогло иллюзию сохранить. 1 июля 23 года до нашей эры, когда истекло шесть месяцев его девятого по счету консульства, Октавиан потряс всю страну, отказавшись от должности. Ради этого принцепсу пришлось выехать из города, иначе он лишился бы проконсульского империя. Октавиану также хотелось избежать волнений в столице: чернь подняла бы мятеж, если бы решила, что принцепса вынудили уйти враги из сената. Обнародовать заранее свои скрытые мотивы с его стороны было бы неразумно — тогда сенат не так охотно уступил бы странной просьбе поменять высокую должность консула на более низкое номинальное звание трибуна. Чтобы способствовать возвращению Октавиана в Рим, сенат проголосовал за отмену некоторых ограничений его проконсульского империя.

Подобный шаг вниз — во всяком случае, внешне дело выглядело именно так — удивил избирателей не меньше, чем сенаторов. Полномочия избранного народного трибуна весили меньше, чем консульские, даже учитывая право

трибуна налагать вето на решения сената и привилегию защищать простых плебеев от чинимой другими магистратами несправедливости.

Консулы и преторы стояли выше трибунов, когда дело касалось созыва сената или назначения дебатов, но в теперешнем положении Октавиана у его *tribunicia potestas** было два громадных преимущества, которых не имело даже длительное консульство. Во-первых, так принцепс гораздо теснее был связан с массами, как их официальный защитник, что согласовывалось с его и Цезаря популистскими корнями. Во-вторых, только он обладал фактической властью, позволявшей ему при жизни назначить другого человека, который получит *tribunicia potestas*. Такой человек станет его признанным преемником, причем Октавиану не придется объявлять об этом официально и, таким образом, ломать республиканские шаблоны. Чтобы подчеркнуть важность трибунской власти, Октавиан стал считать все дальнейшие годы своего принципата со дня, когда ее получил. Теперь каждый солдат будет знать, кому он должен служить, если принцепс неожиданно умрет. То есть теоретически принципат продолжит существовать, а сенат будет по-прежнему на втором плане.

Вновь представ после недолгого отсутствия перед сенатом и народом, Октавиан был вознагражден вдвойне: получил пожизненные права трибуна, которых добивался, и еще — чрезвычайный проконсульский империй (*imperium maius*) — в качестве компенсации за отказ от консульства. Такой империй имел неоспоримый прецедент: перед созданием Второго триумvirата сенат предоставил Бруту и Кассию большой империй на востоке. Имея такие полномочия, Октавиан мог отдавать по своему желанию распоряжения непосредственно проконсулам всех сенатских провинций — так же как и в провинциях, подчиненных ему.

* *Tribunicia potestas* (лат.) — трибунская власть.

Кроме того, к его трибунским полномочиям добавили право созывать в любое время сенат и ставить перед ним на рассмотрение любые дела. Теперь у Октавиана было все необходимое, чтобы полностью контролировать державу, и еще — наилучшие возможности для мирной передачи дел кому-либо из членов семьи. Он стал императором во всем, кроме названия, и благодаря постепенному принятию преномена «император» в качестве названия его положения в государстве он обретет в конце концов и этот титул, пусть даже только среди потомков.

Почему же сенаторы с такой готовностью проголосовали себе во вред? Помимо естественного уважения к военной силе Октавиана, дело заключалось еще и в другом: благодаря его отказу для сенаторов освободилась консульская должность. Теперь вдвое больше сенаторов смогут украсить свои биографии упоминанием о консульстве. Они могли также решить, что принцепс ослаб после болезни и его выбор в пользу менее высокого поста трибуна говорит о готовности вернуться, по примеру Суллы, к жизни частного лица. Ни сенаторам, ни Октавиану не дано было знать, что всего шестьдесят лет спустя внук Ливии император Гай (Калигула) будет ставить пост консула настолько невысоко, что пожелает назначить на него своего любимого коня.

Желая успокоить возмущенного Агриппу, Октавиан устроил пятилетний *maius imperium proconsular* и для друга, но ограничил его действие землями на востоке, пришедшими в некоторый упадок во время долгого пребывания принцепса в Испании. Агриппа, как говорят, отбыл в гнев, однако, по мнению историков другой школы, он просто использовал раздор, возникший из-за Марцелла, чтобы добиться у своего командира дополнительных для себя полномочий. Не желая заниматься карательными экспедициями, Агриппа предоставил этот неблагодарный труд легатам, а сам сидел в штабе на острове Лесбос, принимая послов от восточных царей.

Каковы бы ни были истинные мотивы Агриппы, борьба за престолонаследие прекратилась еще до конца года. В возрасте девятнадцати лет скончался Марцелл. Некоторые подозревали, что его отравила Ливия. Полностью такую возможность исключать нельзя, но следует иметь в виду, что ныне эта теория обязана своей популярностью роману Роберта Грейвза «Я, Клавдий», в котором Ливия, расчищая своему сыну Тиберию путь к престолу, избавляется от многих членов семьи.

Вероятнее всего, учитывая среднюю продолжительность жизни в Риме — двадцать девять лет, — Марцелл умер естественной смертью. Как и очень многие в том роковом году, он мог просто заболеть чумой.

Похоронили молодого человека в большом семейном мавзолее, который Октавиан строил для себя; он словно хотел, чтобы это произведение архитектуры напоминало всем: он, в отличие от поверженного соперника Антония, не намерен оставлять свой прах в каком-либо другом месте. По причинам не совсем понятным, но весьма ясно показывающим, насколько серьезно воспринимался вопрос о передаче власти, Октавиан предложил прочесть перед сенатом свое завещание, в котором Марцелл якобы едва упоминался. Сенат, разумеется, на прочтении не настаивал и принял слова Октавиана на веру.

После смерти Марцелла его шестнадцатилетняя супруга осталась бездетной вдовой, а Агриппа — первым в очереди на наследование. Октавиан очень быстро подчинился логике вещей и выдал дочь за Агриппу. Тиберий опять остался в стороне.

После всех этих событий 23 года до нашей эры произошло разоблачение заговора с целью убийства принцепса. До недавних пор среди историков было принято считать, что Дион, наш главный (но ненадежный) источник информации о заговоре, неверно относит его к 22 году до нашей эры

и что заговор на самом деле предшествовал сделанным в 23 году до нашей эры изменениям в правительстве и был в некоторой степени их причиной. Современные исследования и анализ событий говорят в пользу первоначальной датировки Диона, и картина, таким образом, в корне меняется. Заговор был следствием предоставления Октавиану новых полномочий, а не причиной того, что он стал их добиваться; вопрос о преемнике тоже имел к нему отношение.

Первые настораживающие признаки проявились во время процесса над бывшим наместником Македонии Марком Примом, вторгшимся во Фракию без приказа сената. Как утверждала защита в лице Варрона Мурена, зятя Мecenата, приказ исходил от принцепса. На последней стадии слушания Прим также заявил, что приказ ему передал молодой Марцелл (который, по счастью, успел уже умереть). Октавиан, не будучи вызван в качестве свидетеля, пришел на слушание и стал отрицать, что отдавал такой приказ. Мурена спросил, для чего Октавиан явился в суд. Ради общественных интересов, ответил тот.

У всех этих разбирательств и перепалок был весьма непростой и тревожный подтекст. Правду ли говорил Прим или лгал? Быть может, кто-то ввел его в заблуждение, передав ему ложный приказ с целью дискредитировать Октавиана, которому в то время не полагалось вторгаться в бывшую в ведении сената провинцию, не имея на то достаточных оснований и тем более не уведомив сенат. Или же Марцелл решил пойти по стопам дяди и повести войска в битву, будучи совсем юнцом? И если так, то действовал ли он по собственной инициативе или же слушался кого-то другого? И не был ли этот «кто-то другой» Октавианом? И не думал ли Мурена, что Октавиан о чем-то умалчивает, раз он имел дерзость так настойчиво расспрашивать принцепса?

Дион дает нам еще один намек, однако выводов из него не делает. Хотя принцепс дал под присягой показания, не-

которые из судей проголосовали за оправдательный приговор. Стали бы сенаторы так сильно рисковать, не будь они уверены, что Октавиан решил попридержать правду? И вслед за этим мы узнаем о раскрытии явно связанного с процессом заговора против Октавиана. Возглавляет его Фанний Цепион, республиканец, ничем более не прославившийся. Есть и другие участники, но из них назван только Мурена. Дело набирает обороты. Никого из обвиняемых сразу не арестовывают. Суд проходит в их отсутствие; ведет процесс Тиберий. Судьи признают подсудимых виновными, опять же не единогласно.

Заговорщиков, включая Варрона Мурену, приговорили к смерти за измену и казнили, как только поймали, так что в суде сторону обвинения никто даже не выслушал. Здесь словно старались замести какие-то следы; да так оно скорее всего и было. Противоречивость дошедших до нас сведений можно объяснить грубой попыткой замазать правду. Монархии всегда скрытны, особенно если притворяются республиками, и потом, мы уже видели примеры, когда Октавиан пытался утаить от общественности неблагоприятные для него сведения.

По Светонию, Меценат впал в немилость, рассказав своей жене Теренции, что ее брата, Мурену, будут судить. Благодаря ее предупреждению Мурене, вероятно, и удалось вначале ускользнуть, чем и объясняется его отсутствие на процессе, который вел Тиберий. Если Меценат и упал во мнении друга, то ненадолго. Мы вскоре узнаем, что он по-прежнему занимает положение доверенного лица и даже заявляет Октавиану: тот, мол, вознес Агриппу на неслыханную высоту, и теперь осталось женить его на Юлии — или же убить. Теренция, как известно, была в течение нескольких лет любовницей Октавиана. Сам Меценат состоял в связи с неким актером.

Быть может, Марцелла и вправду отравили. Но точно ли это сделала Ливия?

XVIII

Борьба за место преемника

С того времени как в возрасте тридцати одного года Октавиан покинул Рим, чтобы сразиться с Марком Антонием, и до 13 года нашей эры, когда ему исполнилось пятьдесят, пятнадцать лет — или почти пятнадцать — он провел за пределами Италии. Затем все изменилось. Оставшиеся двадцать шесть лет своего принципата Октавиан, если не считать одного непродолжительного набега, оставался в Италии, то и дело рассылая во все концы империи родственников, чтобы доделывали за ним начатое. Происходили великие перемены. Например, за сорок пять лет его принципата неслыханно увеличились провинции империи — как в числе, так и в протяженности. Можно перечислить все добавленные земли (Египет, альпийские провинции Реция и Норик, балканские — Паннония и Мёзия, ближневосточные — Галатия и Иудея и др.), но о том, как достигнуты столь удивительные результаты, остается только догадываться. Точно так же недостаток сведений ограничивает наши представления об общественной карьере и частной жизни принцепса.

Порой в течение целого года ни о каких важных событиях в жизни Октавиана не упоминается, и потому нет возможности выстроить связное повествование. К счастью, в этом тумане есть кое-какие маяки, и они могут привести нас к надежным умозаключениям. Нужно только помнить, что разрушительное действие времени и обстоятельств — не единственная причина недостаточности материала. Утаивание истины правителями тоже играет важную роль, равно как и дезинформация, порой насаждаемая намеренно с целью запутать и обмануть тех, кто не принадлежит к самым верхним кругам власти.

Что касается выдающихся военных достижений этого периода, то скудные источники часто представляют дело так, словно все это дело рук самого принцепса, его зятя Агриппы и пасынков Тиберия и Друза. Через сито цензуры просочились несколько имен и других полководцев; было явно задумано отдать львиную долю славы членам императорской семьи, а оставшиеся крупницы — нескольким любимцам двора. Последний триумф полководца, не принадлежавшего к семье принцепса, прошел в 19 году до нашей эры. Даже Агриппа мудро отклонял предложения провести триумф, поскольку уже тогда понял: принцепс отводит ему роль второстепенную и слегка унижительную — роль потенциального регента при собственных сыновьях, да и то единственно потому, что они были внуками самого Октавиана и в их жилах текла кровь Цезаря, пусть и разбавленная.

Брак с молодой, способной к деторождению Юлией, заключенный в 21 году до нашей эры, как раз имел целью принести Октавиану внуков. То, что не удалось Марцеллу, выполнил Агриппа — целых три раза, да еще добавил для ровного счета двух дочерей. В лихорадочной династической гонке, целью которой было обеспечить после смерти Октавиана верховенство его генов, чувства Юлии никакого значения не имели. Не имели значения и чувства оскорбленной Марцеллы, дочери Октавии; с Марцеллой Агриппе пришлось развестись, чтобы жениться на ее двоюродной сестре. Говорят, Октавия одобрила эту затею — вот отличный пример дезинформации. Какая мать пожелает, чтобы муж вышвырнул ее дочь, словно собачонку; тем более если этот муж в случае смерти принцепса займет, по всей вероятности, его место.

Еще несколько месяцев после разоблачения заговора Цепиона-Мурены Октавиан пользовался поддержкой плебса — вопреки чуме, наводнениям и нехватке хлеба, которые народное суеверие объясняло тем, что боги разгнева-

ны уходом Октавиана с поста консула. Толпа фанатиков осадила здание сената и требовала у его трепещущих обитателей, чтобы ему предоставили консульство — и не на год, а бессрочно.

Октавиан от предложения отказался, но взял на себя обязательство восстановить нормальное снабжение и сделал это всего лишь за несколько дней. Видимо, он просто принял жесткие меры и раскрыл двери частных хранилищ.

Когда Октавиан, совершая запланированную поездку на восток, отбыл на Сицилию, избиратели отказались выбирать двух консулов, оставляя, таким образом, второй консульский пост за ним. Но Октавиан находился за границей весь 21-й и 20 год до нашей эры — сначала в Греции, потом в Азии, Вифинии и Сирии. Поход 20 года до нашей эры Октавиан предпринял с целью запугать парфянского царя Фраата, под которым уже шатался трон, чтобы тот вернул штандарты легионов, отобранные у Красса и Антония во время их неудачных вторжений в Парфянское царство. Октавиан и Тиберий повели войска к парфянской границе, демонстрируя свою мощь, и тут сыну Ливии повезло: именно ему удалось забрать и трофеи, и выживших пленников.

Октавиан доказал скептикам: против Парфии, там, где не помогли и не помогут в дальнейшем сражения, можно преуспеть с помощью военной дипломатии.

Парфяне не представляли серьезной угрозы для соседей, потому что они пока не создали большой регулярной армии, способной действовать круглый год. Кроме того, им приходилось защищать собственные восточные границы от кочевых племен Центральной Азии и сильных держав Северной Индии. Авторитет принцепса вырос еще больше, когда он принял посланников из Индии, желавших заключить торговый договор для перевозки специй через Красное море и Египет. Ранее его попытки завладеть частью этой торговли путем вторжения в Счастливую Аравию (совре-

менный Йемен) обошлись ему весьма дорого и закончились провалом.

Тем временем в столице упорствовали избиратели, требуя возвращения Октавиана. На 19 год до нашей эры вновь избрали только одного консула — Сентия Сатурнина. Немало хлопот доставил консулу претор Эгнаций Руф, который пытался вопреки закону выдвинуться на консульство раньше положенного срока.

Руф пользовался народной поддержкой, потому что в качестве эдила завел довольно эффективную, хотя и маленькую пожарную команду. Октавиан, всегда стремившийся взять верх над соперниками-популистами, приобретающими авторитет в ущерб его собственному, обошел Руфа, создав по его примеру пожарную команду, но большую и лучше организованную. Когда Сатурнин отказался принять его кандидатуру, Руф поднял мятеж. Сенат вынес *consultum ultimum*, и Сатурнин казнил Руфа.

Напряжение нарастало; на восток отправилась депутация сенаторов молить принцепса о возвращении. Октавиан назначил одного из членов депутации вторым консулом и спешно отправил его назад в столицу, а сам неторопливо последовал за ним. Втайне он, наверное, был польщен суматохой, которую поднимали республиканцы: ведь они столько лет убеждали его не цепляться за консульскую должность! День возвращения принцепса в Рим, 12 октября, сенат постановил ежегодно отмечать празднествами — августалиями. Что еще важнее, сенаторы проголосовали за предоставление Октавиану пожизненного консульского империя, возместив ему с лихвой трибунские полномочия. То было окончательное признание: без Октавиана сенат не в состоянии управлять Римом; то была полная капитуляция сенатской оппозиции. Отныне сенаторы будут сотрудничать с принцепсом если и без радости, то с готовностью, будут действовать в соответствии с его династиче-

скими планами и помогать ему управлять империей на его условиях.

Тиберий, которому исполнилось двадцать три, получил звание претора, а его брат, двадцатилетний Друз, — право выдвигаться на должность магистрата на пять лет раньше, чем остальные граждане. Отвергая предложение сената выполнять официальную роль стража общественной и личной нравственности, Октавиан опирался на законодательство, чтобы обуздать излишнюю расточительность аристократов и нуворишей. Он ввел материальное поощрение для людей, вступающих в брак и производящих на свет детей, а за супружескую измену применял суровые наказания, в особенности для высших классов. «Расу господ» следовало сохранять в чистоте.

Кроме того, принцепс нашел время еще раз пересмотреть сенатские списки и сократил число сенаторов до шестисот.

Знатоки древних обычаев из жреческих коллегий внесли запоздалое, но принятое с радостью предложение провести Секулярные игры, которые в последний раз проводились в 146 году до нашей эры. Название игр происходит от слова «*saeculum*», означающего (в данном случае) столетний период, срок человеческой жизни; непременным требованием было отсутствие среди живущих участников предыдущих Секулярных игр. Это не были игры в обычном понимании. *Ludi Saecularis* представляли собой сочетание ночных молитвенных собраний и дневных театральных представлений, имевших целью отметить рождение нового века в бесконечной череде веков.

Состоявшиеся в 17 году до нашей эры игры отлично продемонстрировали контраст между нестабильной республиканской системой и пришедшим ей на смену благодатным отеческим правлением Октавиана. Всем порядочным гражданам полагалось посетить празднество хотя бы один раз; непонятно только, как обстояло дело со снабжением, ведь,

согласно переписи, их было более четырех миллионов. Славившийся своим благочестием принцепс все три ночи подряд принимал участие в ночных службах; приносились жертвы богиням судьбы и Матери Земле, днем возносили торжественные молитвы Аполлону (с ним теперь особо связывали Октавиана) и еще божественной супружеской паре — Юпитеру и Юноне, которые по традиции покровительствовали Риму и чьи святилища стояли на вершине Капитолия.

Юлия к тому времени родила принцепсу двух внуков — еще один повод для всенародного ликования. Октавиан усыновил и трехлетнего Гая Юлия Цезаря, и новорожденного Луция Юлия Цезаря — отсюда и их имена дома Юлиев.

Имя их родного отца, принадлежавшего к совершенно плебейскому роду Випсаниев, никак не годилось для мальчиков, на которых возлагались столь великие надежды. Их будущее, как и будущее принципата, было обеспечено, если Октавиан или Агриппа — теперь уже бесспорный наследник, имеющий трибунские полномочия и проконсульский большой империй — доживут до совершеннолетия детей. Если Октавиан умрет первым, Агриппа, как новый принцепс, должен будет назначить своим преемником либо Гая, либо Луция. В тот момент Агриппа укреплял власть Рима в восточных провинциях. Юлия, по-видимому, была вместе с супругом, потому что у них родилось еще трое детей.

В 16 году до нашей эры Октавиан выехал из столицы в последний большой военный поход, начавшийся в Галлии. Отсутствовал он три года, и, будучи главнокомандующим армий, которые вели Тиберий и Друз, организовал завоевание в центральных и восточных Альпах огромных территорий, ставших позднее римскими провинциями, — Реции (ныне — Тироль и часть Швейцарии и Баварии) и Норик (к востоку от Реции и к югу от реки Дунай). До сих пор над Монако возвышаются остатки триумфального сооружения — цоколь и несколько колонн — в память о покорении Авгус-

том сорока восьми племен, живших большей частью в Приморских Альпах, на землях современной Франции.

В 13 году до нашей эры и Октавиан, и Агриппа вернулись в Рим; пост консула тогда занимал двадцатидевятилетний Тиберий. Два друга, вероятно, не встречались уже несколько лет. Еще не кончился год, как Агриппа — старый боевой конь — отправился на подавление мятежа в Паннонии, в будущем балканской провинции к востоку от Норика. Ему хватило одной зимней кампании на этом заснеженном кладбище легионов. Наведя некое подобие порядка, Агриппа отправился назад, в Италию, но не доехал и даже не успел проститься с Октавианом. Агриппа скончался в середине февраля, и выехавший навстречу принцепс не застал его в живых.

Только смерть самого Октавиана могла бы нанести власти больший ущерб.

Принцепс тяжело переживал потерю друга. С тех пор как они вместе отплыли из Аполлонии навстречу великим приключениям, минуло больше тридцати лет. Октавиан устроил для Агриппы пышные похороны и сам произнес на Форуме похвальную речь. Агриппа упокоился в мавзолее Октавиана — это пустое гулкое пристанище он разделил с Марцеллом, таким же наследником, не дожившим до вступления в наследство.

Просто возмутительно, что немалая часть римской знати бойкотировала игры, устроенные в честь выдающегося героя Рима — из-за скромного происхождения Агриппа оказался недостойн их внимания. А ведь помимо военных подвигов, Агриппа много сделал для изменения повседневной жизни десятков тысяч своих сограждан; он выстроил новые акведуки и канализационные системы и завещал римлянам бесплатные общественные бани и сады. Прочее имущество он оставил Октавиану.

Последней наградой, полученной Октавианом от сената, стало одно из лучших произведений изобразительного

искусства римской цивилизации, искусства, в котором римляне столь часто подражали греческим образцам. Речь идет об *Ara Pacis Augustae* — священном Алтаре Мира, воздвигнутом в честь побед Октавиана в Испании и Галлии. Строительство его длилось четыре года; принцепс на нем предстает не как божество, а как человек. На четырех стенах Алтаря — рельефы, изображающие Октавиана в окружении семьи и сограждан. В 1937 году, при Муссолини, произвели окончательные раскопки этого сооружения и собрали воедино те его части, которые откопали раньше и которые успели попасть в разные музеи Европы.

Третий сын Агриппы и Юлии родился после смерти отца, отсюда и имя — Агриппа Постум. Агриппа переживет обоих братьев, но жизнь будет влачить жалкую — из-за собственных пороков.

В возрасте двадцати семи лет, едва успев родить Агриппу, пятого своего ребенка, Юлия должна была готовиться к вступлению в следующий брак: ее отец хотел еще надежнее укрепить позиции внуков как престолонаследников.

И опять Юлии не пришлось выбирать. Женихом на этот раз стал Тиберий — совершенно того не желавший. Да и мало кто пожелает столь сомнительного счастья — жениться на своей почти что теще. Старший сын Ливии уже был женат по любви на дочери Агриппы, а теперь его заставляли взять в жены его вдову! Правда, рассказы о нежелании Тиберия разводиться с Випсанией вызывают некоторое недоверие — ведь поначалу он и Юлия жили хорошо и только позднее расстались с большим скандалом.

Зная о привязанности пасынка к бывшей супруге, Октавиан старался, чтобы они не встречались. Однажды они все же встретились случайно — вскоре после свадьбы Тиберия с Юлией, в 11 году до нашей эры. По словам людей, видевших эту встречу, когда Тиберий уходил, у него на глазах стояли слезы. Не будет, наверное, преувеличением ска-

зять, что развод с Випсанией и женитьба на Юлии наложили отпечаток на всю его жизнь. Уже будучи императором, Тиберий часто страдал от депрессий; возможно, их причина крылась в недовольстве самим собой: ему следовало воспротивиться велению принцепса. Как показали дальнейшие события, послушание не принесло ничего такого, чего Тиберий и так бы не достиг. Этот брак испортил отношения внутри семьи, которая как раз оплакивала любящую и самоотверженную Октавию, скончавшуюся на шестом десятке.

У Юлии и Тиберия родился ребенок, но умер в младенчестве. После этого удара их супружеские отношения, по видимому, и закончились.

Тиберий временно разрешил проблему, отправившись на Балканы, где вел долгую и жестокую войну против паннонцев и далматов, чтобы расширить границы империи на Дунае. Потом он снова уехал из Рима: когда погиб, упав с лошади, его младший брат Друз, Тиберий отправился завершать начатое братом — передвинуть границу с Германией от Рейна до Эльбы — задача, оказавшаяся невыполнимой. За эти годы суровой военной жизни политические новости из столицы только усиливали чувство обиды Тиберия: Гая и Луция столь бесстыдно проталкивали наверх, словно они были царские дети и могли наследовать абсолютную власть независимо от возраста, личных качеств, опыта и заслуг перед отечеством.

Такая политика противоречила аристократическим принципам Тиберия, которые невозможно было искоренить полностью. Он восхищался Октавианом как великим вождем, но в социальном плане смотрел на него сверху вниз. На фамильном древе Тиберия имелось больше консулов, чем в роду у самого Юлия Цезаря, не говоря уж о плебейском семействе родного отца Октавиана. Римляне высших классов очень тщательно изучали родословные. Тиберий был аристократом на все сто: оба его родителя происходи-

ли из дома Клавдиев. Октавиан, как внук сестры Юлия Цезаря, был Юлием лишь на одну восьмую, да и то не по прямой мужской линии; любой из его внуков мог похвалиться только тремя процентами юлианской крови.

Когда в 7 году до нашей эры Тиберий вернулся наконец в столицу, чтобы отпраздновать первый в Риме за двенадцать лет триумф, возмущению его не было предела: он увидел, как потворство Октавиана испортило обоих мальчиков, взрастив у них в столь восприимчивом возрасте чрезмерное ощущение собственной значимости. Это ощущение у них усиливалось также благодаря низкопоклонничеству окружающих, надеявшихся загодя снискать расположение двух будущих властителей. Тиберий, вероятно, пожаловался матери, которая всегда горячо его поддерживала. Ливия наверняка предостерегла сына, чтобы не выступал против них прилюдно; в противном случае даже она не сможет гарантировать ему безопасность. Скорее всего мать прямо посоветовала ему терпеть и молчать, даже если мальчики — его собственные пасынки — будут обращаться с ним неуважительно.

Однако Тиберий, возмущенный к тому же изменами супруги, о которых ходили слухи, был сыт по горло. Когда в следующий раз, в 6 году, принцепс предложил ему повести войско за границу, он заявил, что устал от войны и политики и хочет жить как частное лицо на греческом острове Родос, в восточной части Средиземного моря. Нетрудно представить, каков был ответ Октавиана и как он потом совещался с приближенными и с Ливией, пытаясь выяснить, что это нашло на ее сына и как теперь с ним быть. Дипломатичный Меценат, умевший находить компромиссные решения, умер два года назад. Наверное, сама Ливия посоветовала разъяренному супругу дать Тиберию трибунские полномочия. Это одна из загадок 6 года — почему тридцатилетний сын Ливии получил вожденную власть перед самым отъездом?

Как Октавиан ни старался, как ни уговаривал, Тиберий не уступал и в конце концов, чтобы добиться своего, объявил голодовку. Не будь он сыном Ливии, ему бы не препятствовали и он бы в конце концов умер. Первым — через четыре дня — дрогнул принцепс.

Тиберий сел на корабль, но задержался немного у италийского побережья, так как до него дошли слухи, что отчим серьезно заболел. Вероятно, приступ болезни был вызван подавляемым гневом. В конце концов Тиберий отплыл на Родос (где и прожил следующие семь лет), оставив за собой целый шлейф сплетен и споров об истинных мотивах отъезда — споров, не утихающих и по сей день.

Четыре года спустя Юлию арестовали за распутство, державу потряс новый скандал, и тогда все решили: Тиберий удалился на Родос, ибо не желал прощать измен жены с многочисленными любовниками только потому, что она — дочь принцепса. Октавиан тоже мог поддерживать это предположение с целью отвлечь внимание от истинной сути обоих скандалов — дело было в том, что произошедшее представляло для него политическую угрозу, и исходила она от людей, находившихся в опасной близости к средоточию власти. В обоих случаях угроза возникла из-за того, что его планы относительно преемника были для этих людей унижены. Рим еще не стал окончательно монархией, хотя иногда таковой казался.

Обидчивый и нелюдимый Тиберий, обладавший сильным чувством долга перед своим классом и пекшийся о целостности государства, не отказался бы от карьеры из-за капризной и взбалмошной женщины. Предположение, что он готов был уморить себя голодом, лишь бы избавиться от Юлии, просто нелепо. Помимо всего прочего, Октавиан, если бы выжидал больше четырех дней, рисковал навлечь на себя ненависть Ливии. Ведь упрямый и высокомерный сын его супруги согласился бы умереть за свою страну, пусть

даже его понятия о власти безнадежно устарели. Когда однажды Тиберию предложат принципат, он примет власть неохотно, из презрения к жалкому раболепию тех, кто предлагает, а не из желания править миром. Тиберий хоть и страшился ответственности, но понимал: если откажется, то запятнанное сокровище получит еще менее достойный претендент, который испортит или разрушит замечательное наследие Августа.

Начало карьеры и поступки молодого Гая показали, что Тиберий правильно поступил, уехав на Родос. Когда Гаю исполнилось двенадцать, Октавиан совершил с ним небольшую поездку в Галлию, где показал его легионам и выплатил им от его имени вознаграждение — ход совершенно недвусмысленный. На пятнадцатом году жизни Гай облачился в тогу совершеннолетнего, и покладистый сенат разрешил ему посещать заседания в качестве почетного гостя. Тиберий к тому времени поселился в скромном поместье на Родосе и начал изучать астрологию, желая узнать, что еще готовят ему звезды.

Октавиан согласился с решением сената назначить Гая консулом на пять лет, когда ему исполнится двадцать. А отныне и до тех пор Гая стали именовать *Princeps Juventutis* (Глава юношества) — титул, похожий на титул Октавиана и показывающий, что принцепс отныне не скрывает своих монархических устремлений. Некоторые колонии выразили одобрение, послав мальчику верноподданнические приветствия. Тиберий же так и сидел на Родосе; помимо астрологии в его расписании появилась еще и греческая философия — резервный вариант для утешения.

Во 2 году до нашей эры карьера Октавиана достигла вершины: Сенат наградил его титулом *Pater Patriae* (Отец отечества). Всадники и простонародье давно добивались этого от сенаторов. Октавиана глубоко тронула мысль, что его новое почетное звание отражает истинные взгляды всех сло-

ев общества, и он написал об этом в заключительной главе «*Res Gestae*» — в качестве достойного завершения перечня своих деяний. Но буквально сразу же и произошел скандал, погубивший его дочь Юлию и подпортивший славу самого Октавиана как строгого, но любящего отца семейства — образ, который принцепс всячески поддерживал и требовал такого же отношения к семье от других.

Юлии было тридцать шесть лет. Как большинство римских женщин, она всю жизнь подчинялась другим, в основном отцу и мачехе, и еще — одному за другим трем своим мужьям, ни одного из которых ей не позволили отвергнуть, не говоря уже о том, чтобы самой выбрать себе мужа. Будучи покинута последним супругом и предоставленная в определенной степени самой себе, Юлия ознаменовала полученную свободу тем, что ездила по городу и пьянствовала со своими великосветскими друзьями. Видели, как она, шатаясь, бродила по Форуму в мужской компании и резвилась на ростре, с которой ее отец произносил перед римлянами возвышенные речи.

Среди приятелей Юлии был сын Марка Антония и Фульвии Юл Антоний, воспитывавшийся в императорской семье, вместе с детьми Октавии. В 21 году до нашей эры он женился на ее старшей дочери Клавдии Марцелле — когда Агриппе пришлось с ней развестись, чтобы вступить в брак с Юлией. Будучи женат на племяннице самого принцепса, чего не могло произойти без согласия Октавиана, Юл сделал отличную карьеру, став консулом в тридцать три года, а в тридцать шесть — наместником Азии, богатой и развитой провинции. Его считали хорошим поэтом. Когда Юла арестовали, ему был сорок один год — на пять лет больше, чем Юлии, и он, вероятно, состоял с ней в связи.

Помимо Антония обвинения предъявили еще нескольким людям, четверо из которых принадлежали к известным сенаторским семьям: Тиберий Семпроний Гракх, Аппий

Клавдий Пульхр, Корнелий Сципион и Тит Квинкций Криспин. Кто-то из них, возможно, и побывал в постели Юлии, но, разумеется, не все. Этот список больше похож на перечень вышедших из доверия членов республиканской оппозиции. Согласно Веллею Патеркулу, стороннику Тиберия и ярому поклоннику Октавиана, Юлия не отказывалась ни от чего, позорящего женщину, и отдавалась каждому из вышеназванных. Это настолько неправдоподобно, особенно в обществе, где богатые аристократы могли иметь сколько угодно наложниц и рабынь для сексуальных услуг, что даже не заслуживает обсуждения.

Если бы Юл Антоний был ее любовником, он не стал бы делить ее со многими другими. Вряд ли на это согласились бы и прочие — люди с такими прославленными именами, как Сципион, Гракх, Клавдий и Квинкций. Тацит больше века спустя писал, что первым соблазнил Юлию Гракх, еще когда она состояла в браке с Агриппой, но в другом месте он же говорит, что хотя арестовали этих людей за разврат, судили их за государственную измену. Многим историкам кажется логичным наиболее простое объяснение: их судили за измену, ибо принцепс заподозрил их в измене. Судя по тому, как Октавиан наказал дочь, он подозревал в измене и ее.

Как проконсул и член семьи принцепса, из которой происходили его самые влиятельные и доверенные сторонники, Юл Антоний не мог не знать о взглядах и предубеждениях Октавиана. Как ближайший друг матери Гая, Луция и Агриппы Постума, Антоний был весьма хорошо осведомлен о династических планах принцепса, равно как и личных взглядах на это Юлии, высказываемых, вероятно, в подпитии, — дескать, дела ее отца испортили ей жизнь. Наконец, Юл носил имя, которое все еще могло вызвать отклик в Этрурии, где у его отца были некогда многочисленные сторонники. Если Октавиан неожиданно умрет — а Тиберий

далеко, и с ним легко разделаться, — кто помешает Антонию жениться на Юлии и стать при поддержке сената принцепсом, лишив принципата Гая, которому только восемнадцать? Юлия станет первой дамой Рима. Но когда Гаю исполнится двадцать и он займет пост консула, будет поздно: Юлия тогда будет уже не дочерью принцепса, а матерью.

Все это домыслы. Еще больше усложняет дело и прибавляет ему загадочности тот факт, что Октавиан лично явился в сенат, чтобы осудить дочь. Многие сенаторы решили, что с возрастом он стал хуже соображать. Зачем первому семейству империи прилюдно трясти грязным бельем? Ведь принцепс мог, пользуясь правами отца семейства, попросту запереть ее, а с предполагаемыми любовниками разделаться иным способом. Как бы то ни было, сенат послушно принялся за работу и присудил обвиняемых к смертной казни; из них один только Антоний успел покончить с собой.

Юлию сослали жить на остров Пандатерию, и ее стражам было приказано следить, чтобы она не пила вина. Ее мать, вторая жена Октавиана Скрибония, выразила свое отношение к решению сената, добровольно последовав за дочерью в ссылку.

Октавиан написал Тиберию, что дал Юлии от его имени развод. Тиберий отвечал письмами, в которых просил принцепса помириться с дочерью. Только через два года Октавиан позволил Юлии вернуться на материк, но и там она оставалась под строгим надзором, пока, четырнадцать лет спустя, не умерла.

Луций Цезарь, надевший тогу совершеннолетнего в том самом году, когда состоялся судебный процесс, получил такие же права, как тремя годами ранее его брат Гай. Гая в следующем году отправили на восток в сопровождении опытного полководца, чтобы приобрести военный и дипломатический опыт. Среди прочих дел ему было поручено

вести переговоры по различным вопросам с парфянами. Гай неплохо себя зарекомендовал и произвел в целом хорошее впечатление, правда, неизвестно, в какой степени он обязан этим помощи советников. Светоний пишет, что однажды за обедом некий человек (имени не упоминается) попросил позволения отправиться на Родос и привезти голову Тиберия. Гай не оборвал наглеца.

К тому времени окончился срок трибунских полномочий Тиберия, и Октавиан намеренно не стал их продлевать. Несмотря на все просьбы Тиберия и его матери, принцепс не позволял ему вернуться в Рим и вести жизнь частного лица. То было отнюдь не радостное время в императорском палатинском доме; происходившее в некоторой степени объясняет всем известную привычку Октавиана перед важными разговорами с Ливией записывать то, что он собирался сказать.

Тиберий написал принцепсу, вероятно, по совету матери, что истинная причина его отъезда на Родос — нежелание показаться соперником Гая и Луция, пока они еще дети; теперь они выросли и готовы занять самое высокое положение, и потому беспокоиться не о чем. Во 2 году нашей эры Октавиан все же позволил пасынку приехать в Рим, однако благосклонности не вернул.

Не прошло и двух лет, как тщательно вынашиваемые планы принцепса относительно внуков потерпели крушение. Вскоре после возвращения Тиберия Луций, ехавший в Испанию, чтобы впервые в жизни принять командование войском, заболел и умер в Массилии (современный Марсель). На следующий год Гай, ставший во время службы за границей консулом, был ранен в голову при осаде крепости Артагера в Армении. Артагеру он захватил, но при ранении, по-видимому, пострадал мозг. Гай лепетал, что не желает возвращаться в Рим, а хочет провести остаток жизни в каком-нибудь тихом уголке. Его повезли домой через Ликию, и по

дороге в феврале 4 года нашей эры он скончался — вероятно, в результате полученного ранения.

Начинать все заново было уже поздно. Оба внука лежали в мавзолее рядом со своим отцом и первым мужем Юлии. Шестидесятилетнему Октавиану пришлось искать другие варианты. Юлию он вычеркнул сам своими поспешными действиями. Ее слава стала такова, что, даже выйди она замуж и роди ребенка (Юлии шел сорок второй год), неминуемо пошли бы разговоры о том, кто его настоящий отец. Сын Юлии Агриппа Постум был настоящим мужланом, человеком недостаточного ума и склонным к буйству. Позже его тоже придется сослать на остров. Оставался один Тиберий. Ливия наконец-то добилась своего.

Октавиан поставил единственное условие: наследовать Тиберию должен не сын его Друз, а Германик, внук Октавии и Марка Антония. Так в будущих поколениях властителей сохранится хоть сколько-то крови родни Октавиана. Тиберий отказался. Октавиан стал ждать. На сей раз уступил младший. Наверняка Ливия подсказала сыну, что, став принцепсом, он сможет изменить решение, однако Октавиан справедливо полагал: если Тиберий даст клятву, то сдержит. Он усыновил Тиберию и сделал его главным наследником, а также вернул ему трибунскую власть и предоставил проконсульский империй.

Суровые меры в семье императора коснулись не только среднего поколения. Пострадали все. Агриппе Постуму, когда его лишили матери, было всего десять лет. Его скверное поведение в юном возрасте наверняка связано с пережитым в детстве эмоциональным потрясением. Агриппу назначили на какую-то незначительную должность, но он ушел в отставку — или же его проводили. В восемнадцать или девятнадцать лет его сослали за неподобающее поведение; конкретные проступки не называются, ясно только, что это связано с его необузданностью. Вскоре после

Агриппы, в 8 году нашей эры, сослали его сестру Юлию — на остров в Адриатическом море, где у нее родился внебрачный ребенок.

Октавиан отказался признать ребенка. Бросить младенца, особенно девочку, не считалось преступлением, если это делалось по приказу главы семейства. Новорожденного младенца клали к ногам отца; если он брал его на руки, то признавал его и нес ответственность за воспитание, но если отказывался, то семья на законном основании отвергала ребенка.

Супруг младшей Юлии Луций Эмилий Павл уже несколько лет жил в изгнании по обвинению в заговоре против принцепса. Настоящий отец ребенка, Юний Силан, находившийся до этого с Октавианом в приятельских отношениях, добровольно уехал из страны и никакого наказания не понес.

Действия принцепса, которому теперь было почти семьдесят, привели к тому, что его единственная дочь, единственный оставшийся в живых внук и одна из двух внучек оказались в ссылке, вдалеке друг от друга, а собственного правнука он приказал бросить умирать от голода. Где еще найдешь столь неблагополучную семью! Но, быть может, для его необъяснимой жестокости имелись скрытые причины? Ученые в целом согласны, что за всеми этими событиями крылась попытка дворцового переворота, хотя ссылку младшей Юлии можно отнести на счет супружеской измены, за которую по закону, введенному по настоянию самого Октавиана, полагалось наказание.

В 4 году нашей эры Октавиан разрешил династический вопрос, назначив наследником Тиберия; трое оставшихся в живых внуков для этого не годились. Притязания Агриппы Постума он отверг с крайним презрением. Быть может, распутное поведение его матери дало Октавиану повод думать, что Агриппа — незаконнорожденный? И не подсказала ли ему эту мысль Ливия? Павла, занимавшего в 1 году

нашей эры пост консула, сослали за участие в заговоре, но в отличие от Марка Антония он остался в живых. Почему? В случае устранения Тиберия как проконсул Павл мог иметь более серьезные притязания на власть, чем Германик, супруг другой внучки принцепса — Агриппины. Возможно, Павл замышлял не против самого Октавиана, а лишь против Тиберия.

В течение десяти лет, миновавших между ссылкой Юлииматери и Юлии-дочери, в доме принцепса на Палатине всем заправляла Ливия. К моменту изгнания первой Юлии Тиберий несколько лет жил изгнанником, а пятеро детей Юлии роскошествовали в Риме. По прошествии этих десяти лет Тиберий стал доверенным лицом принцепса, а четверых детей Юлии уже не было — кто погиб, а кого сослали.

Из пятерых в фаворе оставалась одна Агриппина, супруга Германика; она только что подарила Октавиану двух правнуков, вознаградив его за младенца, которым он с такой легкостью пожертвовал.

Никто всерьез не верил, что все это время Ливия оставалась сторонним наблюдателем, но доказательств ее пагубного вмешательства не было.

Еще одной жертвой гнева Октавиана в том же году, когда сослали младшую Юлию, стал поэт Публий Овидий Назон, который, как полагают, оказался слегка замешан в той же истории. Октавиан изгнал его в захолустный городишко Томы (современная Костанца) на Черном море, где поэт и провел оставшиеся девять лет жизни, тщетно выпрашивая дозволения вернуться в Рим и сочиняя стихи — уже не столь легкие и игривые, как те, что его прославили. В элегиях под названием «*Tristia*» («Скорби») он признает, что причина ссылки — его стихи и недоразумение (*carmen et error*). Стихи, о которых он говорит, — это поэма «*Ars Amatoria*» («Искусство любви»); Октавиан осудил ее как развращающую нравственность римлян. По современным стандар-

там на порнографию поэма не тянет, но в ней даются довольно циничные советы женщинам о том, как угодить мужчине, и мужчинам — как соблазнить женщину.

Здесь имеется противоречие: до того как поэт впал в немилость, «Искусство любви» ходило по Риму уже семь или восемь лет, и Октавиан знал о поэме задолго до того, как его внучка решила применить советы на практике. Вергилия и Горация давно не было в живых, и Овидий заслуженно считался лучшим поэтом своего поколения. Отрывки из «Искусства любви», обнаруженные на стенах Помпей, говорят о большой популярности поэмы. Что же касается «недоразумения», то никому не известно, что это значит. О недоразумении говорит только сам Овидий, все серьезные исторические источники о его изгнании умалчивают.

Согласно другой теории, глубокомысленной, но вряд ли верной, Октавиан наказал Овидия за его «Метаморфозы», написанные перед самым изгнанием. В поэме говорится о магических превращениях людей в животных, растения, звезды и великое множество других вещей. Американский историк С. Г. Ньюджент полагает, что Овидий, прикрываясь мифом, на самом деле описывает мир, в котором отдельный человек беззащитен перед своеволием и безграничной властью богов-олимпийцев, причем поэт намеренно подчеркивает сходство последних с обитателями Палатина. Вряд ли Октавиан мог узреть подобный подтекст, но эта гипотеза наводит нас на мысли о проблеме тирании. Чтобы сломать поэту жизнь, не понадобилось никаких юридических процессов — хватило неудовольствия одного человека, выраженного непререкаемым *fiat*. Здесь мы видим другие стороны «отеческой заботы» Октавиана — зуюсть взглядов и вседозволенность.

Запрещая книги Овидия, принципс тем самым, возможно, способствовал их сохранению. Ни один римский поэт не оказал такого влияния, как Овидий, на литературу средневековой Европы и искусство эпохи Возрождения.

С того времени как Октавиан вернул пасынку благосклонность, то есть с 4 года нашей эры, и до тех пор, когда Тиберий стал следующим принцепсом, прошло десять лет. За это время приемный отец заставил его послужить на сошесть. При первом же случае Октавиан снова послал Тиберия сражаться в Германию, потом — на четыре тяжких года — подавлять мятеж паннонцев и далматов.

Положение на границах оказалось настолько серьезное, что в Риме перепугались и стали отпускать на свободу рабов, чтобы можно было призвать их в армию — защищать Италию. Все закончилось безжалостным усмирением огромных земель к югу от Дуная, протянувшихся до Понта Эвксинского (Черного моря); усмирение имело важные последствия — установились безопасные пути из восточной части империи в западную. В следующие века по этим дорогам передвигались евреи, христиане и другие переселенцы.

Доходы государства с трудом обеспечивали содержание легионов и выплаты при отставке — даже при том, что Октавиан добавлял денег из своей немалой кубышки; сокровища Птолемеев стали подходить к концу. Принцепс основал специальный фонд для отставников, который финансировался за счет взимания с крупных земельных владений пятипроцентного налога на наследство. Отныне солдаты, отслужившие полный срок — двадцать лет, получали вместо земельных наделов по двенадцать тысяч сестерциев; теперь не приходилось отбирать землю у землевладельцев, чтобы расселить ветеранов. Кроме того, солдат стали увольнять партиями через определенные промежутки времени, а не как раньше — сразу огромными количествами.

В 9 году нашей эры римляне потерпели страшное поражение: в Тевтобургском лесу, в Центральной Германии, попали в засаду три легиона во главе с Квинтилием Варом; погибли почти все до последнего человека. Против римлян сражались объединенные германские племена под предводительством Арминия, который раньше служил во вспомо-

гательных римских войсках и знал, что сложная боевая тактика легионеров применима только на открытой местности, но не в густом лесу. Тиберия послали исправить почти безнадежное положение, но после двух лет военных действий он, вместе с приемным сыном Германиком, отошел на западный берег Рейна.

Реакция Октавиана на поражение показала, что силы его убывают. В течение нескольких месяцев после катастрофы он иногда ударял себя по голове и восклицал: «Вар! Верни мои легионы!» Тиберию принцепс написал, что если тот займет его, Октавиана, место, то пусть не пытается расширять границы империи, а отстаивает те, которые есть. В 13 году нашей эры стареющий принцепс сделал Тиберия соправителем, и всем стало ясно: конец Октавиана близок. На следующее лето уже притерпевшиеся друг к другу Октавиан и Тиберий в последний раз вместе отправились в путь: Октавиан провожал приемного сына в Иллирик. Тиберий отправился своим путем, а Октавиан заехал в небольшой городок под названием Нола. Должно быть, его влекло туда предчувствие. Он посетил дом, в котором провел последние часы его родной отец, просто Гай Октавий. Октавиан пожелал остаться в комнате, в которой тот умер. Ливия сразу же поняла, о чем думает супруг. Близился критический момент. Ливия послала гонца — догнать и вернуть Тиберия.

XIX

Крестный отец Европы

Тиберий примчался обратно и успел провести с умирающим Отцом отечества целый день. Они долго разговаривали наедине. Никто не знает, что они друг другу говорили. На следующее утро Октавиан посмотрел в зеркало, помял

пальцами лицо, словно пытался расправить его. Он спросил у присутствующих — хорошо ли, по их мнению, он сыграл комедию своей жизни. Все поспешили ответить утвердительно. То было 19 августа 14 года нашей эры — шел срок пятый год правления Октавиана.

Он скончался на руках у Ливии; Тиберий тоже был рядом. Октавиан сохранил образ государственного деятеля. Он ушел так же, как и жил, — не давая воли чувствам, до конца верный долгу.

Слезы, проливаемые по всей империи тысячами, а может, и миллионами людей, никогда его не видевших или видевших только на расстоянии, не могли заменить привязанности, которой не было между уцелевшими членами распавшейся семьи. Внук Октавиана, Агриппа Постум, был убит императорским *fiat*, едва исполнители добрались до места его ссылки. Отдавал ли Октавиан перед смертью такое распоряжение? Кто знает. Возможно, то был первый приказ Тиберия, или же Ливия решила подчистить концы.

В день погребения Октавиана весь Рим был на ногах; свои похороны принцепс тщательно спланировал. Торжественная процессия принесла гроб с маленьким иссохшим телом на Форум, где во время официальной церемонии Тиберий и его лишенный наследства сын Друз произнесли с острыми речами, в которых упоминались самые выдающиеся события в жизни принцепса.

Гроб вынесли на Марсово поле и возложили на погребальный костер вблизи гигантского обелиска, который принцепс вывез из Египта и установил в качестве солнечных часов. В день рождения Октавиана длинная тень обелиска падала на его изображение на Алтаре Мира — истинном памятнике императору.

Представления Октавиана о мире отличаются от современных понятий. Для него *Pax Romana* неразрывно связан с войнами и захватом земель. Этот мир не подпадает под

все наши определения, он опирается на взвешенный расчет материальных выгод, извлекаемых из власти над завоеванными народами, которые трудятся, платят налоги и сражаются (против врагов Рима) — и все исключительно по воле Августа и его преемников. Такой мир не имеет ничего общего с моральными принципами вроде «возлюби ближнего», скорее — «подчини ближнего и защити себя». Вторая формулировка вполне применима и к нашему времени. Таково было отношение Советского Союза к Восточной Европе; именно оно лежит в основе действий американцев в Ираке (бывшем некогда частью Парфянского царства) и вообще на Ближнем Востоке. В отличие от его современных коллег Октавиан совершенно откровенно описывает величайшее свое достижение — *Parta victoriis pax* (мир, рожденный победами).

Понятие мира для римлянина неотделимо от добродетелей, традиционно поддерживаемых *mos maiorum* (моральными принципами большинства), где под «большинством» подразумеваются лучшие люди из тех, что умерли, и лучшие из живущих, которые, в свою очередь, обязаны привить эти добродетели незапятнанными следующим поколению. На первом месте — мужество и патриотизм, а следом идет *pietas* (благочестие). Опять же понятие благочестия сильно отличается от нашего. Для Октавиана, который взял себе за правило публично демонстрировать свое *pietas*, оно подразумевает не просто человека верующего, избегающего грехов и совершающего благие дела. С точки зрения взаимной верности и социальной ответственности в контексте *mos maiorum* понятие *pietas* гораздо шире.

Благочестивый римлянин — это тот, кто всегда на стороне Рима и его богов, тот, кто сражается за господство своей державы и честь семьи. Прочный мир должен был казаться Октавиану опасным для традиционной римской морали, поскольку он ведет к расслабленности, потаканию собственным слабостям и к упадку. Именно потому он присоединил к державе больше земель, чем кто-либо другой до

или после него, и ожидал, что его преемники посвятят все силы управлению и защите этих земель. Октавиан содержал — в основном на границах или у границ — армию в сто пятьдесят тысяч легионеров (и примерно столько же человек во вспомогательных войсках в провинциях), достаточное число для сохранения внутреннего мира и отпора захватчикам, а также для тщательно спланированных кампаний по захвату новых земель.

Pax Augusta славен еще и тем, что он способствовал расцвету мирных ремесел — на больш́их, как никогда прежде, территориях. Развивалась торговля — между землями, входившими в империю, и между отдаленными частями света. Население росло; огромные угодья, никогда не знавшие плуга, стали теперь обрабатываться. Простые путники могли спокойно добраться из Европы в Африку через Азию и так же спокойно вернуться — ибо путь проходил по охраняемым Римом землям. И с ними путешествовали не только товары, но и новые мысли и религии. Распространялся римский образ жизни, его усердно перенимали многие народы, особенно варварские племена на западе. Самому Риму век Августа принес новые понятия о нравственности и обществе.

И пусть превозносимое Октавианом «возрождение республики» не что иное как обман — на высшем политическом уровне, — в целом оно было правдой, как может быть правдивым произведение искусства, имеющее какие-то вымышленные детали.

Октавиан старался восстановить не конкретное сочетание политических законов и порядков, а систему традиционных ценностей, согласно которой общее благо всех граждан стоит выше, чем индивидуалистические стремления привилегированного меньшинства.

Его собственная маниакальная борьба за власть отнюдь не обусловлена цинизмом. Как только Октавиан достиг высокого положения, он в гораздо большей степени стал руководствоваться в своей политике любовью к обычаям и

духу прежних поколений римлян, во всяком случае, в той мере, в какой о них можно было судить по легендам прошлого, легендам о деяниях, прославивших римский народ и возвысивших его над другими. Этот дух, независимо от того, существовал ли он в действительности, красноречиво и лаконично, как никто другой, выразил британский министр девятнадцатого века лорд Маколей в известных и часто осмеиваемых за сентиментальность строках о Риме поздней империи:

Не партии, державе
Служить старался всяк.
Вождь пекся о народе,
Любил вождя бедняк.
Делили честно земли,
Добычу — плод войны;
Как братья жили римляне
В дни славной старины.

Ни одно из этих утверждений нельзя назвать полностью верным. Да и могло ли так быть, коль скоро люди несовершенны? Просто Маколей — как и Октавиан — желал верить, что когда-то, когда деньги, роскошь и безудержное честолюбие не испортили людей, царил золотой век братства и героизма. То была та самая *Res Publica*, которую Октавиан мечтал восстановить или по крайней мере поставить гражданам в пример для подражания. То была сфера разума, скорее символ, чем реальность, и, быть может, символ тем более могучий.

В погоне за всеобщим благом Октавиан был готов отказаться от личного счастья, подобно тому как с радостью отдавали жизни за Рим легендарные представители героической эпохи. Он пожертвовал единственной дочерью и двумя внуками, когда их поведение стало мешать реализации его задачи: перевоспитать граждан с помощью суровых законов о нравственности и личного примера со стороны император-

ской семьи. Эти реформы, как и *Pax Augusta*, не проистекали из абстрактных этических принципов, но основывались на понимании нужд государства, его государства, государства более великого, чем он сам, и требовавшего от настоящего римлянина не большее и не меньшее, как полной самоотдачи.

Римлянин беззастенчиво призывался к национализму, даже расизму; никто в Древнем Риме не видел в том ничего постыдного. То был зов долга перед нацией, зов, который, как ни странно, находил отклик в завоеванных провинциях. Поставляемые Римом полупрофессиональные чиновники под руководством подотчетных заместителей способствовали улучшению представлений о Риме как о колонизаторе. Налоги, конечно, взимались по-прежнему, но процесс оценки и сбора стал более рациональным, не столь грабительским. Некоторые отсталые провинции умели оценить выгоды, которые несло им, во всяком случае высшим классам, сотрудничество с более развитой цивилизацией.

Как италийские города подражали оригиналу, Риму, и каждый имел собственное здание сената и Форум, а иногда даже такие же, как в Риме, названия улиц, так и провинциальные города испытывали строительный бум — они соревновались друг с другом, подражая духу и образу жизни столицы — предмета своей зависти.

Когда родился Октавиан, галльские племена вели меж собой постоянные войны; они отрубали врагам головы и украшали ими крыши убогих жилищ или деревья в друидических рощах.

Когда Октавиан был мальчиком, а Юлий Цезарь сражался с галлами, римское войско выстроило лагерь у слияния Роны и Соны.

Когда Октавиан повзрослел, лагерь уже превратился в оживленный административный центр с большим будущим.

При его правлении этот населенный пункт быстро разросся, стал городом под названием Лугдун: роскошные об-

шественные бани, мраморные храмы, театры, акведук, мастерские, где делали прекрасную керамическую посуду, хорошие дома из кирпича, бетона и камня — на таком уже не повесишь отрубленную голову.

Тем, кто желал получить римское гражданство, Октавиан запретил исповедовать религию друидов; люди молодые и честолюбивые больше всего стремились стать римскими гражданами. Еще до смерти Октавиана Лугдун стал столицей римской Галлии. Здесь пересекалось множество выстроенных легионерами мощных камнем дорог, соединявших Средиземноморье с Атлантическим побережьем и Северным морем; дороги помогали развитию торговли и почтовой службы. Этот город теперь называется Лион — большой город с предместьями, общим населением миллион двести шестьдесят тысяч человек, второй после Парижа, и, по мнению многих, отведавших деликатесов в его прославленных ресторанах — также и гастрономическая столица мира.

Почтовая служба — еще одно нововведение эпохи Августа, способствовавшее объединению империи, хотя первоначальной и основной задачей почты была срочная доставка из провинций в столицу различных сведений, особенно сообщений разведки. В республиканском Риме существовала частная почтовая курьерская служба (которой постоянно пользовались Цицерон и Аттик). Октавиан организовал общественную почтовую службу для всей империи, со сменными лошадьми, курьерами и постоянными станциями, расположенными на определенном расстоянии на больших дорогах. Официально почтовая служба предназначалась для государственных дел, и пользовались ею лица, занимавшие высокие посты, но они нередко провозили письма от жен и друзей — так же как сегодня порой в дипломатическую почту попадают частные письма. Более эффективная и более масштабная, чем при Октавиане, почтовая служба появилась только в середине девятнадцатого века, после постройки железных дорог.

Лugdun — не единственный пример строительного подъема эпохи Августа, связанного с быстрым процессом урбанизации. Немало других городов, пусть и меньшего размера, выросло из маленьких поселений в Испании и Галлии, в Северной Африке и на Балканах.

Древние названия некоторых городов, особенно много их в Галлии, говорят о том, что они связаны, так или иначе, с эпохой Августа. Августобона (Труа), Августодунум (Отён), Августодурум (Байё), Августонеметум (Клермон-Ферран) — вот лишь некоторые из них.

Извлекая из могил останки древних жителей Галлии, археологи обратили внимание на явное различие погребальных принадлежностей до и после правления Августа. В течение многих веков в могилы умершим клали оружие и примитивные глиняные плошки; а потом стали преобладать такие предметы роскоши, как зеркала, фаянсовые изделия, сосуды с благовониями и масляные лампы. Произошла и еще одна значительная перемена: племена, употреблявшие пиво, стали переходить на вино. Римляне, надо полагать, придерживались мнения, что в Галлии не умеют делать хорошего вина.

Придя к власти, Октавиан занялся восстановлением многих пришедших в упадок римских храмов. Когда его власть стала набирать силу, под его покровительством начали возводить новые храмы по всей империи — часто за счет местных богачей, которые сами об этом упрашивали. Один из самых красивых и наиболее хорошо сохранившийся — Мезон-Карре в Ниме, еще один памятник эпохи Августа в южной Галлии. Храм построен в подражание храму Аполлона, который Октавиан воздвиг рядом со своим домом на Палатине, а орнаменты в виде листов аканта позаимствованы с Алтаря Мира. В начале девятнадцатого века по образцу Мезон-Карре выстроили церковь Магдалины в Париже. Таким образом, культурное наследие эпохи Авгу-

ста распространялось и в пространстве, и во времени — способствуя объединению империи и донося имя Октавиана до наших времен.

Традиции иконографии его эпохи живут даже в регалиях английских монархов. Когда Октавиан открывал храм Цезаря в Риме, он поставил там статую Юлия Цезаря с шаром в руках, символизирующим власть над миром. На шаре стояла маленькая фигурка богини Виктории. В четвертом веке христиане упросили тогдашнего императора заменить фигурку Виктории небольшим крестом. На протяжении средних веков шар, увенчанный крестом — держава, — служил международным символом монаршей власти. Королева Елизавета Вторая во время своей коронации в 1953 году держала в руках такой шар.

Примеров можно привести множество. Как известно, Юлий Цезарь незадолго до убийства произвел реформу римского календаря. В году стало 365 дней, за исключением високосного года. Октавиан стал использовать этот календарь в качестве единого для всей империи и таким образом оставил не у дел некоторых жрецов на местах, потому что ранее именно они произвольно определяли начало времен года и дни важных празднеств. Власть жрецов уступила место законам математики, и вопросами календаря занималась не религиозная элита, которая никому не подчинялась, а уполномоченные на то образованные люди. Так же обстоит дело и в современном мире.

Люди, оплакивавшие Октавиана на его похоронах, понимали, какой замечательный человек ушел из жизни, но никто и представить не мог, что два тысячелетия спустя его влияние проникнет повсюду, сохранится в большом и малом, хотя широкая публика вряд ли будет это влияние осознавать.

Когда вспыхнуло пламя и поглотило бранные останки Августа, какой-то сенатор увидел, как дух принцепса поднимается в небо, чтобы присоединиться к прочим богам. Позже

сенатор принес в том клятву, и Ливия подарила ему миллион сестерциев. Пять дней спустя она пришла на пепелище, чтобы собрать кости и пепел супруга, и поместила их в мавзолей, на куполе которого уже стояла гигантская статуя Августа.

И еще много лет возносились ему молитвы по всему Риму, который Август для удобства управления разбил на двести шестьдесят пять кварталов и в каждом велел сделать помещение или нишу, чтобы поместить его статую; такие статуи он предусмотрительно заказывал в последние годы правления. Ныне Цезарю Августу никто не молится, зато больше двух миллиардов человек поклоняются одному из его бывших подданных неримского происхождения, человеку, родившемуся примерно за восемнадцать лет до его смерти. Отец этого подданного, простой смертный, платил Августу налоги и был, наверное, благодарен принцепсу за *Pax Romana*, за возможность относительно спокойно путешествовать вместе с женой и новорожденным сыном и осликом в Египет. Сегодня благочестивые христиане показывают в одном из пригородов Каира место, где отдыхали Мария, Иосиф и младенец Иисус, место, на котором теперь стоит коптская церковь.

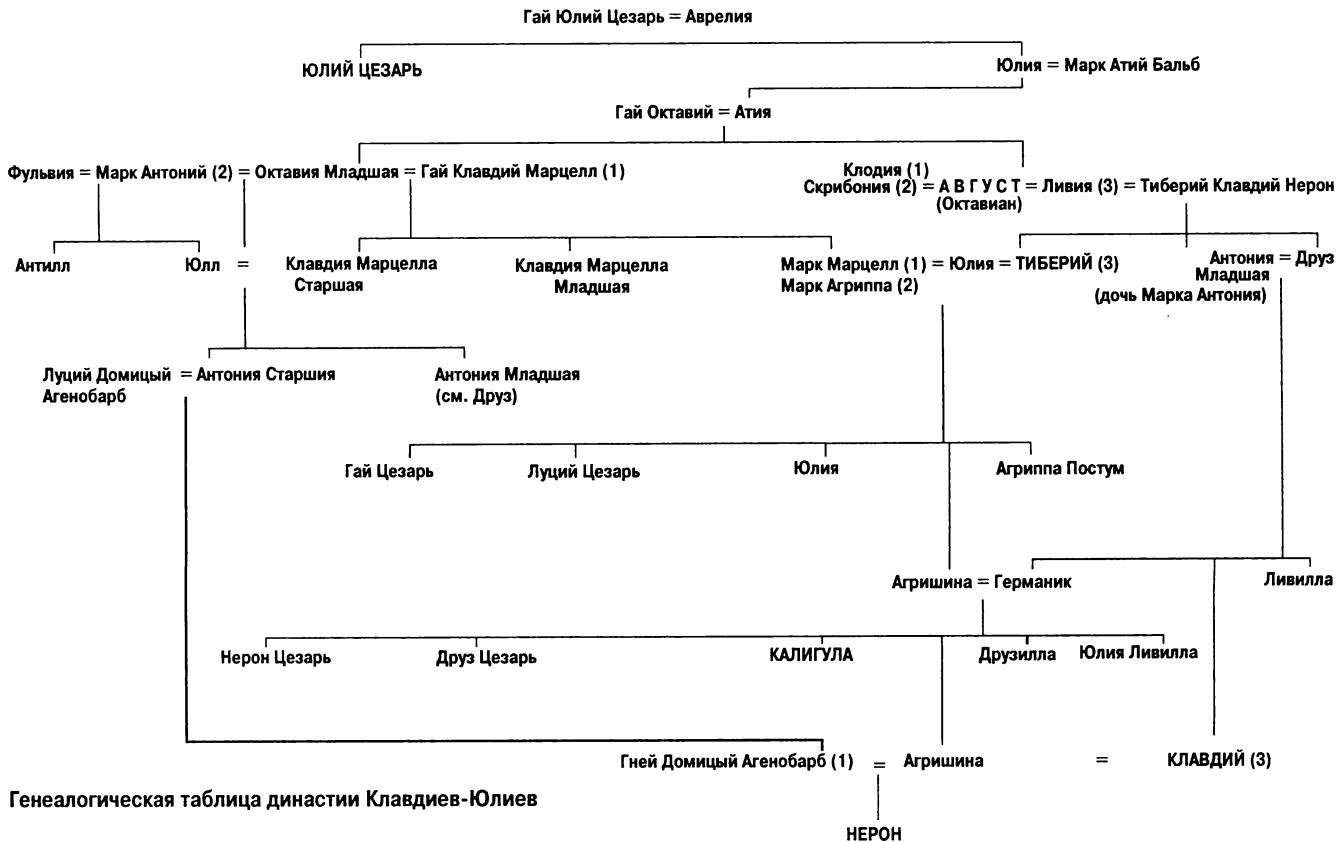
Мирная эпоха Августа в дальнейшем способствовала миссионерской деятельности святого Павла во время правления императора Нерона; без этого мира приснившийся Павлу македонянин тщетно молил бы апостола приплыть в Европу, чтобы нести людям благую весть. Последствия трудно даже представить. Смог бы святой Петр дойти до Рима? Или же Запад погряз бы в язычестве на многие века? Не следует также забывать, что, не будь система Августа столь долговечной, в четвертом веке, при Константине, Римская империя не стала бы так быстро христианским государством. Только абсолютный монарх может быстро ввести новую религию на столь обширной территории.

Октавиан был не самым благородным римлянином, но он был римлянином, сделавшим величайший вклад в развитие западной цивилизации. Его политическая система

еще четыре века после его смерти удерживала Европу как единое целое и вдохновляла честолюбивые стремления и Карла Великого, и государей Возрождения, и правителей эпохи Просвещения, и Наполеона Бонапарта, и диктаторов двадцатого века. Его звание великого понтифика переняли папы; германский кайзер и русский царь использовали имя Цезаря как монархический титул.

Сегодня Европейский союз, основанный на Римском договоре, следует политике, которой был не чужд и Октавиан: в паузах роста союз заявляет, что он не более чем объединение суверенных государств, но при этом тайно преследует цель — собрать как можно большую политическую власть и распространиться на весь континент. А по другую сторону Атлантического океана единственная страна в мире, сравнимая с империей Августа в плане относительной власти, решает вопросы войны и мира с помощью собственного сената на собственном Капитолии — в Вашингтоне, и правитель ее угрожает устроить *Pax Americana* в независимых государствах, которые воспринимает как непокорные ему штаты.

Тени Октавиана! Он был человек своей эпохи, отнюдь не нашей. И конечно, он не был богом. Но его можно назвать крестным отцом во всех смыслах этого слова. Он пришел к власти преступными методами — во главе группировки, действовавшей порой как государство в государстве. Те, кто ему препятствовал, погибали. Мир, которого он добился, был важнее для проповеди Евангелия и рождения христианской веры, чем кровь мучеников. Ставя перед сенатом предложения, которые тот не мог отвергнуть, Октавиан, совместно с тайной кликой, возглавляемой его семьей, низверг республику. Он скрывал суть своей власти за названиями должностей. Но — Цезарь или Август, император или принцепс, *Divi Filius* или просто Гай, многоликий Октавиан был — крестный отец Европы.

Генеалогическая таблица династии Клавдиев-Юлиев

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т.(495) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шарицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2а, стр. 1
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается

Научно-популярное издание

Холланд Ричард
Октавиан Август
Крестный отец Европы

Компьютерная верстка: Н.Г. Суворова
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 – научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96.
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Октавиан Август.

Один из самых известных государственных деятелей в истории Древнего Рима.

Человек сложного характера и непростой судьбы, он шел к власти весьма извилистыми путями и зачастую удерживал ее весьма жесткими методами, – но зато и для Рима сделал столько, сколько ни один из императоров после него.

Строительство. Социальные реформы. Долгое, мудрое правление, после которого потомкам досталась страна, не издерганная и обескровленная гражданской войной, а легендарный Pax Romana – Римская империя Золотого века, сильная, могущественная, процветающая.

Консерватор в лучшем смысле слова – и при этом человек, принесший в Римскую империю настоящий прогресс, он говорил о себе: «Я взял Рим глиняным, а оставляю его мраморным». И смысл этого изречения следует понимать очень и очень широко...

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-068217-1

9 785170 682171